

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ ПОЛЕ №1(13)

2015
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Поле
славы

Наталья Дашевская. «Две души, закалённые войной» 3

Пушкинская
горка

«Над гарью, над смертью, над бездной»
Антология одного стихотворения 31

Один в поле-
воин

Владимир Илляшевич. Памяти Валентина Распутина 43

Casa mare

Игорь Михайлов. Угомон. Рассказ 50
Юнна Мориц. В священном смысле 95

Мост

Марина Сычёва. Время поэзии 58
Сергей Чернолев. Стихи 59
Татьяна Карабет. Стихи 63
Валентина Плешкан, Муза Гончарова.
В заречном городке 69

Семейный
альбом
Победы

Олеся Рудягина. «Скажи-ка, дядя!..» 77
Корнелия Сливенко. Мой дорогой солдат Победы 91

Поли-ART

Валентина Склярова. «Не отрекаются любя...» 102

**Осторожно:
история!**

Блокадная исповедь 107

**Горизонты
Ломоносовки**

Наталья Родина. «В этом доме по утрам
играет музыка...» 115

**Звезда
над полем**

Рустам Ахметзянов. «Никто не может быть
уверен в том, что жизнь окончена...» 119

**Взлётная
полоса**

Евгений Кондратенко. Почти герои. Рассказ 132

Голоса внуков победителей

Эдуард Неврянский. Имя в летописи души..... 137

Ирина Филатова. Когда уйдёт последний ветеран... 139

**Забвению
не подлежит**

Пётр Шорников. Подполье в действии 140

«Для памяти срока давности нет»..... 160

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
Редколлегия: *Сергей Пагын, Виктория Чембарцева,*
Татьяна Орлова-Волошина, Виктория Алесенкова,
Марина Сычёва.

Литературный редактор: *Нелли Торня*

Корректор: *Антонина Иванова*

Художник: *Сергей Сулин*

Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoeполе-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompaş"
г. Кишинёв, ул. Фердедулуй, 4

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

Поле славы

ПОБЕДИТЕЛИ

К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне в столице Молдовы готовится к изданию книга о замечательной кишинёвской чете – Герое Советского Союза, гвардейском полковнике Алексее Ильиче БЕЛЬСКОМ и военвраче Лидии Алексеевне БЕЛЬСКОЙ, которую написала журналист Наталья Дашевская. Во время боёв за Кишинёв батальон Бельского первым прорвался к центру города. На руинах затрепетало красное знамя.

О войне сейчас пишут многие – и друзья, и недруги Победы. В публикуемом отрывке из документальной повести «Две души, закалённые войной» представлена ещё одна попытка защитить образ величайшего триумфа над тьмой под знаком праведной силы и большой человеческой любви.

ДВЕ ДУШИ, ЗАКАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

БУДИЛЬНИК ДЛЯ СОВЕСТИ

За окном – стена из листьев. Зелёные, солнцем нагретые, тянутся к небу ладони орехов и каштанов. Трепещут и волнуются, словно что-то для себя вымаливают. Я смотрю на эту изумрудно-малахитовую шевелящуюся стену в это ясное пасхальное утро...

А он смотрит на меня. И тоже, кажется, о чём-то молит.

Я чувствую его. Он здесь, в комнате. Лишь закрываю глаза – в полуяви, в полудрёме вижу его за моим письменным столом. Кто он? Некто. Бесплотный дух.

Физически, глазами, я его не вижу. А ощущаю, и своеобразно: пространство по контурам его существа начинает струиться, словно горячий воздух в летний полдень, а потом – раз! – и застывает. Всё неуловимо сдвигается. Остаётся только его взгляд. Этот взор не буравит, не укоряет. Бессловесная сущность просто смотрит на меня.

Мне удалось разглядеть его внутренним зрением. Это подтянутый импозантный мужчина в хорошем костюме. Сидит, сложив руки на коленях, неподвижно и словно против света, так что черт лица не разобрать.

В богатейшем русском языке не нахожу слов, чтобы коротко описать этот образ, явление... Мощь, человечище? В общем, некто очень зрелый, если не сказать, древний. Сильный, невыносимо одинокий и с огромной степенью ответственности за...

За неё.

Да, его посещения совпадают с моими визитами к Лидии. Не могу сказать, что эти посещения обременительны. Никакого особого беспокойства они не вызывают, волос на голове дыбом не поднимают, мурашек по коже не гоняют, потому что он, судя по всему, добрый дух. Мог бы для смеху попугать, но нет, он деликатен. У него другая задача – сидеть и просто смотреть. И будить мою совесть.

Ведь она, совесть, меня всё это время мучает. Я, конечно же, поняла, чего он добивается.

Его визиты – это такая форма опеки над Лидушей оттуда. Он с ней рядом всегда. Подобно ангелу, парит над ней защитным облаком, реет знаменным полотнищем, обтекает охранительным ветром – он, её Алёша.

И пытается вразумить меня не проигнорировать её просьбу. Он силится пробудить во мне желание выполнить её, Лидушино, желание. И его тоже.

Это желание – написать книгу о них...

Она ведь давно просила меня об этом. Так убеждала, увещевала, едва не заклинала. В ответ я с охотой и совершенно искренне обещала. Но, по макушку погруженная в семейные дела, так и не взялась. И вот ныне, в светлый праздник Воскресения Христова, берусь за перо.

Всё, что изложено дальше, основано на длинных задушевных разговорах с военно-полевым хирургом, капитаном медицинской службы, заслуженным врачом Лидией Алексеевной Бельской. И на заметках её мужа, гвардии полковника, комбата, Героя Советского Союза Алексея Ильича Бельского, равно как и на воспоминаниях его соратников. Определённой толикой повествование обязано энциклопедиям и авторскому художественному чутью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРАСИВАЯ И ГОРДАЯ

Что сказать о ней сегодняшней?

Она очень гордая. Упрямо гордая и властная, что свойственно всем зодиакальным Львам. В свои 94 года никому ни на что не жалуется и обихаживает себя в быту сама. Никому не позволяет быть свидетелем её нужд. Никаких помощниц по кухне! Шторы снимает, стирает и вешает, залезает на табурет, не прося кого-либо подстраховать – да хоть бы соседку. Пылесосит ковры, поливает цветы. Если надо выйти на улицу, – не во двор, а именно на улицу, где господствуют не всегда идеально управляемые автомобили, – она, уже давно не зоркая и не быстроногая, выходит без всякого сопровождения. Я невзначай сказала ей однажды, что в оперном театре завтра покажут «Пиковую даму» с участием российских солистов. Думаете, она не пошла? Пошла – одна, без билета.

Наверное, оттуда, из «небесного охранного агентства», за ней ведётся неусыпный присмотр. И через добрых людей ей посылается помощь. В тот раз Лидию Алексеевну нагнал знавший ее белорусский посол. Вместе со своей женой

он направлялся на тот же спектакль, в тот же театр. Дипломатическая чета любезно подхватила её под ручки, доставила на место, купила билет, а по окончании представления посадила в посольскую машину и та отвезла её домой.

Как не сказать о её памяти и о глубине натуры? В качестве журналистки молдавского приложения одной из российских газет я интервьюировала Бельскую много раз, и некоторые эпизоды её военных лет выучила наизусть. Чтобы не повторяться, расспрашивала о разных мелких деталях, ставила вопросы под другими углами зрения – утилитарно-практическим или метафизическим. И она адекватно реагировала, развивая тему вширь и вглубь.

С Лидией Алексеевной легко общаться. Люди её возраста часто превращаются в младенцев. А ей вкусны темы внутреннего человекоустройства. Что сказать? Я их тоже люблю. На том и подружились.

Она по-прежнему внешне привлекательна. Про молодые годы молчу, не видела. Однако судя по фото, она была, что называется, «не можно глаз отвести». На снимках военных и послевоенных лет она девушка-апрель с ямочками на щеках. Сегодня одуванчик её серебряных волос создаёт эффект лёгкого свечения. В ней никогда не было позы, такой же простой и свойской осталась по сей день. Никого не встречает по одежке, по статусу, достатку, не делает фейс-контроля. Одинаково сердечно общается как с сильными мира сего, так и со встречными-поперечными. Всегда приветлива, смешлива. Любит угощать и отрадой для себя считает застольные душевные разговоры.

В обозримом прошлом государственные деятели рангов президента страны и спикера парламента на празднествах, увидев эту женщину, увешанную орденами и медалями, неизменно торопились подойти к ней, чтобы прилюдно, на камеру, обнять и расцеловать в обе щёки и вручить букет цветов. Это стало для них ритуалом, элементом протокола.

РУКА В РУКЕ

Что говорить, в любой толпе она бросается в глаза какой-то своей особостью, которая заключается, видимо, в масштабе её личности и бьющей через край энергии. В этом смысле они с Алексеем Ильичом были друг другу под стать. На долю обоих выпали чудеса храбрости и живучести, поражающие воображение. Не будь войны, встретились бы они? Может быть, да. И, может быть, отведённый обоим земной отрезок бытия прожили бы тихо, честно и светло, растя семеро по лавкам и усердно трудясь. Но им выпала война, которая ввергла их в сверхэкстремальные условия и разбудила спавших в них титанов.

Простой пример. Медики мирного времени знают: провести за время дежурства две-три хирургические операции означает очень и очень вымотаться. После

четвёртой-пятой наступает капитальное опустошение. И это в превосходно оборудованном помещении, в окружении бригады помощников, при ярком свете бес-теневых ламп. А военврач Бельская три «сороковых-роковых» года делала в сут-ки от 10 до 70 операций – в зависимости от боевой обстановки. В блиндаже или палатке, часто во время военных действий, под устрашающий гул битвы. С един-ственной медсестрой-помощницей. Да, она выбивалась из сил страшно, но убыль их постоянно откуда-то восполнялась. И это уже были не силы, а сверхсилы. От той 20-летней девочки никто никогда не слышал жалоб, недовольства или хныка-нья. Зато многие слышали из её уст горячие слова утешения. Стоило бы поломать голову, из какого же источника те силы богатырские прибывали? Кто стоял с чер-паком? Одному Богу известно.

В её жизни вообще полно чудес и парадоксов. Например, низкий порог чув-ствительности. Знающие её не дадут соврать: Лидия Алексеевна – чрезвычайно эмоциональный человек. Она умеет искренне сопереживать и радоваться, как это способны делать только дети. Между тем, известно, что у врачей, особенно хи-рургов, порог ощущений изначально должен быть высоким. Они профессионально малочувствительны, в противном случае психика не выдерживает стольких человеческих страданий и постоянного вида крови. А Бельской после всех ужа-сов войны удалось не огрубеть, не стать циничной, сохранить в себе весь спектр добрых чувств.

Разгадка этой головоломки, скорее всего, кроется в истории её появления на свет. Ведь Лидия была зачата в большой любви. А именно в таких случаях вопло-щаются на земле высокие души.

«АНГЕЛ В БЕЛОМ» ПОДСКАЗАЛ ПРОФЕССИЮ

Она родилась 1 августа 1921 года в приволжском зажиточном городе Балако-во Саратовской области.

Вот первое из сохранившихся воспоминаний детства. Ей исполнилось четы-ре года. Отец принёс дочке большую нарядную куклу, которая открывала и за-крывала глазки. До сих пор она видела кукол только с застывшими стеклянны-ми или нарисованными глазами. От такого волшебства оторваться не было сил. Потрясённая девочка поглаживала пальчиками кружева и оборки юбок, фарфо-ровую головку, пелеринку. Сто раз укладывала-подымала ляльку, чтобы увидеть, как она, хлопая длинными ресницами, распахивает и утомлённо прикрывает свои большие голубые – ну прямо живые глаза. Девочка потеряла покой: как же это по-лучается? Ведь должно быть объяснение. Но нет никакой щёлочки, чтобы загля-нуть внутрь. И она решилась: взяла свою таинственную красавицу, пробралась в укромное место за домом, стукнула её по голове кирпичом и затем деловито осмотрела содержимое головы. А там – одни проводки и пружинки. Просто и не волшебство. Так «трепанация» кукольного черепа стала первой операцией будуще-го высококлассного хирурга.

Однако мама этот провиденциальный момент не поняла. Увидев раскурочен-ную дорогостоящую игрушку, она схватилась за сердце.

– Зачем?! Как ты могла, Лида? У меня, слышишь, никогда такой не было! – крикнула она маленькой безобразнице.

А папа с довольной ухмылкой изрёк:

– Мать, не ругайся. Девка у нас растёт любознательная. Она перво-открыватель-ница! Мир исследует.

Отец был человеком спокойным и выдержанным – в качестве красного командира не раз видел на поле боя реальные «трепанации». Как знать, если бы родители выпороли тогда девчущку, то наверняка отбили бы у неё навсегда желание «заглядывать внутрь». А значит, впоследствии не спасла бы их дочь десятки тысяч людей.

Именно в те лета она твёрдо решила для себя, что станет врачом, – уже после другого случая. Как-то Лида заболела. Лежала с высокой температурой, кашлем, ангиной. Пришла доктор – светленькая, ласковая. Сняла пальто, надела белый халат, шапочку (так было в те времена принято). Послушала стетоскопом грудку ребёнка, посмотрела горло, выписала лекарство. От нее веяло стерильной чистотой и мятно-лекарственным холодком, а ещё удивительным миролюбием. Все страхи и тревоги девочки враз улетучились. И она как-то очень быстро пошла на поправку. А приятное впечатление о враче постепенно трансформировалось в мечту. Потому что, выздоровев, она сразу заявила родителям: «Вырасту и буду тётей в белом халате».

Так «ангел в белом» показал ей тогда путеводную звезду. А пришла бы какая-нибудь злока, вlepила бы болючий укол – и, как знать, может, отвратила бы Лиду от медицины раз и навсегда.

АРТИСТКА ИЛИ ВРАЧ?

Следующее неизгладимое воспоминание детства. Как сейчас видит она их большой деревянный дом с рябинами в просторном палисаде. Высокое красное крыльцо ведёт к входной двери под козырьком. Сбоку на косяке висит звонок. Со двора можно войти в большой сухой и прохладный погреб, а в нём рядами стоят кадки с солёными огурцами, грибами, с квашеной капустой и мочёными яблоками, лари с овощами и картошкой. Ей так нравились те будящие аппетит запахи. Окна дома смотрят на Волгу, по зеркальной глади плывут пароходы и барки вперемишку с отражёнными в воде облаками. В комнатах по чистым крашеным полам так приятно шлёпать босиком.

По соседству жил дядя Ваня. Он выходил по вечерам с балалайкой под мышкой, усаживался на скамейку и ну наяривать камаринскую, «Барыню», частушки, плясовые и прочие наигрыши. Маленькая Лидочка бежала к нему со всех ног, подсаживалась, слушала музыканта и от восторга буквально млела. Однажды дядя Ваня сообщил ей, что умеет играть и на гитаре, но инструмента нет. И тогда ей страсть захотелось научиться играть именно на гитаре.

Но к кому с такой просьбой подкатиться? К папе, конечно же. С ним легче найти понимание, когда дело касается необычных ситуаций, а вот мама подобное баловство вряд ли одобрит.

Отец и впрямь живо откликнулся:

– Это, дочка, дело поправимое.

Не откладывая в долгий ящик, посадил ребёнка на тарантас, и они весело покатали к магазину музыкальных инструментов. У Лиды под грохот колёс о мостовую в унисон радостно колотилось сердце. Как сейчас помнит она диалог продавца с отцом:

– Товарищ командир, что вы хотите?

– Дочке гитару.

– Ну, идите, выбирайте, – и показал широким жестом на стеллажи.

– Нет, пусть она сама себе выберет, а я подожду.

И кроха с серьезной миной пошла осматривать гитары, которые видела впервые в жизни.

Гладила их бока, принюхивалась, трогала пальчиками деки, струны – они то звонко, то бархатно резонировали, словно прося: «Меня, меня, деточка, выбери!».

Она выбрала профессиональную семиструнку, но продавец отсоветовал:

– На ней даже опытным исполнителям трудно играть. Возьми лучше шести-струнку.

И вот добрый дядя Ваня стал давать ей уроки игры и на гитаре, и на балалайке. И уже к школе она сносно освоила оба инструмента. Стоило ей заиграть – откуда ни возьмись собиралась детвора, облепляла скамью и лежащие горой брёвна, – сначала слушала, а потом давай плясать и хохотать.

– Весёлая наша Волга! – с гордостью говорил тамошний народ, и Лидия Алексеевна до сих пор эти слова с удовольствием повторяет. Она и сама, глядя на других, в раннем детстве научилась и петь, и топотуху ногами отбивать, и павой выступать. Человек распрямил творческие крылья в самом нежном возрасте.

Однажды мама с подростковой дочкой шли по улице, и на глаза им попался старичок. Он остановился возле них и обратился к матери с пророчеством:

– Послушай, касатка, я должен тебе кое-что о твоей дочке сказать. Послушаешь? Она у тебя вырастет и станет или знаменитой актрисой, или очень хорошим врачом. Она у тебя объездит много-много стран. Жить ей выпадет с человеком, который будет её любить больше жизни. Они пройдут огонь и воду и останутся живы.

Мать тогда отмахнулась: вот наплёл!

Но всё-всё сбылось. Только вот артистическую «карьеру» она начала, когда ещё под стол пешком ходила, а закончила с получением школьного аттестата. Потому что другая её ипостась, на роду написанная, оказалась людям нужнее и отечеству важнее.

КАК НОВОРОЖДЕННАЯ ПРЕКРАТИЛА ВОЙНУ

Что запомнила она о родителях? Это вообще история для большого романа или длинного сериала. Подробности и детали её унёс в информационные анналы ветер забвения, и я вынужденно передаю лишь краткое содержание этой истории со слов нашей героини, а также следуя подсказкам интуиции.

Вновь перенесёмся в город её детства. Балаково возникло как казачье, а затем превратилось в старообрядческое поселение примерно в середине 18-го века. Императрица Екатерина II особым манифестом зазвала из Польши ревнителей старой веры и выделила им в пользование лучшие куски земли на берегу Волги. Работающие, непьющие, богобоязненные и предприимчивые новосёлы тут же построили церковь и занялись поиском ниши для применения своих молодецких сил. Кто ищет – обрящет, и ниша быстро нашлась: хлебная торговля. Как следствие жизнь в селении закипела. На набережной как грибы одна за другой вырастали пристань за пристанью, торговые суда челноками сновали от Балаково до

Астрахани, а затем до Москвы и обратно. Накануне революции 1917 года посёлок получил статус города. Типично купеческого, к слову, так славно описанного в пьесах Островского.

Здесь звонили к заутреням и вечерням шесть златоглавых церквей. Действовали хлебная биржа, электростанция, два серьёзных завода – чугунолитейный и механический (нефтяных двигателей), судоремонтные и мебельные мастерские, лесопилки, мельницы. Учили ребятишек уму-разуму семь школ и коммерческое училище, были свои земская больница, библиотека. И без счёта тянулись вдоль реки амбары с зерном. Лодки имелись у каждой семьи – всех кормила река! Изобретатели-самоучки Федька Блинов и Яша Мамин прославили Балаково как родину первого в мире гусеничного трактора, колёсного самохода и русского дизеля. Так что деловая и творческая энергия балаковцев была фонтаном, сплетаясь с силовыми полями этого участка земного шара.

Лидия Алексеевна помнит, какой это был чистый, честный и добропорядочный город с ожерельями добротных каменных домов по берегу, утопающих в садах. Все друг друга знали, интересовались, пособляли по-соседски чем могли. Мирный торговый люд всеми фибрами души ненавидел войну. Не зря её бабушка-купчиха, вспоминает Бельская, говаривала:

– Никогда не отдадим свою внучку за военного!

И накликала...

Отец Лидии, Алексей Андреевич Точилкин, окончив Петербургское юнкерское училище, был направлен для последующей службы на родину, в своё провинциальное Балаково. Петербург славился вольнолюбием, учебные заведения столицы российской империи испокон веку были «рассадниками» новых идей, так что Октябрьскую революцию наш юнкер всей душой принял и выступил на стороне народа. Как специалиста его сразу же впрягли в командирскую «упряжь», и он благополучно дослужился до комбрига. Саратовская губерния была охвачена боевыми действиями между красными и «разными», шалили банды Серова и Пятакова, и отца с его военчастью бросили на борьбу с ними. Покончив с врагами новой власти, он стал начальником местной милиции.

Мама Лидии, Евдокия Васильевна Кокурина, купеческая дочка и вчерашняя выпускница гимназии, по зову сердца стала работать в канцелярии при городской администрации. В коридоре этой конторы они с комбригом и столкнулись. Оба русоголовые, сероглазые, стройные, внешне чем-то похожие и отчаянно молодые: отцу в то время стукнуло 23 года, матери – 18. Встретились глазами, и любовь током ударила обоих, друг к другу качнула.

Однако состоятельная родня Дуни, прослышав об ухаживаниях красного командира, встала в круговую оборону: что это ещё такое? Не по Сеньке шапка. Образованная и красивая Евдокия предназначалась в жены кому-то из их круга, в который этот чужак без роду, без племени, не вписывался. И тут Дуныша всем объявила:

– Я его люблю и выйду за него!

На что отец с матерью с негодованием ответили:

– Тогда мы откажемся от тебя. Ты нам не дочь!

Но лихой герой Гражданской войны имел их в виду! Он поступил вполне предсказуемо – тёмной ночью увёз свою любимую.

Жениху невеста тоже показала характер:

– Не венчанной замуж за тебя не пойду!

Чего в таком случае не сделаешь ради ненаглядной, пусть и непокорной? Он договорился с одним деревенским батюшкой и, прихватив с собой друга-сослуживца, вместе с невестой втихаря в то село съездил. Батюшка молодых под церковные песнопения трижды вокруг аналая и поводил. Так Евдокия стала женой Алексея.

Набожная Дуняша в то атеистическое время, да ещё при муже – советском начальнике, вынужденно иконы в чулан спрятала и там же всю молодую часть жизни тихонько молилась. Когда уже Лидочку под сердцем носила, город взяли белогвардейцы, и будущая мать, как заранее было условлено с мужем, пулей помчалась на Волгу и спряталась там в камышовых зарослях. Мужа в то время рядом не оказалось, он гонял бандитов по Саратовщине.

И река, как в сказке, укрыла своим бережком Лиду, «прятавшуюся» в мамином чреве. Сама природа стала ее хранительницей. Мать сидела в камышах до вечера, а в сумерках явился от Алексея вестовой и сказал:

– Выходи, Евдокия Васильевна, мы город отбили.

Сразу же после рождения на свет девочки – вот радость! – объявились и бабушка с дедом, Дуняшины родители. Проглотив обиду, решились на мировую. Победа над самолюбием принесла им утешительный приз в виде открытия, что зять происходит вовсе не из голытьбы, а из вполне порядочных хуторян, притом, свой – из земляков, балаковцев. Да и сам Алексей им очень понравился: видный из себя был мужчина, образованный, статный, серьёзный. При начальственной должности опять же.

Вот так первым в жизни благим – миротворческим – делом нашей тогда ещё только новорожденной героини стало прекращение ею семейного разлада.

ДЕТСТВО МЕДОВОЕ НА ВОЛГЕ РАЗДОЛЬНОЙ

О школьной поре Лидия помнит, что она была удивительно безмятежной. Учебный корпус СШ № 2 возвышался на пригорке, на живописном берегу Волги. Как весело было девчонкам с разлетающимися косами и мальчишкам с их белобрысыми чубчиками бежать поутру наперегонки с ветром в школу, вдыхая полной грудью речную свежесть!

Какими только звонкими эпитетами ни награждалась эта великая русская река – главная водная артерия державы! Народ в фольклоре, поэты в стихах величали её самыми возвышенными, нежными и ласковыми словами. Сколько сочинений написала Лида о водном и прибрежном мирах родной реки с её широкими золотыми пляжами, густыми ивняками, плёсами, кряжами и осоками, душистыми лугами, яблоневыми садами, с шубой сплошных лесов, бессчётными островками, протоками, заливами, громадными пшеничными полями, зелёными водорослевыми царствами и шумными птичьими колониями. Ей, отличнице, из всех предметов именно из-за сочинений более всего нравилась литература.

Дети всегда отождествляют предмет и учителя. Словесница их школы была хорошенькой, изящной, всегда со вкусом одетой женщиной, которая прекрасно декламировала, правильно ставила ударения и доходчиво объясняла самые сложные вещи. Может, именно поэтому у самой Лидии Алексеевны до седины сохранилась богатая и грамотная речь, она каждое слово правильно артикулирует и славится умением говорить просто, образно и не по бумажке.

Лида тогда, как и многие волжане, хорошо знала немецкий язык, потому что в школе учились дети поволжских немцев. Скромные были и серьёзные ребята. Лида сидела с такой девочкой за одной партой, и они взаимно учили друг друга немецкому и русскому. Этот предмет в 10-м классе был последним уроком, так что ребята наострились сбегать с него (считали, что изучение немецкого – пустое дело, ведь его и так все знали), но не домой пускались, а устраивались под окнами и ждали. Если учительница, обнаружив пустой класс и с минуту повозившись, брала сумку и уходила домой, все неслись на Волгу и катались там до вечера на лодках. А если педагог поднималась на второй этаж, где был кабинет директора, – они все мигом оказывались за своими партами.

А язык этот ей в войну ещё как пригодился!

Обязательными были уроки танцев. Лиде они безумно нравились. Она научилась летящей пластике вальса и обольстительной романтике танго. Даже походка взрослеющей девушки под влиянием танцев стала меняться – ушла подростковая угловатость. Лида активно участвовала в художественной самодеятельности – пела, плясала, играла в спектаклях. У неё не было страха перед сценой. Наоборот, выступления на публике её только раскрепощали. Один из учителей даже посоветовал ей поступать в театральное училище. Но девочка твёрдо для себя решила: она станет врачом и точка.

Лидия Алексеевна говорит, что детство ей не особо запомнилось именно потому, что было счастливым. Никто её в жизни не унижал, не бил, даже просто не шлёпал (в памяти больше откладываются побои и обиды, как и травмы, физические и психологические).

Но разве забыть то тёплое родовое гнездо, свитое родителями, душой которого была мама?

У матери была особенность: она терпеть не могла мыть полы и стирать, поэтому приглашала для этой цели соседку. Зато обожала стряпать. Мама в переднике, стоящая у плиты, – это была обычная «картина маслом». Румяные щеки, колечки волос из-под косынки, руки в муке, – и будоражащие запахи и самые вкусные в мире завтраки, обеды и ужины! И кружком сидящие за накрытым столом папа, мама, Лида и младшенькие – брат Толик и сестра Ниночка. Жили они очень дружно, дети были послушными и воспитанными, и все друг друга бесконечно любили.

Режим соблюдался как часы: утром Лида чистила зубы, умывалась, заплетала косы, надевала клетчатое, до колен платье, пила свое молоко с пирожком и топала в школу. На обед – первое, второе и третье, никогда не повторявшиеся. Мать, к примеру, разнообразно и виртуозно готовила рыбу – маринованную, заливную, паровую. На ее мясные пирожки вечно напрашивались папины сослуживцы. Бывало, ведро мороженого, приготовленного ею, улетало за раз. Лида хотела было так же научиться колдовать у плиты, но мама неизменно гнала её с кухни:

– Иди, дочка, занимайся, без тебя тут управлюсь.

Ещё она без устали одёргивала чадо:

– Как ты вилку держишь? Почему так громко смеёшься? Спину выпрями!

Очень школила по части благородных манер. Внушала дочке, что она дурнушка. По маминым понятиям так надо было, чтобы девочка раньше срока не начала думать о своей внешности, прихорашивать пёрышки, ловить взгляды ухажёров. (Что говорить, строгости мамы доходили до того, что до третьего курса мединститута она не разрешала Лиде срезать косы и сделать перманент. И тогда

же только позволила ей сшить у портнихи нарядное, в цветочек платье, с белым воротником и отделкой, а также купить туфли на каблучках. И когда Лида в обновках, с причёской явилась на танцевальный вечер, к ней немедленно подвалили несколько кавалеров и принялись наперебой приглашать на вальс. Спрашивали:

– Девочка, ты из какого института?

– Из нашего.

– Из какого «нашего»?

– Из мединститута.

– Э-э-э, так ты не та ли девочка, которая ходила в клетчатом платье и с кошечками?

Однако никто из тех студентов ей так и не приглянулся. Ничего не ёкнуло.

Лидочка не могла похвастать и первой школьной любовью. Она нравилась ребятам. Помнит, как-то в снежки играли, и один малец попал в неё. Так к нему подскочил парень из её класса и начал трясти его и мутузить: «Ты зачем в Лиду кинул?». И все всё поняли – больше снежки в её сторону не летели.

Мать держала в строгости не только дочку, но и одноклассников, которые пытались проявить к ней знаки внимания. Пару раз находились смельчаки, порывавшиеся донести до ворот её портфель, но мама стояла на углу и грозно пресекала эти попытки:

– Лидия, я жду тебя, пора домой!

А девочке своей строго наказывала:

– Первый человек, который тебя обнимет и поцелует, – это должен быть твой муж.

Внушала:

– Никого никогда к себе не подпускай, береги себя для своего единственного.

(В скобках заметим: во время войны главный гинеколог фашистского рейха будет потрясён колоссальным числом девственниц в Советском Союзе. Он заявил, что страна, в которой 20-летние девушки целомудренны, – непобедима).

Однако на третий год войны мамино кредо было поколеблено, и она написала в одном из писем на фронт: «Доченька, всей улицей за тебя молимся, чтобы не ранило тебя и не убило. Помнишь, я тебе говорила не подпускать к себе никого. А вот сейчас приехала с фронта одна твоя ровесница, телефонистка, – живая-здоровая, в положении. Родила, и её уже назад в армию не призовут. Подумай, можешь, и тебе так сделать».

Лидия прочла и поразилась: Боже, и это пишет моя мама! Ну нет, родная, прости, – не дождёшься!

И за своего Алёшеньку она вышла девственницей.

Но вернёмся в предвоенное благословенное Балаково, где Лидина семья жила сладко, даже медово, в чистоте, размеренным купеческим, по сути, бытом, несмотря на семимильные шаги по стране советского строя. Отца в городе уважали, в местном музее даже висел его портрет. Он добродушно закрывал глаза на то, что в собственном его доме на Пасху тайно красили яйца. Зато на только что вошедший в советский обиход Новый год к ним открыто на крыльцо приходили Дед Мороз и Снегурка, их впускали, и они веселили детей. Этот праздник, как известно, стал отмечаться в СССР с 1935 года, и в него перекочевали все прежние рождественские атрибуты – ёлка, звезда (правда, не вифлеемская, а пятиконечная) и нехитрые подарки.

Что ещё? Лида бездомных животных всегда жалела. Не зря мчалась по утрам к рыбакам мальков выпрашивать – котят да щенят потом кормить. Удручало её, что босиком, как другим детям, ей бегать не позволялось. А она как раз мать-землю очень любила и подпитывалась мощной её энергией. И деревья любила по-особому, как самые родные существа. Могла прислониться спиной к берёзе и каждой клеткой своей ощутить сокодвижение – по стволу, сучьям, ветвям, листьям. И будто бы и по её телу, по рукам-ногам растекались те силы, как по кратковременному продолжению дерева. Цветы очень нравились ей – лесные и полевые, а не пышные садовые. Ландыши особенно любила – крошечные, ароматные, фаянсовые светильнички в буйной зелени волжского разнотравья...

Школьные годы чудесные, как водится, вроде тянулись бесконечно долго, а в итоге пролетели слишком быстро. Лидии на выпускном вечере в качестве поощрения за отличную успеваемость, примерное поведение и активное участие в школьной жизни дирекция преподнесла в дар полное собрание сочинений Пушкина – любимого её поэта. И она этот бесценный многотомник по дороге едва не рассыпала, но домой всё-таки в целостности и сохранности дотащила. Родители так обрадовались! Прямо переполнились гордостью! Хотя, по большому счёту, успехи дочери они всегда принимали как само собой разумеющиеся, ведь иначе и быть не могло у их замечательной первеницы.

ДИТЁ НЕ ПУСТИЛИ В АНАТОМИЧКУ

Ну а вскоре она уже предсказуемо поехала поступать в саратовский медицинский институт – один из лучших в СССР. Он был открыт ещё в 1909 году по приказу императора Николая II. Институт – огромный! Наплыв абитуриентов – тоже: шесть человек претендовали на место! Притом в то время отличники поступали на общих основаниях со всеми – на старте каждому давался равный шанс. Лида ходила на экзамены, сдавала их, ждала результатов. В итоге её фамилия оказалась в вожделенном списке поступивших. Осенью 1938 года наша тогда 16-летняя героиня стала студенткой-медичкой.

Из трёх факультетов – лечебно-профилактического, санитарно-гигиенического, охраны материнства и младенчества – она выбрала первый, он же основной. Грудь ломило от восторга, радостных ожиданий и приятного волнения. В её группе оказалось двадцать студентов. Они быстро перезнакомились. Им предстояло стать одной семьёй, общиной единомышленников! Пока не обвыклась, Лида ходила с восторженными глазами. Всё было так интересно, увлекательно и занимательно!

Главный тест на профессиональную пригодность – реакцию на покойников в морге – она прошла достойно, страха и ужаса перед бранными останками не испытала. Для нее лишённые жизни тела были всего лишь учебным материалом (Львов, каким является Лидия Алексеевна, кажется, сами звёзды благословляют на специальность хирурга – они крови не боятся).

Но вот началась утомительная зубрёжка. Латынь, конечно, сильно их доставала! Даже в трамвае приходилось долбить. Ещё изучали каждую косточку человека, связку, каждое мышечное волокно. Мальчики умудрялись на ночь умыкнуть из анатомического музея если не весь скелет, то хотя бы череп, чтобы хорошенько поработать над ним, изучая доли.

Однажды группа пришла на занятие в анатомичку, а Лида замешкалась, и сторож её в корпус не пустил. Сказал:

– От горшка два вершка, а туда же, лезет, куда не след. Какая ты студентка? Подрости сперва.

На Лидино счастье в это время мимо шёл преподаватель.

– Ты чего её не пускаешь?

– Да она же дитё.

А «дитя это» и не думало обижаться. Да, щупленькая была, ростом невеличка, лицо полудетское, чего ж расстраиваться?

ПЕРВОЙ ОПЕРАЦИЕЙ СТАЛ КОНВЕЙЕР ОПЕРАЦИЙ

...В 1941-м, когда она окончила третий курс, началась Великая Отечественная. Сразу же в институте все кардинально переменилось. На следующий день после объявления войны на курс явилась комиссия, и всех мальчиков немедленно забрали в военную академию, открытую при том самом учебном заведении. Образно говоря, их отделили от девочек незримой стеной – друг друга они уже более не видели, никакого общения не допускалось. Из парней начали готовить командный состав – начальников госпиталей. Из девочек – хирургов. Ко всеобщему облегчению, отменили такие учебные предметы, как латынь, коллоидную и физическую химию, рецептуру и другие лишние в фронтовых условиях познания. Осталась только хирургия, то есть умение грамотно разрезать, удалять и сшивать человеческую плоть, чтобы вдохнуть в неё вторую жизнь.

Правда, добавили новый предмет – военное дело. Девочек учили заряжать оружие разных видов и стрелять из него.

Отец Лиды, командир партизанского отряда, в первые месяцы бойни был смертельно ранен, ему разворотило грудь, искровавило голову. Он сумел дать знать, что хочет умереть дома, и его привезли к маме уже без сознания. И уже никакой хирург не смог бы помочь ему, изрешечённому. Такой вот сразу страшный оскал свой показала война Лиде. Она так горько, иступлённо плакала. Все личное, девчачье вмиг слетело с нее и унеслось в небытие. Она вдруг стала вместе со всеми дышать одной гигантской, страдающей грудью, думать одними и теми же обжигающими мыслями: «Нельзя этим гадинам дать себя раздавить!». Мозг опалало: «Я должна быть на фронте, спасти наших ребят и отомстить за папу».

...В город нескончаемым потоком шли и ехали беженцы, растекавшиеся ручейками по области. Так, белорусов, молдаван переправляли в Хвалынский – самый зелёный город Саратовщины, а москвичей в основном распределяли по семьям горожан. Тех, кто прибыл первыми, кое-как расселили, а последующим пришлось совсем туго. Многие с детишками и скарбом так и ночевали на улице. В связи с этим властями был издан приказ: местным жителям потесниться и взять на постой тех, кто остался на улице, если позволяет жилая площадь.

И мама Лидии привела в свой дом в Балаково две семьи: какую-то бабушку с дочкой и внучкой и москвичку, жену военного, с двумя детьми. С ними с тех пор по-родственному делили они кусок хлеба и последнюю рубашку. Спали кто на диванах, кто на полу, все уголки были заняты. Эти люди бежали из своих домов, не успев прихватить самое необходимое, в чём были. А надвигалась осень. Пришлось хозяевам пересмотреть всю свою одежду, обувь, вещи и поделиться ими с беженками.

Кому-то удалось устроиться на работу, кому-то нет, но горсовет всем выделил хлебные карточки, а мужа с фронта присылали семьям свои аттестаты (денежное довольствие), на которые можно было что-то на рынке прикупить к столу. Все, как мурашки, тащили съестное в общий котёл. Так и жили единой семьёй. (Лидия потом с фронта тоже свой аттестат матери отправляла до самого конца войны).

А раненых было – море, они после тяжёлых боёв отовсюду прибывали и прибывали. Саратов превратился в город-госпиталь. Страдальцев, наскоро перевязанных на поле боя санитарями, затем свозили эшелонами в этот областной центр и размещали по школам, гостиницам, театрам, кинотеатрам, крытым танцплощадкам, переоборудованным в импровизированные операционные и палаты. Доктора искромсанных бойцов осматривали, оперировали и долечивали. Врачебных рук не хватало и студенты-медики, до 3-х часов дня прозанимавшись в институте, разъезжались по госпиталям. До 8 вечера ухаживали за ранеными, потом торопились домой, чтобы поесть и выспаться, а утром, захватив кусок хлеба, бежали на занятия. Затем вновь – в госпитали. И так ежедневно, само собой, без выходных.

Студенток помладше, бывших на подхвате, отсылали от доктора к доктору, где была острая нехватка в помощниках. А старшекурсницы уже вставали за операционные столы рядом с хирургами и ассистировали им. Помогая, учились, набивали руку. Лидия превращалась во стопроцентное внимание, стоя рядом с хирургом и запоминая каждое его движение. Самую первую собственноручную операцию по ампутации ноги провела хорошо. Врач, стоявший рядом, устало улыбнулся и предложил прооперировать следующего раненого. К концу четвёртого курса Лидия уже самостоятельно ампутировала конечности, завязывала сосуды, накладывала швы. А на пятом курсе ей доверили делать сложные полостные операции. При необходимости она сама могла давать быстрый наркоз.

Хирурги среди врачей – особая каста. Есть такое старинное выражение: у хорошего хирурга должны быть глаза орла, сердце льва и руки женщины. А у хозяйки нежных тонких пальчиков, соответственно, должны быть стальные нервы. На самом деле женщине-хирургу намного труднее, потому что она всегда идёт впереди сердцем. И пальцам своим, берущим скальпель, она раз и навсегда должна приказать не дрожать... Сказать себе: перед тобой чей-то умирающий сын, брат, отец. Ты не можешь относиться к нему как автомеханик к разбираемому движку. Здесь пульсирует жизнь, беззвучно кричит беззащитная, ещё тёплая душа, которой так хочется жить! Земное бытие распластанного перед тобой человека – в твоих руках. Ты в эти мгновения для него божество, а он для тебя – заново рождающееся дитя. Если ему не сделать операцию, он умрёт... Ты за него в ответе.

Это пространное рассуждение тогда для Лидии умещалось в одно-единственное слово «надо» – самую убедительную мотивацию.

Приходилось оперировать столько, сколько требовалось, – это был конвейер с эффектом синергии, когда совместные слаженные усилия давали утроенный, удесятерённый эффект. Никто не считал, кто кого и сколько прооперировал. Столы стояли рядом, и если молодым хирургам нужен был совет, они тут же получали его от более опытных коллег.

На обходах она ужасалась: сколько молодых ребят искалечено!

– Доктор, подойди ко мне, прочитай письмо жены, – звал кто-нибудь.

Присаживалась, читала. А слезинка уже капала с ресниц. Её душили спазмы... Такое юное, чистое, безусое лицо – а уже безногий калека...

Прибегала домой, накидывала в желудок чего-то горяченького, но мало радующего вкусом. И на боковую, забыться на несколько часов мёртвым сном... Но странное дело, силы, к вечеру совершенно истощавшиеся, утром прибывали, причём в количествах немереных, чего в мирное время не бывало.

Город затаился. Притих. В нём действовал и неукоснительно соблюдался закон: ночью ни в одном окне не должен был гореть даже фонарик. Плотные шторы, полное затемнение. Дежурные патрули ходили по улицам и осматривали здания, не пробивается ли где полоска света. Высказывались опасения, что кто-то из поволжских немцев, живших компактно через реку в своей автономии, может сориентировать фашистские бомбардировщики. А однажды пришли поезда, и всех до одного этнических немцев депортировали в Сибирь.

В ПЛАТЬЕ НАРЯДНОМ – В САМОЕ ПЕКЛО

Когда после защиты диплома её с места в карьер бросили во фронтное пекло, она тысячу раз сказала родному институту «спасибо» за отличную выучку и практику. Не было сомнений в диагнозах. Может быть, потому, что каждый из них, словно молитва, предваряла мысль: «Человек должен жить»!

История появления Лидии на передовой так же интересна, как и вся ее жизнь. Директор мединститута после окончания госэкзаменов торжественно объявил девушкам: «Завтра, дорогие мои выпускницы, приходите на выдачу дипломов со своей ложкой и чашкой».

Девчонки радостно переглянулись, тут же предположив, что будет угощение. Просто вся посуда из буфета, наверное, разошлась по раненым. Но наступившее утро эти догадки развеяло, как дым, потому что прощальным банкетом так и не запахло. Зато удивило обилием офицеров в аудитории, где происходило чествование.

Да, принаряженным, раскрасневшимся от волнения девчатам торжественно вручили дипломы. Директор института поздравил их. А потом обратился к ним с необычными просьбами.

– Девочки, у кого в семье отец на фронте, а мать болеет, встаньте!

Никто не встал.

– Кто из вас плохо себя чувствует, встаньте!

Опять никто не поднялся.

– Есть ли среди вас желающие быть военврачом?

Все встали.

– Тогда возьмите лист бумаги и напишите заявление о добровольной отправке на фронт.

И все как одна они такое заявление написали. И с того часа уже служили в армии.

Список разделили пополам. Такие-то едут под Сталинград, такие-то – под Москву. Лидия попала во вторую половину. Кто-то спросил директора:

– Можно хотя бы пойти домой попрощаться с родными?

В ответ прозвучало:

– Нет времени. Не надо родных волновать. Мы передадим им, что вы получили назначение. А вы, прибыв в часть, все объясните им по почте. Вас, дорогие девочки, уже ждут эшелоны.

Тут сопровождающие офицеры подошли и стали разбирать докторш. Вот и всё. Во рту откуда-то появился привкус металла. Может, от волнения, а может, наоборот, от внезапно навалившегося спокойствия. Впереди – predetermined новая жизнь. Какой она будет?

На железнодорожной станции их уже ждали товарняки. Посуда, как можно уже было догадаться, понадобилась для фронтовой «пайки». Девушки помахали друг дружке рукой, улыбнулись на прощанье и, быстро рассредоточившись по теплушкам, отправились на разные линии фронта.

Лидия ехала в своем новом цветастом платье, в новых туфельках на каблучках, – такая невозможно хорошенькая – туда, где бушевала, размахивая косою направо и налево, смерть. И костлявая как раз готовилась к новой кровавой жатве.

По пути следования, часов через пять дремоты под стук колёс, когда уже совсем рассвело, вдруг раздался ломящий виски вой. Это летела целая армада «мессеров». Они нацелились на состав и сбросили на него боекомплекты бомб, а потом, выждав паузу, начали точечную охоту на людей. Девочки в своих ярких крепдешинах повыскакивали из охваченных огнём вагонов и бросились врассыпную – одни бежали к ближайшему озерку, другие – к рожице. На фоне полей они стали отличными мишенями для фашистских авиапулемётчиков, и те с воздуха бесстрастно их расстреливали.

А Лидия, сообразив, что второй раз бомбить горящие вагоны уже вряд ли будут, села под колесо своего вагона и сказала себе: будь что будет. Так и осталась живой. Когда мессершмитты улетели, командир по радиации попросил прислать другой состав. Из девушек в живых осталось меньше половины. Плача, вскрикивая, дрожа всем телом, они подбирали подруг раненых и убитых и грузили в эшелон, следовавший в Саратов. А все уцелевшие позже продолжили свой путь в Москву в другом поезде.

Белокаменная в два часа ночи была антрацитово-чёрной. И абсолютно безлюдной. Лида, двигаясь вслед за сопровождавшим офицером, то и дело спотыкалась о булыжники и мешки с песком. Вскоре он привёл её в гостиницу: «Поспи, милая, а я в 6 утра за тобой зайду». Она упала, как подкошенная, и уснула, словно в бездну ухнула.

Уже много позже, будучи в армии, она узнала, что при обсуждении офицерами с директором вуза кандидаток, кого куда отправлять – к танкистам, лётчикам или артиллеристам, капитан-пехотинец попросил для своего полка врача побойчее, поактивнее, работоспособнее, чтобы вместе с солдатами пешком шла и не хныкала. На что администрация сразу же предложила Лиду, потому что она энер-

гичная, притом физкультурница, так что сможет по 70 километров в сутки идти. Так она и попала в матушку-пехоту.

И вот ранним утром за ней пришёл офицер: «Ну, милая, вот тебе ломоть хлеба, позавтракай, и двинемся дальше. Машины нет, пойдём ногами». Прошли уже довольно большой кусок пути, километров двадцать, когда каблук ее туфли не выдержал столь нещадной эксплуатации и застрял в щели каких-то мостков. Пришлось скинуть обувь и идти дальше босиком. А навыка босохождения у Лиды как раз и не было-то. Тогда офицер оторвал каблук у второй туфли, и его спутница пошла в «тапочках».

По дороге она всё теребила капитана:

– Где немцы-то?

– погоди, успеешь, нагладишься ещё на них.

Через час примерно сказал:

– Вон, видишь пригорок? Там засели немцы. А видишь блиндаж? Там наши.

Когда добрались, наконец, до места назначения, непосредственный начальник её, командир 273-го стрелкового полка, где отныне и до конца войны ей суждено было служить, угрюмо спросил сопровождавшего:

– Ты кого привёл? Зачем нам эта девочка?

– Да это не девочка, а врач. Нам дали её вместо нашего убитого, – возразил капитан. – Еле выпросил самую лучшую!

– Диплом-то есть?

– Конечно!

Посмотрев Лидин документ, комполка устало напутствовал:

– Ну что ж, иди работай!

Неподалёку, метрах в трёхстах, она увидела двенадцать раненых, лежавших на земле возле бруствера. Из медицинского блиндажа выпорхнула сестричка и радостно обняла ее:

– Ну, наконец-то!

Быстро познакомились: Машенька, ровесница, сибирячка, родом с Алтая. На все оставшиеся годы войны она стала для Лидии родным человеком. Она немедленно притащила халат, и военврач впряглась в свою лямку.

В медсанчасти она увидела два стола. Справа – нары на 20-25 человек. Вымыла руки дезраствором, скомандовала:

– Раненого на стол!

Санитары один за другим стали подносить ребят, и она споро прооперировала всех. Обеспечением осталась очень довольна: вдоволь было и перевязочного материала – бинтов, косынок, ваты; и инструментов – шприцев, скальпелей, пинцетов. И металлических биксов для кипячения, и спирта, и эластичных шин. Так было во всё время боевых действий – на недостаток медикаментов и спецсредств она пожаловаться не могла.

Специально прикрепленный санитар непрерывно кипятил инструменты. Он же держал светильник над раненым во время операции. А в роли лампы выступала гильза, в которую с наступлением темноты приходилось наливать керосин, опускать в него фитиль и зажигать, так как единственное, чего не было в медчасти, – это электричества.

После обеда Лидии принесли обмундирование: мужские сапоги «сорок последнего» размера, необъятную гимнастёрку, в которой три Лиды могли поме-

ститься, и брюки – в них она едва не утонула. А также капитанские петлицы и кобуру с пистолетом.

– Нет, так дело не пойдёт. В штанах никогда не ходила и ходить не буду. А в этих сапогах я просто упаду, – сказала доктор посыльному. И добавила, что ей подошли только «шпалы» и оружие.

Он понимающе улыбнулся и отправился прояснять ситуацию к командиру. Тот благожелательно выслушал пожелание новоприбывшего врача и согласился с ним.

– Да, действительно. Она же девушка! Так, мигом найти сапожника и портного. Сшить ей всё по меркам!

Специалистов быстро разыскали, и они принялись за дело. Подошли к заданию с душой – прислушались к её просьбам, касающимся деталей. Уже к следующему дню сладили докторше удобное платье военного покроя и сапожки на невысоком каблучке – все сидело на ней как влитое. На воротник ей нацепили петлицы, на ремень – кобуру.

А офицеры полка тем временем стали думать, как нового врача именовать. «Лидия Алексеевна» – слишком длинно, «товарищ капитан» – чересчур официально. Тогда кто-то из них предложил: – «А давайте просто – доктор Лида».

И с тех пор все до единого, от солдата до генерала, так её и называли. Под этим именем она со своим полком от Москвы до Берлина дошла.

АЛЛИЛУЙЯ ПЕХОТЕ, ИЛИ БРАТСТВО И СЕСТРИЧЕСТВО

Полк сразу показался Лидии одним фронтовым братством, и потом она в этом мнении постоянно только укреплялась. По крайней мере, в свой адрес она получала от своих ратников только участливое понимание и трогательную заботу. Вместе с солдатами-пехотинцами ей предстояло пройти неимоверно долгую и трудную военную службу. Она на себе почувствовала, что самое тяжкое бремя на войне ложится не на танки, самолёты и артустановки, где боец хоть как-то защищён металлом, бронёй, а на живую силу – пехоту.

Пехота – это ведь от слова «пешком». И ползком. И бегом. Но всегда на своих двоих. По густой пыли, непролазной грязи, по сугробам и гололедице, по колену или по горло в воде, по пояс в болотной жиже, по лесному бурелому, по нескошенному житу...

Одна такая проходка врезалась в её память. Это был марш-бросок по белорусским (пинским) болотам в обход плотных вражеских позиций, целью которого был удар в тыл неприятеля. Двигались бы по дороге – потеряли бы очень много людей. Вот и пошли по чавкающему кочкарнику – всем полком, держась за вещмешки друг друга, след в след, прямо по курсу за проводником-партизаном. Сантиметр мимо оступишься – попадёшь в жадную пасть топи, и она немедленно жертву поглотит. День напролёт шли, другой, третий. Измученные, зато целые, добрались, наконец, до тверди. Подкрепились сухарями – и в бой!

В масштабнейшей битве на Курской дуге, самом крупном танковом сражении в истории человечества, участвовали почти два миллиона человек. Солнца не было видно из-за туч бомбардировщиков – в небе бились четыре тысячи самолётов. Шесть тысяч танков подняли гигантскую пылевую бурю. Земля пылала, превратившись в исполинскую мартеновскую печь, в которой плавился металл.

Орудийные выстрелы, разрывы бомб, мин и снарядов слились в один сплошной, чудовищной силы грохот. В этой огненно-пылевой мешанине трудно было находить цели. Танки сходились впритык и в упор расстреливали, наезжали и таранили друг друга. Как было уберечься в этом дичайшем адском котле, решавшем вопрос: кто кого и куда погонит: фашисты наших до Москвы или наши фашистов до Берлина? И всё же коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, начатый под Сталинградом, нашёл своё логическое завершение под Курском. Наши победили!

Лидина медчасть попала в окружение. Как сейчас помнит, она оперировала, и вдруг в палатку влетает взмыленный связной и кричит:

– Доктор Лида, комполка приказывает вам с Машей бежать вон в тот лесок! Немцы вашу часть окружили!

Жизнь медперсонала – что поделать – для войсковой части была в приоритете.

Раненые этот крик слышали. А всем было известно, что фашисты наших раненых всегда добивают. Ребята давай хватать её за полу халата:

– Доктор Лида, не бросай нас! Они нас всех прикончат!

Посыльный кричит своё, беззащитные подопечные – своё. Она так и осталась на месте, никуда не побежала. Но попросила всех, кто может хотя бы курок взводить, занять вокруг палатки круговую оборону. И хлопцы, кто мог держать оружие, поползли, дислоцировались и приготовились к бою. А она продолжала оперировать.

Командир же, услышав от посыльного о решении стропливой докторши, длинно и кучеряво выругался, но потом послал роту и отбил медчасть. И все остались живы.

А бывало и так: вблизи медсанбата падает снаряд, взрывной волной врача отбрасывает в одну сторону, оперируемого – в другую. Она встаёт. Осматривается: головы на месте, руки-ноги целы! За дело, товарищи! Раненого – обратно на стол!

После Курска Лидию, весь её 273-й полк, всю 89-ю Краснознамённую орден Суворова и Хмельницкого дивизию и всю армию ждало новшество: вместо лычек командному составу выдали погоны со звёздочками и гвардейские значки.

Многие тысячи покалеченных мужских тел и душ прошли через её руки. Халат от кровищи всегда был красным. Перчатки она не надевала: мешали, гасили осязательную чувствительность рук, вот почему то и дело надо было смывать кровь с рук и протирать их спиртом. После войны именно по этой причине у неё наступило полное отторжение профессии, и оперировать она навсегда прекратила. Первые мирные месяцы у неё всё пахло кровью, даже еда, хлеб. Видимо, обонятельным рецепторам нужно было время для перестройки к жизни в «бескровных» условиях.

Доводилось за сутки оперировать несколько десятков человек. Случалось, не выходила из блиндажа из-за наплыва раненых. Выпадали дни, когда и есть было нечего. Организм бунтовал, требовал, словно стая волков выгрызало нутро... Слабость нападала. Тогда она пила горячую воду из биксов, в которых кипятились инструменты, и желудок на время мог угомониться. Но в любом случае было душе так тепло от отношения бойцов к ним, женщинам. Каждый из них хотел помочь хотя бы словом, взглядом. Это создавало то самое поле любви – общечеловеческой, чистой, альтруистической, которая невидимым панцирем укрывала от бед этих двух солдатских спасительниц – доктора Лиду и сестру Машу.

Разве забыть ей случай, когда после очередного сражения вновь поступило много раненых. Она вышла за порог палатки разогнуть спину и продышаться, а главным образом, посмотреть и оценить, кого из тяжёлых оперировать в первую очередь. Глядит – неподалёку боец лежит, белый, как полотно. Зубами от боли скрипит – у него ногу оторвало. Парню достало сообразительности и сил культу приподнять и к берёзе прислонить, чтобы кровь не так хлестала. А рядом с ним в алой луже другой лежит. Лидия санитарам на безногого показала: «Этого – на стол, быстро!» А тот заговорил: «Доктор, возьмите сначала моего друга». У неё брови на лоб взлетели: человек свою очередь на жизнь приятелю уступает.

– Беру вас обоих, – сглотнув комок и смахнув наворачнувшиеся слёзы, только и сказала доктор Лида. Столов-то два. Пока она будет оперировать одного, Машенька обезболит, обработает и наложит жгут на бедро другого.

Это какой-то феномен, но сама Лидия Алексеевна на фронте ничем не болела. Ни разу даже не чихнула. И бойцы к ней попадали – ни тебе перебоев в сердечной деятельности, ни аппендицитов, ни заворотов кишок, ни гастритов, ни дерматитов. Даже гриппа и ОРЗ не встречалось. Впрочем, букеты болезней выстрелили у каждого уже в мирное время. А тогда ей приходилось лечить только боевые ранения.

Лишь однажды пришлось отставить в сторону скальпель. Было начало весны. Утром по палатке с берёз стучала капель, а ночью крепко подмораживало. Как-то раз ближе к полуночи её вызвал комполка и сказал, что прибыл вестовой с известием: целый взвод не может вставать на ноги. Что это за болезнь и что с ними делать?

– Доктор Лида, в ту часть можно пробраться только ползком, вслед за солдатом. Потому что поле заминировано. Не поднимайте голову или плечи, а то вас могут подстрелить немецкие снайперы.

И они проползли с километр, пока врач не увидела на поле боя убитых фашистов. Послышалась немецкая речь.

– Куда ты меня вывел? – шёпотом спросила она посыльного.

– Ой, я ошибся. Надо левее.

И они поползли левее, пока не упали в траншею, где уже были наши. На ощупь пробрались к тем, кто лежал без движения. Не было видно ни зги, а свет зажечь нельзя – немцы под носом. Тогда доктор Лида попросила одного солдата снять сапог, чтобы она могла ощупать его ногу руками. Конечность была влажная и холодная. Она поняла, что налицо нарушение кровообращения. Мартовское солнце растопило снег в траншее, ноги промокли, а ночью, когда ударил мороз, они заледенели. Но вынести на носилках ребят было невозможно. Тогда военврач сказала, что организует собачьи упряжки, и пехотинцы будут отправлены в медсанбат. С тем же солдатом они вернулись в полк, и командир послал в путь обе имевшиеся в части собачьи упряжки, на санках которых можно было уложить по одному человеку. Весь взвод прошёл лечение и через некоторое время вернулся в строй.

Как зеницу ока берегли мужчины своих бесценных медичек. Вместе дошли до Берлина. Расспрашивать, по какой местности они идут, какие населённые пункты освободили, подробности боёв – на это у неё просто не было времени. Да и от хронической усталости интереса даже не возникало. Что дали бы ей названия городов, местечек, хуторов, деревень? Их было слишком много. Она стояла, не

разгибаясь, у стола с увечными и спасала их, вынимая из окровавленных тел, рук и ног пули и осколки, останавливая хлещущие потоки крови, зашивая раны, устраняя переломы и другие повреждения. И это был её ежедневный жизнь дарующий транспортёр.

Когда девочки сутками, бывало, не отходили от операционного стола, их за дверью всегда ждало несколько обедов: бойцы приносили им поесть. А когда шли под дождём, по месиву-трясине, то на отдыхе кто-нибудь из ребят снимал с Лидии сапоги, ставил её промокшие, заочевшие ноги в свою шапку, укутывал шинелью, чтоб согрелись, а сам

тем временем бежал к костру подсушить её обувь и портянки.

Когда налетали «мессеры», ребята старались столкнуть их с Машей в свежую воронку, а сами собою их прикрывали. (Кто ж не знает, на войне примета такая была: дважды бомба в одно место не падает.)

Однажды на 8 марта, когда ещё не распустились первоцветы, разведчики долго думали, что же подарить доктору Лиде. И кого-то осенило. Они преподнесли полковому врачу крошечный, лёгонький трофейный «вальтер» в пол-ладони величиной, чтоб не носила на себе лишнего груза в виде тяжеленного нагана. Столь миниатюрное элитное оружие этой марки выдавалось лишь немецким генералам. Разведчики как раз у генерала, «добытого» в качестве языка, его и отобрали. Но по назначению она его так ни разу и не использовала. На неё ведь лично никто не нападал. Сдала оружие, когда война кончилась, – так надоела проклятушая, что не хотелось лишнего напоминания о ней.

Помнит, ещё когда пробирались по тем самым глухим пинским болотам, остались совсем без продовольствия. На себе несли в основном оружие да мешочки с сухарями. Так что в течение недели каждому пехотинцу доставалось по сухарю в день. Рассчитали, что до подхода основных сил этого довольствия хватит. И доктору Лиде выдавали сухарик. Ей грызть его было некогда, она в карман на потом прятала. Но во время операций раненые, чтобы отвлечься от страданий и заглушить хотя бы одну – голодную боль, просили: «Доктор, мне бы сухарика». И добрая Лида лезла в карман, вынимала свой сухарь, отламывала кусочек и клала в очередной запёкшийся рот. При этом самой-то каково было? Приходилось бороться с искушением – с наслаждением разжевать и проглотить остаток своего обеда. Есть хотелось нестерпимо. Возраст-то был молодой, когда постоянно хочется что-нибудь жевать. Но эти безмерно благодарные глаза... Раны – да, продолжали мучить страдальца, но лютый голод уже отступил... «Я не раненая, а он раненый», – твердила она себе. И в который раз прибегала к верному средству борьбы с голодухой: отпивала из бикса горячей воды. Живот переставал урчать, кипятком успокоенный.

На войне она вообще забыла, что такое чай и сахар. (И ещё долго после победы не испытывала желания есть сладкое. Организм был уже так приучен. В го-

стях, бывало, такую красоту подавали – торты, пирожные, конфеты, а она и попробовать не хотела, чем вызывала недоумение. Лакомиться сладким стала только после 75 лет.)

Если кто-то из бойцов получал из дома «плохое» письмо, то обычно шёл к доктору Лиде и садился в уголок. Она сразу чувствовала – там скукожилось, сгорбилось, в комок сжалось вселенское горе. Душа – сплошное зияние. Она присаживалась рядом, спрашивала:

– Что случилось?

– Вот, пишут, моя семья погибла.

И она выслушивала трясущегося от рыданий человека... Потом наливала валерьянки, поила его, говорила незамысловатые утешительные слова.

Как-то пришёл боец со своим – особым – горем:

– Если меня убьют, никто не заплачет по мне, доктор. А вы поплачете обо мне?

Она не погнала его, мол, шёл бы ты, дружок, не отвлекал меня от дела. А выслушала его и ответила безыскусно, по-бабьи:

– Обязательно, милый, поплачу. Но не говори глупости. Ты будешь жить!

И это было своего рода волшебство. Словно достав из собственных глубин внутреннее своё солнце, согревала души, прогоняла из сердец тоску и холод и наполняла горячей человеческой любовью и витальной силой. Такова магия простого сестринского участия и искреннего сочувствия. Не только свои знания, умения и мастерство, но и душевное тепло раздавала бойцам наша героиня.

Однажды на стол положили молодого красивого лейтенанта. Николай – имя запомнилось. Ему ещё и двадцати не исполнилось. Как забыть его огромные, налитые слезами голубые глаза? Она посмотрела – а у него нога, перебитая в крошево, держится только на сапоге и брючине. Она распорядилась немедленно готовить его к операции, пока не истёк кровью. Пришлось ногу ампутировать. Когда юноша от наркоза очнулся, стал возмущаться:

– Доктор Лида, что ты наделала? Я ж без ноги остался!

– Знаешь, Коленька, это вообще-то немцы наделали, – ответила она ласково.

– Я жить не буду. Застрелюсь! Кому я такой нужен? Как ты могла меня оставить без ноги? Ты не знаешь, я ж ни одной девушки ещё не целовал!

– Да к тебе ещё очередь из девушек выстроится! Женишься – и нацелуешься.

Парень ненадолго задумался, мысль переключилась и покатила по другой колее.

– А ты бы смогла меня, такого, поцеловать? – спросил уже тихим голосом. Она подошла и чмокнула его. Он широко раскрыл глаза:

– А замуж за меня, такого, пошла бы?

Сказала твёрдо, честно:

– Пошла бы! Вот поедешь домой, Коленька, тебе приделают искусственную ногу, поступишь в институт, получишь профессию, тогда и о браке поговорим, ладно?

– А могу я говорить всем, что моя невеста – на фронте, и когда война кончится, мы поженимся?

– Да. Говори.

Парень заулыбался. Оттаял. В итоге домой уехал спокойный. А ей-то как радостно стало!

Потому что были случаи на фронте, и нередкие, когда, оставшись без руки или ноги, и мужчины и женщины стрелялись.

Восполнить силы полноценным 7-8-часовым сном ей в те годы не удалось ни разу. Главная, жгучая, всепоглощающая мечта была – выспаться! Скинуть сапоги! Лечь на чистые простыни, пахнувшие домом, и спать, спать, спать сутки подряд.

Без сна, хотя бы урывками, было никак. И она из крошечных лоскутков тка-ла одеяло сновидений. Урывками дремала, где и как придётся. Раненых санитары меняют на столе – она прислонится к косяку дверному или столбику, поддерживающему шалаш. Три минуты отключки – и энергией уже подзарядилась.

Когда затуманивалось сознание и наваливалось пограничное состояние между сном и бодрствованием, она усилием воли цеплялась руками за что-то, лишь бы не упасть, и летела-падала, словно с горы, в сладостную купель видений и отдохновения. Спать научилась стоя. И в движении походном, держась за боковину телеги. И свернувшись калачиком на снегу. Словом, всюду, где прихватывали за предельное торможение или смертельная усталость.

Как-то на привале уснула прямо в сугробе, неподалёку от расположившихся на отдых ребят. Часть, отдышавшись, двинулась дальше, а она всё посапывает, уткнувшись в воротник полушубка. Хорошо, бойцы вовремя хватились её. Вернулись и разбудили сладко почивавшую докторшу. А у неё уже и силы появились, легко и бодро зашагала вперёд.

Пешком от Москвы до Берлина пройти по теперешним временам – это ж сколько границ, таможен и досмотров ждёт путника! А для спасителей Европы от «чумы двадцатого века» столь докучливых препятствий не существовало. Их ждали совершенно другие испытания, невероятные страдания – от ран, мозолей, холода, жары, от нечеловеческой усталости и недосыпа.

Она со своим полком шла и шла. Её несло вперёд неудержимой приливной освободительной волной.

Все невзгоды трёхлетнего похода делила с Лидией фронтовая подруга Машенька, крепкая жизнерадостная сибирячка, понимавшая военврача с полуслова-полувзгляда. Сил и уверенности двум недотрогам придавало плотное окружение из мужчин, которые любили своих долготерпеливых голубок всем сердцем. А им, мужчинам, в свою очередь, сил и уверенности в себе добавляло присутствие рядом двух молодых женщин, которые пошли на фронт ради того, чтобы с бинтами, шприцами и таблетками в руках подстраховать их, если что. И это было настоящее братство и сестричество.

БАНЯ КАК МЕЧТА

Помыться в парной баньке было мечтой помельче. Что сказать, фронтовой быт безвестные светлые головы продумали неплохо, но кто-то шибко умный рассчитал его только на мужчин. Их, представителей сильного пола, стриг полковой парикмахер. Для них приезжала передвижная баня-машина, и они отмывались в тёплом ее нутре. Им выдавали сменное обмундирование, даже портянки. Тем более, нательное белье. А вот женского не было.

Лидия с Машенькой приспособились устраивать помывку у стенки блиндажа, накинув плащ-палатки на сучья растущих рядом деревьев. В биксе грели воду, из кувшина поливали друг дружку по очереди. Вода стекала прямо на траву или снег. Для санитарии накидывали себе под ноги хвойные лапы. Так мылись и

в мороз, и в зной. Бельё сами себе нашили из больших, зеленоватого цвета медицинских косынок. Бывало, наскоро простирывали его и надевали, так что оно на них и высыхало. Потом по-солдатски молниеносно ныряли в свое обмундирование – и были таковы. Привыкли. Казалось, что так и надо. Главное, нуда не заедала, насекомые не заводились. Бог миловал – эта кусачая напасть их не коснулась. А верхнюю одежду девушкам периодически выдавали чистую – в обозе полка, как и полагалось, была своя прачечная.

КАША – ЕДА ДЕТЕЙ И БОГАТЫРЕЙ

О еде Лидия Алексеевна вспоминает без всякой ностальгии. Чревоугодие вообще – не её грех. Помнит, на какую-нибудь полянку приезжала полевая кухня. К ней без всякой толчеи подтягивался весь личный состав с котелками в руках, в которые повара накладывали «кормилицу нашу» кашу. И была она самая разнообразная – перловка (шрапнель), гречка, овсянка, пшёнка, ячменная, ячневая – всякая, кроме рисовой. Кашей кормили утром, в обед и вечером. Для Лидии на вкус все каши казались одинаковыми. Ела только, чтобы не упасть. Вкраплений тушёнки в кашах не помнит. Во время войны, считает она, все невольно стали вегетарианцами. Правда, иногда в кашу добавляли американские шпроты. В любом случае, на еде особо никто не фокусировался: заморили червячка и разбежались по своим отделениям.

(Тут уместно сделать отступление. На Руси исстари злаки считались спрессованным солнечным светом, в которых сосредоточено все, что нужно человеческому организму для полноценной жизнедеятельности. Русскими кашами в своё время очень заинтересовался японский исследователь Хагивара, поборник здорового питания. Пожелав узнать секрет богатырского здоровья сибиряков, он вышел на каши. Каши! Тайна силы и молодечества русских богатырей – в этом популярном блюде. И сегодня учёный проповедует каши по всему миру.)

Да, вспоминает Лидия Алексеевна, ещё иногда на фронте давали водку – прославленные сто грамм на брата. И на сестру тоже. Лидия и Маша спиртное совсем не употребляли, а доктор даже запах алкоголя тогда с трудом переносила. Свои порции девушки всегда отдавали бойцам. Те с удовольствием брали и говорили «спасибо». Все этот ритуал знали, и в день выдачи наркомовских возле девушек обычно кто-то из ребят вертелся:

– Доктор Лида, сегодня моя очередь!

Она отдавала «дежурному» свой «стопарь» и от души смеялась.

СВИНЦОВЫЙ ЛИВЕНЬ НА РЕКЕ

Загадочный, если не сказать мистический, случай произошёл с ней на Висле. Она помнит: то утро выдалось каким-то особенно зябким. Но солнечным. Первый штурмовой батальон Бельского, входивший в их полк, ночью перебрался через реку на деревянных плотках и, ведя тяжёлые бои, закрепился на отбитом у врага пятачке. Но фашисты прямо остервенели! Все силы бросили на то, чтобы не пустить советские войска вглубь Польши. Бомбами, снарядами, пулями лупили по нашим войскам, так что переправить бойцам Бельского подкрепление поначалу не было никакой возможности.

Утром комбат телефонировал командиру полка:

– Нам нужен врач! Немедленно пришлите, у нас много раненых.

Комполка сию же минуту вызвал доктора:

– Лидочка, скажи, ты умеешь плавать и грести на лодке?

– Я ж на Волге выросла!

– Тогда скажи санитарам, чтобы сложили все необходимое вон в ту резиновую лодочку. Поплывёшь на ту сторону.

– Но, товарищ командир, смотрите, как стреляют!

– Ты не бойся. Гроби – вот и вся твоя работа. Мы тебя прикроем огнём. Будем стрелять поверху твоей головы.

В его голосе не было металла. Это был не приказ, а мандат на подвиг. Так отец мог благословить свою дочь, чтобы та спасла своих истекающих кровью братьев.

Как загипнотизированная, она пошла и отдала нужные распоряжения. Все чувства куда-то спрятались. Она как бы оглохла и словно ослепла. Действовала автоматически, словно попав в некое электромагнитное поле.

Не помнит, как села в лодку и поплыла. Податливо расступилось перед нею утреннее серебро речной воды. Немцы, опешив от неслыханной дерзости маленького, одинокого, беззащитного плавсредства, тут же накрыли его сплошным огнём. Наши же на оставленном ею берегу, горя сердцем, ответным огнём лодку прикрывали.

На тот участок реки, по которому тихо двигалось судёнышко, немцы боеприпасов не пожалели. Неистовый свинцовый ливень не прекращался ни на секунду, вода вокруг бортов кипела, плясала фонтанчиками, квакала от взрывов.

Лида гребла, гребла. Фашисты лупили, лупили. А солнце утреннее так сияло! Лидия взглядывала на него и думала: «Солнышко, я тебя в последний раз вижу или нет?».

И молилась: «Господи! Спаси меня, помоги доплыть!». Река была в том месте метров 300 ширины. А казалось – километры.

Но ни одна пуля не пробилла невидимую броню, которой была окружена эта лодочка с девушкой и медицинскими принадлежностями в ней. Неведомая сила, что ли, так искривила пространство, что градом сыпавшиеся пули огибали лодку.

Или, может, что-то человеческое проснулось в немцах? И каждый, понимая всю мерзость ситуации, вдруг увидел в сжавшейся в комок женской фигурке, плывшей в утлом судёнышке, свою сестру, дочь, подругу? Поливали огнём, но сознательно мимо?

Метрах в пяти от берега испытание закончилось. Солдаты, наблюдавшие за этой сценой с лихорадочным и почти молитвенным волнением, не выдержали, вбежали в воду и вынесли Лидочку на руках вместе с лодочкой и всем содержимым. Взобралась на берег и опустили её прямо в лодке в траншею к раненым.

– Ну, молодец, доктор Лида! Ты работай, милая, а мы побежали, – крикнули они ей, и она приступила к делу. Принялась обрабатывать, перевязывать, оперировать.

Бой шёл своим ходом. К вечеру она оказала помощь всем раненым. В перерывах, когда не было операций, она не отдыхала, а подносила к миномётам снаряды. Ребята так начали бить немцев, что ночью, подавив, наконец, активность врага, сделали возможной переправу через реку всего полка.

Спустя 70 лет, пусть разразятся продолжительные аплодисменты в адрес нашей отважной героини, равно как и в адрес всей Советской Армии-победительницы! Но и тогда прозвучал символический салют в честь Лиды! Как только наступило затишье, комполка перед строем объявил о присвоении Лидии Алексеевне ордена Красной Звезды. Совпадение или знак судьбы, за ту же военную операцию звания Героя Советского Союза был удостоен командир первого штурмового батальона Алексей Бельский, будущий её муж.

ИКОНКА И ХОЛОДЕЦ

Вслед за полком на другом берегу Вислы вскоре оказалась и вся дивизия. Драться советским войскам помогало войско польское, а на стороне выдыхающихся, обозлённых фашистов воевали деморализованные итальянцы, венгры, финны. Ветер вместе с гарью и дымом войны уже нёс цветочную пыльцу мира, который был уже близко, не за горами и не за долами. Но издыхающий демон войны ещё требовал крови.

Показательный эпизод: не доходя до немецкой границы, советским частям приказано было остановиться для пополнения вооружением и живой силой. Слишком много солдат было убито. Стояли дней десять. Прибыло много нового оружия, в том числе и бесствольные системы полевой реактивной артиллерии – «катюши». И вот бойцы эти десять дней полёживали себе, набирались сил, гуляли. А нашей героине отдых только снился.

К ней подошёл комполка со словами:

– Доктор Лида, милая, что делать? Ко мне обратился командир польского танкового корпуса (старшее поколение зрителей хорошо помнит польский сериал «Четыре танкиста и собака» – это про ту самую войсковую часть, про пана Густека, пана Янека и прочих) и попросил принять его раненых.

Она могла напомнить, что она тоже человек и нуждается в отдыхе, но поняла, что всё равно будет работать. И медикам вновь пришлось трудиться, не разгибая спины, без сна и отдыха. Приставили им пожилого солдата, чтобы он, во избежание толкотни, регулировал очередь. Сначала принимали танкистов – их было очень много. Потом пошли гражданские.

В Познани не осталось врачей, все убежали, скопилась масса страждущих – и взрослых, и детей. Никому из граждан чужой страны советский врач Лидия в бесплатной помощи не отказала, клятву Гиппократа и морально-этический профессиональный кодекс не нарушила.

А через день-два доктор Лида с Машей заметили неладное: к их помощнику дяде Пете что-то зачастили офицеры. Стоят, о чём-то шепчутся. Какие у командиров с солдатом могут быть секреты? Медики поинтересовались у дяди Пети, в чём дело, он смутился, но промолчал. Тогда кто-то им объяснил: «Дядя Петя офицерам самогон раздаёт».

Как выяснилось, поляки привыкли платить докторам за приём, а тут с них денег не берут. Добренький дядя Петя решил не огорчать поляков и придумал форму оплаты: за приём – бутылку самогона. Пришлось предприимчивого солдата вернуть в его часть, а им взамен прислали бессребреника.

(А вот 70 лет спустя, в «демократическое» время, рядом с совестливыми и нравственными врачами попадают и те, у кого на глазах которых хоть умри, но

если нет у тебя нужной суммы денег или дорогостоящего страхового медицинского полиса, эскулапы лечить не станут.)

Стоит ещё сказать об уступчивости советских людей и готовности их к самопожертвованию. Тот же командир польского корпуса, вспоминает Лидия Алексеевна, подошёл к комполка и попросил:

– Слушай, ты не будешь возражать, если по улицам Познани пройдем сначала мы? А вы уже после нас. Наши ребята сейчас для торжественного марша передеваются, а то очень уж обносились, страшно смотреть, все в грязном рванье и дырявой обуви.

Комполка был совершенно не против, посчитав, пусть местные жители порадуются на своих героев:

– Давай, двигайте, а мы пока пообедаем.

Поляки оперативно переделались в чистое и стройными рядами, триумфально вошли в Познань – к огромной радости и воодушевлению населения.

А наши герои в это время ели кашу. Лида, проглотив свою порцию, пошла вместе с Машенькой к медицинской повозке – своему рабочему месту. И к ним, стоящим в шинелях и погонах русским девушкам, стали подходить любопытные поляки, женщины и мужчины, и осматривать с ног до головы. Некоторые говорили:

– Пани файни, гарни.

Подошла полька лет пятидесяти, обняла Лиду и пригласила её к себе в гости. Но медик, улыбнувшись и поблагодарив, отказалась:

– Нет, пани, я врач и не имею права отойти от своего рабочего места.

Тогда та пошла домой и вернулась, неся крынку молока и свежее испечённую пампушку. Вручила всё это, поцеловала Лидию и положила в карман ей иконку Богоматери.

– То Матка Боска, она тебя спасёт. Я за тебя буду молиться.

Как тут не предположить, что таким робким, никем не замеченным знаком внимания часть польского народа призналась советским освободителям в почтении?

Лидия была удивлена и растрогана. Религиозности «привитой» у неё не было, атеистические школа и институт постарались, но в самой глубине её существа теплился огонёк веры, и всё благодаря детским воспоминаниям о маминой набожности, о её тайных молитвах перед законспирированным иконостасом в чулане. Лидия никогда в жизни ничего не говорила и не делала против Бога, наоборот, жила по его заповедям, пусть не сознавая, не декларируя это. И никогда не богохульствовала.

После войны мать призналась дочери, что ежедневно сорок раз читала «Отче наш», прося Господа, чтобы Лида осталась живой. И на самом деле, смерть, косившая людей направо и налево, обходила ее стороной.

Случаев удивительного спасения было немало. Да вот хотя бы этот.

Однажды в палатку к медикам заглянули два бойца:

– Доктор Лида, не хотите выйти на пару минут? Там такой красивый закат!

На фронте художественных выставок не было, а тут – симфония красок! Как не полюбоваться? Она крикнула романтикам:

– Вы идите, а я за вами!

И на минуту замешкалась, чтобы руки сполоснуть. Только вышла, а в этих ребят уже попал снаряд. И они оба погибли на месте.

А вот ещё один показательный эпизод. Дело происходило в Польше, на Магнушевском плацдарме. Офицеры полка во главе с командиром впервые за всю войну собрались в одном большом помещении близ расположения части, чтобы торжественно встретить новый 1945-й год. За столом все разговоры велись только о том, что будоражило и волновало, – о предстоящей Висло-Одерской операции. Из угощения была только нехитрая закуска, приготовленная полковыми поварами, – всё те же родимые каши. Хотя для дам раздобыли по плитке трофейного шоколада. Спиртное – всё те же наркомовские. Праздник на носу. Все чинно расселись, глаза блестят. Комдив поднялся и приготовился произнести тост.

В это время в дверь постучали. И вплыли празднично разодетые польки с тарелками студня в руках. Умилно улыбаясь, с порога заявили, что хотят поздравить панов командиров. Холодец из петуха с чесноком и перчиком – это яство из детства каждого советского человека после долгого-долгого поста любого способно свести с ума! Расчёт на ностальгический эффект сработал.

Разделили угощение от польских «трудящихся» на порции, и все с наслаждением умяли его за милую душу.

Хорошо хоть Лидии с Машей досталось по тоненькому ломтику, и с ними ничего не произошло. А вот остальным повезло меньше. Отшумел банкет, офицеры разошлись по своим подразделениям. Но не успела доктор вернуться в свой блиндаж, как посыльный срочно вызвал её в один из батальонов:

– Командиру стало плохо!

Она схватила медицинскую сумку с инструментами и побежала на помощь. Посмотрела симптомы – отравление! Пришлось промывать желудок. Потом схватило живот у второго офицера, третьего, четвёртого – и так далее по списку участников застолья. Всю праздничную ночь Лидия с Машей мотались из батальона в батальон, спасая корчившихся от резей однополчан. К утру больным стало легче. Они остались живы, благодаря расторопности медперсонала, не польстившегося на «деликатес». О судьбе отравительниц Лидия ничего ни у кого не выпытывала. Возможно, те сторонницы фашизма что-то в еду подсыпали.

ШУРЫ-АМУРЫ

На войне шуры-муры не приветствовались, хотя некоторые старшие офицеры при случае приглашали сговорчивых девушек вместе с ними переночевать. На Лидию тоже посматривали. Бойцы ограничивались репликами: «А фигурка-то какая!», потому что знали: врач и медсестра – недотроги. Полковники, генералы оказывали более настойчивые знаки внимания.

Один – подполковник – повадился было заходить к Лидии в санчасть, то на живот пожалуется, то на горло, то снова на живот. Тогда Лидия догадалась, что человеку не хватает женского внимания. Но ведь ещё больше этого внимания не хватало беспомощным раненым, решила она. И чтобы омрачить подполковнику его «мартовское» настроение, доктор Лида предложила ему лекарство – выпить на ночь для облегчения его страданий. Как можно догадаться, это было безобидное слабительное. И офицер, доверчиво приняв его, уже на следующий день к девчатам дорогу забыл. Вдобавок комполка, узнав об этих визитах, дополнительно «вздул» его:

– Ты чего доктору надоедаешь, работать мешаешь?

Относившийся к медикам по-отечески, он взял их под свою защиту – на одном из ближайших совещаний строго своим подчинённым наказал:

– Кто станет девочкам докучать, домогаться их, отправлю в другую часть!

А после взятия Вислы ухаживать попытался командир польской танковой бригады. Пришла в медчасть к советским коллегам медсестра-полька и попросила:

– Пани доктор, в нашей бригаде нет врача. Наш командир желает с вами познакомиться лично.

Приказ есть приказ, ответила «Ну, пожалуйста» и пошла вслед за девушкой. Её пригласили в командирскую землянку, где был накрыт стол с выпивкой и закуской. Полька села, рядом примостился адъютант. Лиду ждал сюрприз: польскими танкистами, как оказалось, командовал русский офицер средних лет, одетый в польский мундир. Сразу начал с комплиментов:

– Какая красавица будет наших раненых лечить!

Угостились, распрошались и разошлись. На следующий день вновь пришла сестричка и сообщила Лидии «радостную» весть:

– Вы очень понравились нашему генералу, и он желает на вас жениться.

«Просватанная» тут же ответила:

– Миленькая, до конца войны ни о каком замужестве и речи не может быть.

– Но вы не знаете, какой он богатый. У него две виллы, вы будете там жить.

– А у меня есть Россия, мама и дом.

– Ну а сегодня можете прийти?

– Нет, не пойду.

Партия была достойная, генерал-то был молодой, лет 36-ти, и очень воспитанный. Но там, в сердце, у доктора Лиды ничего не дрогнуло. Точно так же не откликнулась её душа на ухаживания других мужчин – достойных, храбрых, которые к близкому финалу войны уже начали задумываться о создании семьи или мечтали хотя бы о красивом военном романе.

Три года тяжелейших испытаний и высочайшего взлёта её души подходили к концу. Что ожидало её впереди? Каким веером благоденствий отдарит ей судьба за тысячи спасённых жизней?..

(Окончание в следующем номере).

Наталья ДАШЕВСКАЯ – кишинёвская журналистка. Около двух десятков лет работала корреспондентом и ведущим обозревателем молдавского приложения газеты «Аргументы и факты», где печаталась под псевдонимом Розамирина. Детство её прошло в Сибири, в Томской области. Филологическое образование получила в Молдавии. Мать четверых детей. Документальная повесть «Две души, закалённые войной» – её первая книга. Написана по велению сердца – в память о земляке-сибиряке.

Нет, он не кричал, ни о чём не молил,
 Ко рту подтянув кулачки.
 И ветер, пропахший бедой, шевелил
 Седые его волосёнки.

Как свечка, обугленный тополь горел,
 и хлопья с него опадали.
 А тихий мальчонка смотрел и смотрел
 в какие-то дальние дали.

Поверх этой битвы и этой войны,
 Поверх современности грозной

в далёкие дали, что нам не видны,
 смотрел не по-детски серьёзно.

Как будто дорогу свою примечал,
 забыв даже сглатывать слёзы.
 А зыбка, как лодка о старый причал,
 стучала о скосок берёзы...

Я знаю, и вера, и правда живёт
 На нашей планете любезной,
 Покуда та зыбка, та лодка плывёт
 Над гарью, над смертью, над бездной.

НИКОЛАЙ САВОСТИН

МАТЬ И СЫН

Идёт со свечкой восковой
 Во тьме, где смерть всё искромсала, –
 Мать ищет сына: часовой
 Пустил за самогон и сало.
 Бесшумной тенью, как в бреду,
 Мать движется над чёрной ямой.
 ...Я третий во втором ряду,
 Постой, ты не узнала, мама...
 Узнать не просто при свече
 Да после пыток в том подвале.
 ...От края третий... На плече
 Кровавый след кинжальной стали...
 Пусть за молчание – расстрел,
 Я не признался на допросах...
 Мать бродит среди мёртвых тел
 В рядах лежащих у откоса.
 Окостенело всё внутри,
 Отравлено холодным дымом.
 ...Я во втором ряду... Смотри...
 Она опять проходит мимо.
 Уже редет в поле мгла,
 И часовой старуху гонит.
 ...Я третий во втором...
 Прошла...
 Меня безвестным похоронят!

ИРИНА РЕМИЗОВА

Уже прочитан свиток чёрный,
Уже невинны города,
И взвилось знаменем позорным:
«Оставь надежду навсегда».
И толпы движутся убого
Из мудрецов, царей, невежд,
И оставляют у порога
Надежды. Арарат надежд.
Над ними ночь сомкнула своды
И каплет мёртвая вода.
Не надо славы и свободы
В «Оставь надежду навсегда».
Здесь тяжело дышать от лавы,
Но что-то ищет Асмодей
Средь груды чёрных и кровавых,
И золотых надежд людей.
Он попирает их ногами
И на смолу кладёт печать –
Ведь нет надежды в гнусной гамме,
Достойной новый мир начать.
Земли разорваны одежды.
Пространство пусто и мертво,
Но ищет Сатана – Надежду,
Как семя мира своего.

АЛЕКСАНДР МИЛЯХ**ХИЖИНА**

Калитку и дверь откроет
Сквозняк. Забор поник.
Когда-то здесь жили трое:
Икона, старушка и старик.
К затерянной хижине долго
Шла Мировая война.
Старушка убита осколком,
Первой ушла она.
Старик зарядил берданку,
С прошлого века берёг,
И на врагов спозаранку,
Будто на волка, залёг.
Крест – на её могиле,
А на его – звезда.
Рядом похоронили.
Икона осталась одна...

ВАЛЕРИЙ ШВАРЦ**СОРОК ПЕРВЫЙ – СОРОК ПЯТЫЙ**

Я сижу под одеялом.
 Рыжим, в дырках, – все равно!
 Даже жаль, что дырок мало:
 Что ни дырка, то окно.

Небо в звездах дышит миром.
 Между звезд то там, то тут,
 Как оранжевым пунктиром,
 Строчки резвые бегут.

Красота! И мне уютно –
 Мама рядом. А кругом –
 Крики, и ежеминутно
 Непонятный слышен гром.

Ну и что! Ведь мама рядом!
 Да и мне уж третий год...

Я не знал, что в сорок пятом
 Осознание придет.

Это было, это было...
 Сорок первый. Август. Ночь.
 Тварь фашистская бомбила
 Поезд беженцев. И прочь,

В степь бежали те, кто выжил.
 И, с ребенком на руках,
 Прикрывала мама рыжим
 Одеялом детский страх.

Но... оранжевые строки!
 След зенитного огня
 Был живительный, высокий,
 Светлый праздник для меня.

НОВЕЛЛА КИСЕЛЁВА**ДОЛГИЕ ПОЕЗДА**

Сестре Лене

Какая ты тяжёлая была,
 Когда с тобою в тамбуре сидела.
 Рука как будто напрочь онемела
 И боль в спине засела, как стрела.
 Шёл поезд пассажирский на восток,
 Туда мы перебрались из теплушек.
 Под взрывы бомб, под грохотанье пушек,
 Плыл нескончаемый людской поток.
 А мамочка пошла за кипятком.
 И вдруг состав, задрезжав, поехал.
 Пронзительный гудок ужасным эхом
 Отдался в голове, а в горле ком.
 И слёзы потекли из глаз ручьём.
 Мы даже прыгнуть с поезда пытались:
 Мы потерялись! С мамою расстались!
 И боль в спине вдруг стала не причём.
 А тут ещё немецкий самолёт
 Над поездом куражился с апломбом,
 Но где-то рядом разорвалась бомба,
 И это был счастливый недолёт.

Но поезд встал, направленный в тупик.
 А через два часа нашлась и мама.
 И ты тянула нудно и упрямо:
 «Дай-дай», и силы не было на крик.
 Повелевал «проход освободить»
 Какой-то дядька. Может быть начальник.
 (Ногами крепко сжат горячий чайник.)
 «Куда ж нам деться?» – «Можешь выходить».
 «Ну почему?» Мы ехали в Сибирь.
 Тут раненый боец за нас вступился:
 «Иди отсюда, морда, ишь отмылся
 От фронта... Раскомандовался, хмырь.»
 Мелькали за окном леса, дома.
 И лишь намёками – приметы тыла.
 Во мне тревога малость поостыла,
 А ты во сне шептала: «Ма-ма-ма».
 Всё дальше Волга, ближе Ангара.
 Мы целый месяц ехали от дома.
 Туда, где всё пока что незнакомо.
 И где пройдёт вся детская пора.
 Какое счастье было получить
 На всех троих хоть боковую полку!
 ...Мы ехали мучительно и долго,
 И это никогда нельзя забыть.
 Всё память сохранила, отдала.
 Ещё отдаст, что в тайниках имеет.
 (Как вспомню, до сих пор рука немеет:
 Какая ты тяжёлая была...)

РУДОЛЬФ ОЛЬШЕВСКИЙ

ПОХОРОНКА

Сладок сумрак на печи,
 Но сегодня нам не спится.
 В доме праздник, свет свечи,
 Женщин молодые лица.

Третий год идёт война,
 На стене с флажками карта,
 На столе графин вина –
 Как-никак Восьмое марта.

Год остался до конца.
 Наступил весенний месяц.
 Похоронка на отца
 В щёлку ящика не лезет.

Каждой вести свой черёд.
 Почтальон Восьмого марта
 Не решится, не придёт.
 «Пусть поют, доставлю завтра».

Полушалки на плечах,
 Сапоги легки над полом,
 Женский танец при свечах,
 Радость в доме невесёлом.

И духи волнуют нас,
 Запах довоенный, летний.
 Мама пляшет в первый раз
 И, наверное, последний...

ИОСИФ БАЛЦАН

Я День Победы вижу пред собою –
 Тот госпиталь,
 Палату,
 Самарканд.
 Глазами, переполненными болью,
 Вдруг улыбнулся юный лейтенант.
 Быть может, улыбнулся он впервые
 За месяцы, что вместе мы лежим.
 Глаза его блеснули молодые,
 А сам он оставался недвижим.
 Так улыбаться мог лишь человек,
 Вдруг с радостью узнавший
 В миг прощальный
 О доброй вести.
 Не забыть вовек
 Мне той улыбки,
 Светлой и печальной,
 Последней в его жизни,
 В ту минуту,
 Когда все ждут
 Победного салюта.

КОНСТАНТИН СЕМЕНОВСКИЙ**СОН**

Ей снился сон не под военным шквалом –
 Домашний, примелькавшийся, ручной...
 Курносый мальчик в рубашонке алой
 Поёт «Катюшу» за её спиной.

То еле слышно, то опять сильнее
 Звенит его картавый голосок.
 И вот уже мелькает перед нею
 Испачканный чернилами висок.

И карих глаз веселье озорное
 Лучами брызжет на её лицо...
 А где-то опаленное войною,
 Сжималось туже грозное кольцо.

Как вырос мальчик в порванной шинели,
 Как он похож на своего отца!..
 И снова тихо запевают ели
 Ребяческую песню у крыльца.

И мать поёт вполголоса устало,
Пока её единственный не спит,
Курносый мальчик в рубашонке алой...
Сон был живым, а сын – давно убит.

ВИКТОР ГОЛКОВ

Спасибо времени
за то, что автоматной
строкой прошитый по-немецки аккуратно
в траву не падал я, убитый наповал.
За то спасибо, что я сам не убивал,
за то, что в руки мне никто оружия не дал,
в минуту слабости за то, что я не предал.

Спасибо времени за то, что лебеду
не ел я с голоду и не хрипел в бреду.
За то, что в камере под пыткой не скончался,
за то, что в полночь на осине не качался,
за то, что газовой отравы не глотал,
за то, что Родине изменником не стал.

Спасибо, мёртвые, лежащие в могиле,
все те, что сгнули, исчезли, не дожили,
перезабытые, зарытые во рву,
за то, что вижу я вот эту синеву.
За то, что та судьба, какая вас пытала,
меня колёс четвёркой в глину не втоптала.

ПЕТРЯ КРУЧЕНЮК

КАЖДОГО, КАК МАТЬ, РАСЦЕЛОВАЛА...

Каждого, как мать, расцеловала
Ты в тот день нас, встретив за селом,
Молоком и хлебом угощала,
Плача всё о чем-то о своём...
– Где-то сын мой, где-то мой Костак –
Весточки четвертый год не шлет!
– Мать, не плачь... Бывает в жизни всяко...
Может, он Берлин сейчас берет, –
Я сказал. Она не удивилась.
Руку сжав сильнее в своей руке...
И не знаю, чья слеза скатилась
Вдоль по щраму на моей щеке.

Перевод с молдавского В. Бугаевского

АЛЕКСАНДР АНДРУСЬ**Я ТАК ТОГДА НАВОЕВАЛСЯ**

Устала воевать пехота...
Навоевались: брат танкист
И лётчик на крутых высотах,
Моряк, сапёр, артиллерист.

Навоевались и другие
Войска всех видов и родов,
В те годы грозные, лихие,
Страну спасая от врагов!

Пытала смерть, в глаза смотрела –
Не раз взвод бомбой был зарыт...
Страна сражалась, как умела,
Стыд отступленья не забыт.

Я так тогда довоевался
В пути до матушки-реки,
Что путь от Волги показался,
Как жест карающей руки.

Я так тогда навоевался –
Войну оконченной считал.
Каких друзей недосчитался!
За них бы – жизнь свою отдал!

...А ныне – просто, без усилий
Страну разрушили, как дот,
Грабители, творцы насилий...
Но час возмездия придёт!

ЛЕОНИД ПОТОРАК**РЯДОВОЙ**

Я в атаку вставал не первым,
Шел без знамени над головой,
Я неважный солдат, наверное,
Необученный рядовой.

Не меня одного искала
Пуля, смертью чужой грозя.
Я боялся, хоть проку мало,
И молился, хотя нельзя.

Затерявшись в огне орудий,
Посреди фронтовых снегов, –
Будем живы, Господи, будем, –
Я шептал, вытирая кровь.

Мы, охрипшие, чуть живые,
Но услышавшие приказ,
Слепо стылую землю рыли,
И земля собирала нас.

Здесь сравниваются конный, пеший,
Кто на mine, кто в штыковой,
Не герой, не солдат, а меньше,
Многим меньше, чем рядовой,

Все, кто верил – от пули, взрыва,
От штыка и огня храним,
Все, кто – Господи! – были живы.
Только дым. Даже в небе – дым.

Чьим святым, безвестно пропавшим,
Вручена наших судеб нить?
Я молюсь пролетающим нашим:
Слышишь, Господи, будем жить!..

Значит, нет ни солдат, ни армий,
И один, посреди дорог,
Я, безликий и безымянный,
Грязь мешу миллионом ног.

И опять поднимаясь из снега,
Пепел стряхивая со лба,
Я уже форсирую реки,
Я уже захлестнул города,

И какой бы я ни был воин,
Крик мой множится на голоса:
У меня еще пол-обоймы!
Дай мне, Господи, полчаса!..

...Так и шли. И уже не считали
Наших павших и наших побед.
И когда я дошел до края,
До конца этих страшных лет,

С миллионом живых и мертвых
В этот миг и навек един,
Миллионом охрипших глоток
Крикнул: Господи!.. Победил.

АНДРЕЙ ЛУПАН

ЗВЕЗДА

За сельской дорогой прямою
есть холмик, поросший травой,
Степные цветы за оградкой,
и дата под надписью краткой.
Над красной звездой обелиска
деревья склоняются низко...
Вон там, где трава закачалась,
дорога солдата кончалась.
Сюда и донес он когда-то
короткую юность солдата.
Настигнут осколком железным,
он пал никому не известным...
Пришли сюда грустные вдовы,
простые крестьянки Молдовы.
Отрыли могилу солдату,
поставили скорбную дату
И, полные братской печали,
над свежей землей помолчали...
С тех пор за оградой резною
цветы вырастают весною.
Над красной звездой обелиска
деревья склоняются низко.
Все туже лоза винограда,
все та же звезда и ограда.
К звезде этой нынче, живые,
придите, как будто впервые.
И землю плугами вспашите.
Спешите, живые, спешите!
У буков, за старой криницей,
Все поле засейте пшеницей –
Чтоб рядом с солдатом качалась,
чтоб жизнь его век не кончалась!

ЕМИЛИАН БУКОВ**ПОБЕДА**

Я ждал тебя, не как влюбленный
 Подругу ждет – придет ли, нет...
 Я ждал тебя, как сад бессонный
 Ждет на заре, чтоб хлынул свет.
 Я шел к тебе, нетерпеливый,
 И под собой не чуял ног.
 Навстречу полыхали нивы,
 И месяц заносил клинок.
 Мне заступали путь руины,
 И горе разрывало грудь...
 Я шел к тебе, и путь был длинный,
 Но не хотел я отдохнуть.

Пришла, как в небо голубое
 Приходит солнышко весной, –
 И смолк далекий грохот боя,
 Запели птицы надо мной.
 Мне столько слов сказать хотелось!
 Но слезы хлынули из глаз,
 Впервые изменила смелость,
 И робок был я в этот час.
 И столько чувств во мне боролось!..
 Я слышал в имени твоём
 И детский смех, и женский голос,
 И радостных салютов гром.

Перевод с молдавского С. Мар.

АЛЛА КОРКИНА**НЕ ЛЮБИЛ ВСПОМИНАТЬ**

Не любил отец вспоминать,
 Как летел он в пропасть, к врагу.
 Как летел он с рацией в пасть,
 Не хотел, говорил – не могу.

Отвлекающий тот десант –
 Просто смертников горький полёт.
 Парашюты, как лампы, висят,
 Всё же горстка с боями уйдёт.

Не любил вспоминать войну,
 Всю-то жизнь старался забыть.
 Поднимал из руин страну,
 А во сне он опять был сбит.

И опять на носилках несли,
 И опять «морзянка» в ушах.
 И порой мы терялись – что с ним?
 Надрываясь, душил он страх.

Догнала война, догнала –
 Через тридцать лет, словно град.
 И погиб он от тех гранат,
 От которых друзья лежат.

ЮРИЙ ХАРЛАМОВ**БЕЗ НАЗВАНИЯ**

Просыпаюсь – и треск пулемёта
 Словно хлещет снаружи в окно.
 Это голубь мостится с полёта
 Под навес, им обжитый давно.
 Испугавшись зловещего шума,
 Ничего не понявший в тот час,
 Я на голубя, грешный, подумал,
 Будто снова война началась.
 Видно, намертво врезался в души
 Даже тех, кто не ведал войны,
 Звук, пронзающий чуткие уши
 Уже трёх поколений страны.
 Вот и любим военные марши
 И играем в извечных солдат,
 И на встречном, кто кажется старше,
 Видим лишь ветеранский наряд.
 Жизнь идёт.

Только дай Бог поверить,
 Что мне в мире прожить повезло,
 И не вздрогну от хлопанья двери
 И от стука крылами в стекло.

ВАЛЕНТИН ТКАЧЁВ

Я не слышал, как бьёт канонада,
 Год рождения – 46-ой.
 Я не тронут осколком снаряда,
 Я ударен взрывною волной.

Да-да-да!..
 Незнакомый с войною,
 Проникающей в детские сны,
 Я ударен взрывною волною,
 Исходящей от этой войны.

Улетают последние асы
 В те края, где покойно всегда.
 Доброты мировые запасы
 Не восполнены. Вот где беда...

Невозможно, шутя и играя,
 Жить от горя людского вдали,
 Если ненависть всё выгорает
 И не может истечь из земли.

АЛЕКСАНДРА ЮНКО**ПАМЯТЬ**

В генах записано, в венах,
 В памяти родовой.
 Дед, воевавший на первой
 И на второй мировой.

Кровью героической богата
 Бедная наша земля.
 И у могилы солдата
 Плачешь ты, слёз не тая.

Раньше? Не знаю, не помню.
 Но вдоль великой реки
 Тянут орудия кони
 Да маршируют полки.

В шрамах записано, в боли
 Это терпенье твоё:
 Хлеб поднимать
 на поле боя
 И на руинах жильё.

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА**ГЛАВНАЯ ТЕМА****1**

Когда щекою к музыке прильнёшь,
 коснувшись тяжко сапогом порога
 весны в цветущих сполохах, – поймёшь:
 ты шёл сюда десятки тысяч лет,
 и выдохнет очнувшийся орган,
 под пальцами твоей судьбы военной, –
 любви запасом неприкосновенной –
 Недолюбивших Негасимый Свет.

2

Только не спи, не спи, только не засыпай.
 Слышишь, уже апрель, нет, ты играй, играй...
 Что там у нас с тобой сбудется впереди –
 в сердце ли пуля, рай, знамя ли на груди
 алое? Ну, держись! Это последний бой.
 Будет оно у нас биться над головой,
 будет! Забудь, забудь, всё не напрасно, нет!
 Глянь – двадцать первый век. Дети, Россия, свет...

Один в поле – воин

ВЛАДИМИР ИЛЛЯШЕВИЧ

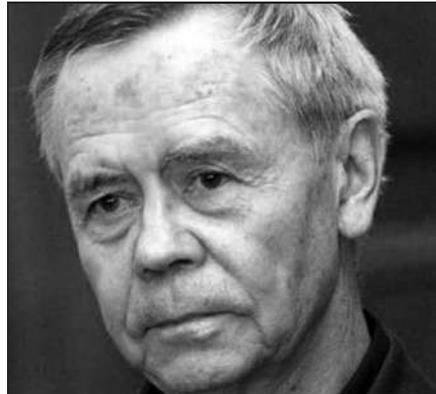
«БЕЗ БОГА НЕТ СМЫСЛА ЖИТЬ, НЕ ТО ЧТО ПИСАТЬ...»

«Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода»

(От Иоанна, 153).

В дни Великого поста, 14 марта 2015 года, в московской клинике, за несколько часов до своего 78-го дня рождения скончался выдающийся русский писатель Валентин Григорьевич Распутин, вошедший ещё при жизни в хрестоматию отечественной современной литературной классики. Отпевание в московском Храме Христа Спасителя совершил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Там же состоялось прощание, на которое пришли многие тысячи людей. В том числе Президент Российской Федерации Владимир Путин, с которым писатель был близко знаком. Похоронен Валентин Распутин на территории Иркутского Знаменского монастыря.

Валентин Григорьевич РАСПУТИН (1937–2015). Писатель, публицист, общественный и православный деятель. Член Союзов писателей России и СССР с 1967 года. Герой Социалистического Труда. В 1989–1990 – Народный депутат СССР. Со-председатель Союза писателей России. Член Патриаршего совета по культуре (Русская Православная Церковь). Лауреат двух Государственных премий СССР, Государственной премии России (2012), премии Президента Российской Федерации в области литературы и искусства (2003) и Премии Правительства РФ (2010), Всеки-тайской премии «Лучший зарубежный роман года. XXI век» (Китай, 2005), а также лауреат множества церковных и иных общественных,

литературных премий, включая премии им. Святителя Иннокентия Иркутского, премии Александра Солженицына, им. Ф. М. Достоевского (Таллин, Эстония), им. Александра Невского «России верные сыны» (2004), им. Сергея Аксакова, Международного фонда единства православных народов (2011), «Ясная поляна» (2012).

Этого скромного до застенчивости и удивительно обаятельного человека любил каждый, кто глубоко сопереживал судьбам русской культуры и литературы. Далек не всякого назовут совестью нации. Как в своё время Достоевского,

которого наряду с Буниным он числил среди своих любимых русских классиков. Фёдор Михайлович Достоевский говаривал, что быть русским означает быть православным. Наверное, поэтому глубоко православный писатель Валентин Распутин был так близок родной Русской Православной Церкви (РПЦ) и Её Предстоятелям – *Святейшему Патриарху Алексию II и Святейшему Патриарху Кириллу*. *«Патриарх глубоко скорбит о смерти великого русского писателя. На протяжении многих лет их связывали добрые, тёплые отношения. Патриарх очень почитает писательский талант Распутина и на богослужении в Калининграде он совершил отдельную заупокойную молитву о новопреставленном Валентине»*, – сообщил пресс-секретарь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла уже после отпевания, которое он ранее совершил в Москве. Как известно, Валентин Григорьевич стоял у истоков Всемирного Русского Народного Собора с момента основания и до последних своих дней участвовал в работе Собора, возглавляемого Святейшим Патриархом Московским и всея Руси. Памятны его неизменно блестящие выступления на Соборах. На 9-ом соборе прозвучали и такие слова: *«Русский человек оставался православным. Так скоро, в какие-то двадцать лет, душа народная в модные одежды не переодевается. Он весь был пронизан, несмотря на новые веяния, дыханием тысячелетней России, он сам был ее дыханием, будучи частицей ее тела»*.

Он был необыкновенно скромен и журналистов даже сторонился. В одном из перерывов на очередном съезде Союза писателей России пригласил его в ближний буфет «кофейку попить». Спрашиваю между делом, мол, вы, Валентин Григорьевич, отменный оратор, когда выступаете с трибуны, а отчего в личных беседах бываете столь немногословны? Распутин улыбнулся и коротко ответил: *«Соврать боюсь, когда много говоришь о себе...»*. Как правило, его первой реакцией на сообщение об очередной награде было удивление, мол, не надо бы... Таковой она была и тогда, когда мы с председателем СПР Валерием Николаевичем Ганичевым и известным писателем-публицистом Александром Ивановичем Казинцевым (члены совета премии от России) летом 2001 года сообщили Распутину о присуждении ему международной литературной премии им. Ф.М.Достоевского и пригласили его в Таллин на церемонию вручения, а также на встречи с читателями в рамках первых Международных дней Достоевского в Эстонии. Мероприятия были организованы по благословию Митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия в честь 180-летия с рождения всемирно известного русского прозаика. Святейший Патриарх Алексей благословил группу российских писателей во главе с Распутиным в поездку и, по обыкновению своему, попросил заодно посетить могилы родителей – протоиерея Михаила Ридигера и его супруги на таллинском Александро-Невском кладбище.

В день рождения Достоевского 30 октября 2001 года в таллинском концертном зале «Эстония» были вручены премии первых лауреатов Международной литературной премии им. Ф.М.Достоевского Валентину Распутину и известному норвежскому слависту, переводчику русской классики, защитнику памяти Шолохова и заместителю Международного комитета Достоевского профессору Гейру Хьетсо. Валентин Григорьевич в своей лауреатской речи назвал Достоевского «духовником русской литературы», «самым совершенным писателем», «человеком, как бы принимающим исповедь» и высказал очень важные мысли о сущности русского человека: *«Было два повода, два мощных стимула для созда-*

ния русского человека. Это родная вера его, православная вера, и это родная литература. Когда была отвергнута вера, почти в течение ста лет русская словесность поддерживала духовное начало в народе, выполняла и священническую миссию пусть не в полной мере, пусть иносказательно, пусть в притчах. Сейчас у нас отвергается русская литература. Поддержит ли уже в свою очередь русская церковь русскую литературу? Пока трудно сказать. Но надо надеяться, что будет поддерживать. Изначально даны были два крыла русской литературе, сейчас наше русское, почвенническое крыло отторгнуто властью, но далеко ли улетит птица нашей литературы на одном крыле? Нужна ли будет такая птица мировой культуре? Надеюсь, значение русской литературы еще вернется на ту высоту, на которой она была в прежние времена, во времена Достоевского, Толстого, Гоголя...».

Ранние годы Достоевского были тесно связаны с Ревелем/Таллином и, конечно же, Валентина Григорьевича очень занимали памятные места, связанные с именем и творчеством любимого писателя. Тем более в самые дни празднования юбилея – в конце октября, начале ноября. Чуть позднее ему и самому предстояло возглавить празднества в Иркутске, в рамках ежегодных Дней русской духовности и культуры «Сияние России». Таллин был хорошо знаком и его дочери Марии, выпускнице по классу органа и преподавателю Московской консерватории. Последнее обстоятельство проясняет мотивы частых приездов дочери в эстонскую столицу с её старинными органами и, конечно же, наше общение с ней.

Зимой он жил в своей московской квартире в Староконюшенском переулке, готовясь по весне уехать в родной Иркутск, на берега Ангары и Байкала, которые любил до самозабвения. Всем известна роль Распутина в защите природы акватории уникального озера. Летом семья чаще всего жила в иркутской квартире, а сам он уезжал в «заимку» – небольшой домик на высоком байкальском берегу, где писал свои книги в одиночестве и подолгу, бывало, просто сидел на приозёрных луговых травах и всматривался в седые байкальские дали...

В самом преддверии зимы писатель вновь возвращался в Москву. Здесь мне как-то привелось побывать в гостях и на скромной постной трапезе у Валентина Григорьевича и его семьи в Великий пост весной 2005 года. За немудрёной и экзотической снедью из лесных даров байкальских лесов на вопрос о вере православной да о Пасхе Христовой услышал от Валентина Распутина: *«Без Бога нет смысла жить, не то что писать».*

Для дочери Марии в отдельной комнате стоял высокий, до потолка, портативный орган, который специально для неё много лет назад изготовил петербургский мастер Павел Чилин. ... Маша погибла в страшной огненной иркутской катастрофе 9 июля 2006 года. Ей было 35 лет. По телефону Валентин Григорьевич тогда говорил с трудом. Очевидно преодолевая себя, сказал, дескать, ничего от любимой дочери не осталось, разве что крестик нательный, по поводу которого, *«...стыдно признаться, началась даже тяжба с родителями другого погибшего человека, которые от горя тоже все глаза выплакали...».*

На высоком берегу Ангары, недалеко от Байкала похоронили крестик дочери и рядом, через шесть лет, – прах представившейся супруги Светланы, кстати, дочери иркутского писателя Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского. На надмогильной плите дочери Марии и выбито любимое изречение из Евангелия от Иоанна «Я есмь лоза, а вы ветви...», которое вынесено в эпитафию этой поминаль-

ной статьи. В ангарских весях хотел найти своё последнее пристанище и сам писатель. На берегу Байкала осенью далёкого 2003 года, когда довелось мне побывать на его фестивале «Сияние России», так и сказал будто про себя в ответ на вопрос о давнем друге и земляке – о драматурге Александре Вампилове: *«Вот и меня пусть примет*

В. Распутин, В. Илляшевич

байкальская земля, как время придёт...». 19 марта его тело было предано земле в одном из старейших сибирских монастырей – Знаменском – в Иркутске у слияния рек Ангары и Ушаковки. Эта земля была ему родной до сердечной боли. Именно в Иркутске в 1996 году он стал одним из инициаторов открытия Православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Именно в этом городе Распутин содействовал изданию православно-патриотической газеты «Литературный Иркутск». Здесь – истоки и последний приют замечательного православного русского писателя, как-то сказавшего: *«Любовь к Родине – то же, что чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. Родина дала нам все, что мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. /.../ Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взывают за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он – духовный оборвщик, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своем Родину, не запутается, не опустится, не озверееет, ибо она найдет способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст»*.

Насквозь русский человек и писатель, Распутин считал, что Россия принадлежит не Западу и не Востоку. Россия – сама по себе цивилизация с её русским ядром и многонациональным составом, построенная на православной вере, идеях терпимости, сочувствия и любви. В Таллине осенью 2001 года одним из вечеров я пригласил его с парой других гостивших писателей поехать со мной ... родину смотреть. Как это – «смотреть родину» – подивились Распутин и московские братья по перу... Разяснил, как искал в 1996-1997 годах название фильму-беседе со Святейшим Патриархом Алексием II, кстати, эстоноземельцем и моим земляком, когда снимал этот кинодокумент о молодых годах будущего главы Русской Православной Церкви в довоенной Эстонии и о его тридцатилетнем управлении Таллинской кафедрой. Ведь жизнь подарила мне возможность постоянного личного общения с ним в течение 24 лет, вплоть до самой кончины в декабре 2008 года. Как-то само собой пришло название для фильма «Малая Родина», и в части Эстонии это словосочетание укоренилось для Патриарха навсегда. Заодно и для меня, грешного. А остальное, сказал гостям, надо, мол, увидеть своими гла-

зами. Вот и повёз их, заинтригованных, перед самыми вечерними сумерками недалеко, на таллинское взморье. Поднялись на горку Маарьямяэ с обелиском, посвящённом героическому балтийскому переходу 1941 года. Отсюда, с крутого высокого берега открывается чудесный вид на Таллинский залив, за которым тут же виднеется во всей красе силуэт старинного города с башнями городской стены, со шпилями церквей и простирается огромная водная гладь с уходящим в бесконечность горизонтом. В лёгкий туман далее садилось неяркое балтийское солнце, тихо высвечивая сказочный контур древнего городка-крепости, и будто произошло на ночь последними игривыми бликами своих лучей на осенних зеленоватых волнах моря... Пару лет спустя, уже будучи в гостях у Распутина и оказавшись с ним на берегу Байкала в такой же солнечный октябрьский денёк, мне вдруг почудилось, что стою на родной суровой Балтике и лишь снежные вершины Саяна на другом берегу выдают, что не в балтийских водах пребываем... А тогда, в Таллине, когда все долго и молча «родину смотрели» и после разговора о родителях, он спросил меня, исконного прибалта, кем же я себя считаю, коли мать – эстонка с немецкой примесью, а отец – из Украины, из старого рода, уходящего корнями в Великое Княжество Литовское? Распутин-то спросил, но, видно, ответ он знал наперёд. Я и раньше не раз говорил, что числю Прибалтику органичной частью русско-православного этнокультурного пространства и, как ни странно это может кому-то показаться, но считаю себя русским писателем. Дескать, не парадокс ли? Нет, парадоксом Распутину это не показалось. Он понимающе кивал головой и как-то весело сказал, мол, матушка-то его, Нина Ивановна, – из тофаларов*, небось и не слышали про такой народ, но были они православными и в три последние столетия полностью сохранились, как и многие другие малые народы, которым повезло оказаться под сенью России, в отличие от сотен иных народностей, давно исчезнувших под железной пятой той же западной цивилизации... Так что я есть русский человек, чем и счастлив, а Байкал – моя малая родина (!), судьба и жизнь, говорил Валентин Распутин о себе... А меня же с тех пор он неизменно представлял своим знакомым или какой-нибудь аудитории для выступления, если судьба благоволила мне оказаться рядом, «русским писателем Прибалтики».

Имя Валентина Распутина золотыми буквами вписано в летопись русской литературы. Признаться, эпитет «писатель-деревенщик» или казённое определение «представитель деревенской прозы», привнесённое некогда через лексику парткомов и культпросветов, вызывает некоторое недоумение, ибо угадывается за ними намёк на умаление значимости, сведение к некоей сугубой жанровости литературного наследия замечательной плеяды русских писателей второй половины 20-го – начала 21-го века. Да, большая часть их произведений содержит бытописание русского села, но немало написано и того, что можно назвать «городской прозой». С таким же успехом любого писателя, не писавшего о природе или о селе, можно проштемпелевать клише «писателя-урбаниста». Если

* Тофалары – коренной малочисленный реликтовый народ Восточной Сибири, впервые упоминаемый в китайских летописях 5-го столетия. Проживает на территории т.н. Тофаларии – Нижнеудинского района Иркутской области в бассейнах рек Бирюса, Уда, Кан, Гутара и других рек, а также на северных склонах Восточного Саяна. За минувшее столетие, как и ранее, численность колебалась между 400 и 1 тысячью человек. С конца 19 века – православные. Напомним, что в селе Усть-Уда родился сам писатель.

На могиле родителей Патриарха

следовать логике разделения русской литературы на «дворянскую литературу» 19 века и «деревенскую» века 20-го, то особой разницы, кроме социальной принадлежности авторов, лично я не вижу. Кстати, логика такого разделения была навязана частью литературных критиков советского времени. Тогда как и те, и другие были, прежде всего, русскими писателями. А «деревенщиками» можно назвать и Пушкина с его картинками из болдинской осени или Тургенева с его «Записками охотника» и сюжетами усадебной жизни, или Гоголя с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и «Старосветскими помещиками»... Просто дух народный, вера, его традиции, обычаи и нравственные координаты всегда бережно сохранялись, в первую очередь, на селе, среди трудящегося на матушке-земле народа, и сохраняются, отчасти, в городе трудолюбивым городским людом, не забывающим дорогу к храму, к библиотекам и к могилам предков. Этим и привлекала их жизнь любого настоящего национального писателя.

Думается, что Валентин Распутин и иные известные нам писатели, ставшие теперь классиками, были просто яркими и талантливыми творцами именно русской национальной литературы. Все они были и остаются почвенниками. Ибо исчезнет почва – не будет корней, памяти, не будет распутинского человека и его образа «...в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода», и наступит всевластие «чужебесия» (по Достоевскому и Василию Белову) и «духовного оборвыша»...

Таковы парадоксы культуры вообще, что, будучи по природе своей и корням сугубо национальной, но, поднимая важнейшие темы бытия и ценностей, культура несёт с собой общечеловеческие смыслы, переступая национальные границы, обогащая другие культуры и принимая достижения других национальных культур. Без своих собственных истоков, без почвы, с одной стороны, и без взаимообогащения в соприкосновении с другими культурами, с другой, она гибнет. И другого не дано. Это всё хорошо понимал Валентин Григорьевич. Мне посчастливилось убедиться в этом на собственном опыте, когда в 2003 году мы вместе

составили для эстонского перевода сборник его рассказов, которые я издал в Таллине в том же году. К слову сказать, этот перевод остаётся единственным на сегодняшний день. К большому сожалению. Впрочем, здесь к месту задаться вопросом, а много ли в последние 20 лет издано переводов хороших русских и российских авторов на языки иных народов России, или республик бывшего СССР, или просто славянских народов Европы? А если заговорить о финансировании такой работы, то и вовсе кислым настроение делается... Талдычим про то, что «Прибалтику потеряли...», «Закавказье потеряли...», «Молдавию потеряли...», «Украину (!) потеряли...», а много ли усилий и средств потрачено на поддержку распространения русской литературы в переводах на национальные языки? Тот... Если нет литературы, то нет сценариев, нет драматургии, нет либретто, в общем, и «кина больше не будет». Не будет ничего...

Когда Валентина Григорьевича допекали вопросами о его отношении к присвоению имени писателя городам, посёлкам, улицам, он резко протестовал и, лишь смиряясь, говорил, мол, уж коли кому и приспичит, то уж никак не улицы, а библиотеку называйте... Словом своим и останется он в памяти народной.

Casa mare

ГОСТЬ НОМЕРА

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

УГОМОН

*Бай-бай-бай,
 Поди, бука, под сарай,
 Гоше спать не мешай!
 Уж ты, Гошенька, усни,
 Угомон тебя возьми...
 (Казачья колыбельная)*

Голубая выжаренная на солнце колыбель неба, как теперь оказалось, укачивала нас двоих, хотя я жил в Питере, а он тут родился, и разница в возрасте была довольно внушительная. Но вот будто бы оборвалась нить, которой подлаживали прореху, и просыпались денечки давние, словно махорка, и теперь только ветер в соснах будто бы причитает над тем, что было и чего не было...

...По весне, когда степь золотая от солнца и одуревшие за зиму от сена коровы обжираются полынью, а солнце, усаживаясь под вечер на бахчу, такое большое, что, кажется, обитает где-то среди вальяжных и пузатых кавунов, бронзовых дынь, крутобедрых тыкв и лопоухих подсолнухов. Или в каком-нибудь из сараев, где вкочтут курицы, а еще по утрам трубит петух с огненно-рыжим гребнем.

Мы с папой, наезжавшие в хутор Пролетарка, что под Красным Сулином, были бледными призраками почти с самого севера, где солнца никогда не было, но – лишь его холодный, отраженный в свинцовой глади Стикса, блеск, промельк, напоминание, что оно где-то возможно было и ещё будет. Надо только на поезде через Москву попасть на Юг.

И вот мы приезжали из Ленинграда на Ленинградский или Московский, не поймешь (я-то всегда думал, что это один и тот же вокзал, что «человек рассеянный с улицы Бассейной поспал немножко, а потом взглянул в окошко» и оказался опять в Ленинграде), потом шли на Казанский.

Москва – это что-то пестрое и необъятное: это – пузо носильщика, людское море, человеческие головы, кипящие в бульоне толпы, и Красная площадь с Мавзолеем, где спит дедушко, а все стоят в очередь, словно в универмаг за тушенкой, чтобы посмотреть, как он почует. Ленин – Ленинградский вокзал – Мавзолей: этапы большого исхода на юг к папиному брату.

Москва постоянно разбегается по сторонам, как тараканы. Москва – это вокзал! Ну, в крайнем случае, Мавзолей. Москва товарная, Москва Казанская с курултаями, аулами и цыганами, черным людом с золотыми зубами, с большими се-

режками в ушах, аксакалами в чалме и маленькими женщинами в чем-то воздушном, газообразном, с глазами-миндалинами и в шароварах.

Ото всего этого идет какой-то необъяснимо-пряный аромат и веет сказками Шахерезады и про разбойников.

Москва – это пуп земли, где пузатый носильщик с усами, как у Буденого. И все такие важные, потому что живут в главном городе Всея Земли. А главный надо всем – дедушка Ленин в Мавзолее, дефицитный, как тушенка. Мавзолей – Казанский вокзал – Ростов-на-Дону – это тоже, наверное, Москва, хотя кто знает? Видимо, не Москва – только Питер.

Целую вечность мы стоим в очереди к заветному окну на вокзале, где надо прокомпостировать билеты, до него вроде бы рукой подать, но время длится, как патока. Мы влипли во что-то, словно мухи, к окну нас не подпускает пиджак с лысиной. И вроде бы не пес цепной, не лает, а поди обойди его – нельзя. Он, как Москва, загордил собой солнце и сам стал солнцем.

Пиджак и потная лысина в конечном счете на время становится вечностью с разбитыми вдребезги часами. И мы скоро станем бронзовыми скульптурами партизан с гранатами на Площади Революции, ждущими своего часа, чтобы броситься на лысину с пузом, расчистить путь и пробиться к заветному окошку. А потом забросать гранатами окно, чтобы все выбежали из него, как фашисты из горящего танка, смешно подпрыгивая, как будто им всем жарко и весело.

Казанское ханство, вокзальное хамство, Московское царство заполонили нас в плен. И поезд убежит от Ленинградского в сторону тепла, солнца, кавунов, больших ароматных яблок и баб с арбузными грудями (а может, впрочем, у них там арбузы, то есть кавуны вместо грудей?) и потащит за собой, словно одеяло, огромное пространство с полями, лесами, небом и землей, в котором обитает папин брат. Но обитает без нас.

А может быть, он без нас и не живет там вовсе? Вот мы приедем, заведем его маленьким ключиком, и он запрыгает на своем «Урале», как игрушечная курочка-ряба. Надо спешить, надо завести всю тамошнюю жизнь: лето, солнце, тепло, купание до посинения, прятки в лопухах и ловлю «телевизором» сазанов с чешуей, как жар горящей!

И вот мы уже в поезде. В поезде – пекло. Кажется, что злой волшебник, тот пиджак с лысиной, поймал нас и сейчас будет запекать в тесте, а потом слопают с пассажирами и поездом. И его красные и мясистые губы будут лосниться сочной влажностью разрезанного пополам помидора, и глаза алчно заблещат, словно зеркало мраморного пола на Казанском!

Красные, разгоряченные, потные лица колышутся в жарком мареве, окна задраены, папа, добродушно улыбаясь всему свету, знакомится с какими-то новыми людьми, заодно и с пиджаком и лысиной. И она, лысина, оказывается чуть ли не родственником или другом его друзей, все весело и беззаботно хохочут, потом дружно кушают курицу, завернутую в газету, и помидоры с солью, макая их в спичечный коробок.

Красные и мясистые губы нового папиного друга лоснятся сочной влажностью разрезанного пополам помидора, он слопал курицу, а нас оставил на завтра!

А ночью он тихо на цыпочках крадется ко мне, чтобы сожрать, но я убегаю, цепляя по дороге отцепленные на ночь папины протезы. Всю ночь мы бегаем друг за другом: лысина и красные мясистые губы – за мной, папины протезы за ним, а я за протезами...

Папины протезы – папины и непапины ноги, но – часть папы, непонятная и странная часть. Он потерял ноги в войну, когда ему было лет десять, военный эшелон переехал его жизнь на «до» и «после», и он потом, словно надрывно вырывался из-под колес этого далекого и заполошного прошлого, которое страшно выло паровозным гудком, ходил и жил, сильно прихрамывая.

А я вот стыдился того, что люди, особенно дети, пялились на его культы с праздным любопытством, с которым смотрят в зоопарке на обезьян. А ведь это – мой папа, и всё, что связано с ним – моё. Грубое, праздное, животное любопытство, лишённое жалости, и мой всегда такой сильный и веселый отец, казалось, в такие минуты был бессильным, слабым. Без протезов он был не выше первоклашки.

Но под утро, когда весь поезд, все вчерашние знакомые и друзья, лысина в майке, пузатые, с волосатыми подмышками, словно с зажатыми под ними мочалками, озабоченные и весёлые шли гуськом в туалет или пропадали в бесконечных лабиринтах прокуренных тамбуров и вагонов, папа прицеплял ноги и вырастал. А я сидел у окна и смотрел на то, как леса, елки, березы и осины бегут, сломя голову в обратную движению поезда сторону, уступая место большому бескрайнему и дикому полю.

Поле ширилось, как вольный выдох, длилось – и не было ему конца и краю.

Поезд тревожно и жалостливо гудел, словно пытаясь выразить весь свой неподдельный ужас или восторг от этого разбежавшегося вширь простора и пространства. И все мы с пассажирами и курами, помидорами и лысынами, пиджаками и голыми коленками девочек бежали стремглав через поля и леса, ночи и дни, закаты и рассветы, дождь, семицветную и торжественную, как хорал, аркаду радуги. Бежали, забыв про поезд и потеряв счет дням и ночам.

А потом, когда уже и не помнили, куда мы и зачем, привыкнув к жизни в поезде, вдруг возникало откуда-то из-под насыпи большое пыльное солнце, дыня, а не солнце, но она слепила глаза и обдавала жаром.

На станциях вагон окружали поджарые казачки в сатиновых халатах, и в окна сыпались абрикосы и яблоки, горячие пирожки с мясом и картошка. И стоило все это копейки.

А в раскалившемся добела Ростове-на-Дону-Москве, на вокзале, заполненном, словно печеными, но прочными стариками в фуражках с самосадом, мы покупали вкусное мороженое и долго шли куда-то дворами. Потом садились на электричку и ехали обратно до полустанка, на котором поезда никогда не останавливались.

Ростов-на-Дону отпечатался в памяти мороженым. Наверное, это и есть мороженое, вафельная трубочка, захватившая изрядный кусок пышных облаков!

Мы прыгали на полустанок, вросший в землю, а папин брат нас уже давно ждал на мотоцикле. Мы подходили к нему, заводили его ключиком, а он заводил в свою очередь мотоцикл «Урал», и мы начинали все весело прыгать на ухабах.

Мы ехали в лето, на хутор Пролетарка, подпрыгивая на ухабах, дорога стелила позади нас пыльный шлейф, подсолнухи кивали нам радостными головами, солнце слепило глаза, а высоко в небе застыла, как муха в янтаре, серая запятая ястреба.

После сытного ужина папа со своим братом громко хохотали и о чем-то оживленно говорили до утра.

Конечно, ничего из того, о чем они говорили, я не понимал, меня больше волновала большая радостная улыбка солнца. Оно росло тут, на огороде, и я подбирался к нему под вечер, вставая на цыпочки, как тать, и мне хотелось дотронуться до него рукой. Но толстый мясистый с жесткими ворсинками, как у гусениц, стебель уходил куда-то ввысь. И рыжая голова его лишь укоризненно и высокомерно покачивалась свысока, как будто задиристо хотела, сплюнув сквозь зубы, процедить:

– А в лоб?

Иногда, впрочем, из солнца сыпались семечки, заполняя весь двор доверху, и тогда вся густая, похожая на уголь, который добывал папин брат, ночная тьма была большим деревянным амбаром.

А отец со своим братом на веранде под лампой, засиженной, словно мухами, звездами южной русской ночи, говорили и говорили...

Господи, как бы мне хотелось, чтобы все это вернулось, чтобы я опять стал маленьким и несмышленным и тонул, тонул в этой незабвенной задушевности и сердечной теплоте...

А еще была в речи папиного брата какая-то суровая музыка простора и жизни: Новосинеглазовский, зверосовхоз «Октябрь», Чингирлау, Верхняя Ослянка, Павда, Губдор, Егорлыкская, Карловка, Рыбная Слобода, Белая Холонунца, Ворсма, Потьма, Калач, Пристень, Скворода, Обоянь, Мантулинская, Спасс-Бобровск и т.д.

Всё это были поселки и выселки, села и деревни, годы странствий и километры пространства, города и станицы, где папин брат то ли работал, то ли его мотало в поисках призрачного счастья. И все это загадочно жамкало коровьими губами, мычало и подначивало, подмигивало и надсадно кряхтело из своего далекого прошлого.

Выдропужск и Степурино – незнакомое и дикое пространство звуков и запахов, застывших в имени, словно козинаки в сахаре. В Выдропужске, дядя, поди, пугал выдр, выпучивая, словно хочет остудить чай в золотистом блюде, большие губы. Потом по степи и бездорожью брел в больших болотных сапогах наугад, и была пурга, и все смешалось, и стало Степуриным, где жили мои родственники по матери – Степановы.

После войны было голодно, и они со старшим братом, моим отцом, много скитались, а кругом, везде была нужда, она глядела голодными и маленькими, прищуренными от страха глазами, и всего боялась. Однажды в одной из станиц им даже не дали напиться воды: пожалели!

Потом папин брат работал в какой-то геологоразведочной экспедиции, потом – начальником склада, а еще – шахтером и так далее.

География его скитаний и есть карта страны, в которой он жил, а умер уже в другой. Но сначала всю ее вымерил своими сапогами, проверил на прочность большими цепкими пальцами, обнял теплыми ладонями и осенил радостною улыбкой. Такой ясной, простой и глупо-радостной улыбкой, глядя на которую хотелось по-дурачки улыбаться без особых на то причин.

Папин брат щекотал теплое подбрюшье ночи бархатным своим баритоном, а я сидел на остывающих ступеньках веранды, вдыхал сумерки и слушал. И мне казалось, что все эти Нижние Затрепки и Попустилово, Брандохлыстово и Теляти-

но – и есть тот сказочный мир, где леший бродит, и русалка на ветвях сидит. И я придумывал каждой местности свою сказку, свою песнь о вещем просторе.

В Затрепках он потрепал за ушами большого мохнатого пса, который сиял от радости влажными от счастья, словно звезды на небе, глазами; или получил затрещину в училище, где мастер в военной форме, бывший фронтовик с пустым рукавом учил его уму-разуму.

В Брандохлыстово жил брандмейстер, который прятал в сарае скрученный петлею, словно гадюка, готовая к прыжку, брандспойт. И еще там были – хлысты. Хлысты хотели, чтобы брандмейстер радел вместе с ними, но он, обозвав их бандитами, выпустил струю из брандспойта. Струя воды хлестала хлыстов, а они были хлипкие и молились неистово своему хлыстовскому богу, который на самом деле был гадюкой и заколдовал их всех...

Когда над мазанкой всходила полная и молодая, как грудастая казачка, луна, сгущалась цветочным медом на пасеке тьма, Телятино голодно мычало в хлеву; Чингирлау свиристело цикадами за соломенным забором, Рыбная Слобода сочно и смачно била плавниками по лунной дорожке, дрожащей мелкой чешуйчатой, горячей, как жар, гладью; Карловка шелестела осокой, большущей, как борода у Карла Маркса, Скворода шипела выжарками и брызгалась салом.

Тогда и отчасти сейчас всё это для меня какие-то далекие и недостижимые, как солнце на огороде, понятия и вещи: голод, колоски, шестидневка, проходка, черная касса, Сталин, Хрущев, репер, етить твою мать и т.д. Или – мрачная сказка, рассказанная на ночь. Поскольку всё оно ухало по-разбойничьи голосом Высоцкого и топорищилось усами Сталина, доброго дедушки с ласковым прищуром, которого почему-то вся станица называла сволочью.

Папин брат пил первач, зычно крякал, закусывая острым перцем, и начинал свою новую песню... А я думал, что вот сейчас из кустов выйдут Логдуз с Кукобоем, а за ними выползут толстые Лаптиха и Носсовая, Максатиха и Няндом сгребут меня в охапку, запихнут в большой и пыльный мешок, а Коноша и Вытегра будут хохотать над тем, как я реву, пытаюсь вырваться и не могу.

От Логдуза меня пробирал озноб, а с отвратительной и страшной харей Кукобой погружал в кромешный ужас. И только ласковая Лаптиха обнимала лапотным, лыковым, избяным своим теплом, а рядом с длинным, утиным носом Носсовая, всюду совавшая свой утиный нос, говорила скороговорками простуженным своим голосом, в нос:

– Байстриук!

Максатиха, толстая дюжая баба, от которой пахло молоком, зазывала телка по прозвищу Нян домой, а он вырывался и убегал от нее в осоку.

Густой, как мазут, ночью я долго не мог уснуть, ворочался. Из деревянной тишины веранды, закутанной в прохладу, доносился хриплый, разбойничий голос Высоцкого и казалось, что погано хохочет тьма.

Вот так на свет Божий из ночной тьмы, детских страхов и сказок появился хутор Пролетарка, куда мы приезжали на лето всей семьей. Пролетарка – остаток казачьей станицы под Новочеркасском, где казаки перемешались с цыганами и хохлами в винегрет. Помню их говор, вернее – ховор. Гремучая помесь украинского с русским, суржик. В памяти остались слова: дебаркадер, терикон, кавуны, гарбузы, байстриук, вечерять, варэники з вышней, усё. И еще – солнце.

Глаза слепнут от света. Пыльная дорога, бегущая от станции и низенькой платформы, где поезд стоит минуту, среди подсолнухов с солнечными коронами. Вдоль дороги посадки жердел, на которые тут никто и никогда не обращал внимания, а мы в Питере покупали их в магазине!

В хуторе живут шахтеры и доярки. Брат отца, один из четырех братьев, дядя Володя, работает на шахте под Красным Сулином. Когда мы на «Урале» едем за дядей Володей вытаскивать его из-под земли, я сижу в теплом кожаном коконе коляски, которую бросает на ухабах.

Из шахты выходит черный человек, улыбаясь широкой дядинойволодиной белозубой улыбкой, и говорит дядиным голосом. Так широко и открыто может улыбаться только мой дядя.

Дядя Володя!

Черный шахтер и это и есть – папин брат, мой дядя Володя. И мы едем домой, где он становится красным. Особенно, когда с аппетитом, смачно уписывает украинский борщ с чесноком и красным перцем...

Однажды я, глядя на то, как дядя закусывает стопку первача перцем, решил попробовать весь этот шумный и пестрый мир на зуб. Мне дали маленький стручок, я осторожно откусил его и внутри меня случился пожар. Перец горел и дымился, как кокс. Меня еле-еле успокоили и отпоили какими-то компотами. А дядя Володя смеялся громче всех...

– Терпи, казак!

И я обиделся на дядю. Я дулся на него целую неделю и не ездил за ним на шахту. А тетя, сверкая цыганскими очами, ее мать и была цыганкой, обозвала меня за это байстрюком. И я думал, что тетя – ведьма и по ночам летает на метле, рассыпая по небу алмазы и яхонты из своего кованого сундука.

Но потом я купался в речке Кундрючке, нырял с Крутояра, ловил с дядиной пристани сазанов, ходил за хлебом, и пожар угас, все обиды забылись.

Теплый и вкусный хлеб привозили в лабаз раз в неделю и его покупали мешками. Однажды я ужасно насмешил очередь казачек, ждущих хлеба, попросив продавщицу отпустить мне сто граммов леденцов. В станице всегда, если что-то брали в магазине, то килограммы, десятки и сотни: мешок булок или буханок, метры ситца и литры масла. Но я был маленький, а мир вокруг меня – огромный и чужой.

Необъятных размеров желтая, как дыня, луна висела над огородом дяди Володи. Черное бархатное одеяло ночного неба было утыкано крупными изумрудами звезд, которые по ночам рассыпала летающая на метле тетя. Хор цикад заглушал голоса папы и дяди, которые о чем-то спорили, сидя на крыльце...

Папа и дядя – братья! Этого я никак не мог понять. У меня был братик, но он был маленький, а разве взрослые братья бывают? У взрослых нет ни братьев, ни сестер, ни мам, ни пап. Им это ни к чему. Ведь они все – большие!

От крыльца дома-мазанки у меня ощущение прохлады и чистоты. В хату меня почему-то не пускают. Я обретался по большей части на дворе с цыплятами и на крыше, где сушились вишня и жердёлы, и на кухне. Спал на соломенном тюфяке под вишнями.

Однажды цыпленка задушил ежик, и все ругались на ежика, а я никак не мог понять, как это такой добрый ежик из мультика мог задушить цыпленка.

Мой мир стремительно взрослел: там возникали загадочные существа с диковинными названиями: сука, «телевизор», девочки с длинными ногами и корот-

кими юбками, сосед Витька Пантелейчук, и другой сосед Жмых в соломенной шляпе, жужелица, баба Лиза, гадюки и т.д.

А еще была белая мазанка, хата, в которую я заходил с ощущением запретной тайны. Окна в хате занавешены, ставни закрыты. Там что-то такое творится, там живут сказки, там скрывается тайна этой казачьей жизни и страх с тараканьими усищами. Туда маленьким нельзя. Там – злой из казачьей колыбельной угомон:

*Бай-бай-бай,
Поди, бука, под сарай,
Гоше спать не мешай!
Уж ты, Гошенька, усни,
Угомон тебя возьми...*

И вот теперь весь этот шумный и веселый мир с большими грудастыми, словно дыни, казачками, подсолнухами и гадюками, Крутояром и Витькой Пантелейчуком; беременной сукой, которую убила баба Лиза, и тонкими блинчиками, которые готовила жена другого моего дяди Толи; тетя Зина с золотыми зубами, цыганами и первачом, сворованные мною в Витькином огороде груши, серебряно-бокие сазаны, вишни и яблони, мир этот куда-то пропал. Зашло солнце, закатилось куда-то, словно колесо в темный угол. И нет больше, и не будет – гарбузов, перца, чеснока и густого украинского борща, в котором стоял половник. Тетя улетела на метле в вечеряющее небо...

Последний раз я видел дядю на похоронах его старшего брата, моего отца. Дядя Володя приехал изрядно постаревший, но со все тем же добрым и полушутливым лицом, словно из детства, но не моего, а – чужого.

Из казаков, как мне кажется, советская власть так и не выбила эту бесшабашную веселость, бодрость и злость. Седой, с большими руками и кустистыми бровями, он привез с собою гуся.

Дядя давно уволился с шахты, жил где-то у младшей дочери в Запорожье и разводил гусей. Он сел на диван, и кот смотрел на дядю, очень похожего на отца, и ничего не понимал. Вроде то же, что и у отца лицо, кустистые брови, нос картошкой, бархатный голос, но только от рук пахнет табаком. Кот долго принюхивался, присматривался к дяде, но потом все же, на всякий случай, подвинулся и сел рядом. Ведь того, очень похожего на него человека, отцеплявшего на ночь ноги, к которому он привык, потому что он кормил его, больше не было, а был вот – этот: «Какой ни есть, а всё – родня...»

Когда отца отвезли в морг, кот весь день выл благим матом, а теперь этот незнакомый человек вдруг воскресил было надежду, что не все еще потеряно, что любимый им человек, может и вернется из темного дверного проёма. Не совсем, а хотя бы вот так, на половину или на четверть. Но главное – останется какая-никакая с ним связь.

Дядя рассказывал о своем житье-бытье так, как тогда в моем детстве, но вся веселость и бодрость словно выветрилась из его жизни. Он жил в другом государстве, никак не мог понять в каком, почему не стало того, в котором было лучше, чем теперь, куда все подевалось, кто виноват и что теперь делать. Его большие руки разлетались по сторонам, как гуси. В его глазах поселилась черная печаль. Печаль человека, у которого не стало его земли, страны и теперь вот еще

и брата. И он пошел на кухню, сказал матери, что привез на поминки гуся. И гусиная шея свесилась со стола знаком вопроса: как же теперь быть-то? Без брата, безо всего, что связано с ним?

А когда мы приехали на кладбище, дядя как-то подавленно замолчал, словно подавился собственным голосом, прогорклым от горя. Его словно лишили родичей, связи с его детством. Таких похожих на него людей с густыми кустистыми бровями и носом картошкой на земле больше не осталось. И он, когда мы уже собрались уходить с кладбища, словно вдруг осознав свое вселенское сиротство и бесконечное одиночество, вдруг зарыдал, как-то по-мальчишески захлебываясь слезами.

Он плакал по своему старшему брату, так похожему на их мать, мою бабушку, по своему прошлому, голодному и страшному, по своему детству, которое зарыли под соснами. Исколесивший почти всю страну с севера на юг и с запада на восток, он вдруг понял, что больше не вернётся туда, да и сюда тоже. Карта истерлась от старости, географию отменили, его удел – это пасти гусей и дожидаться того момента, когда его вот так же зарюют туда, откуда он извлекал уголь. И я, как он когда-то меня, обнял этого уже ставшего мне почти чужим человека, которого я не видел лет тридцать, и вдруг понял, что он – брат моего отца, мой – дядя, одинокий и захмелевший голос моей казачьей крови.

А лет через пять позвонила его дочь и сказала, что ее отец, брат моего отца, мой дядя, умер.

Нет больше дяди. И нет страны, в которой мы жили-были. Страны красных стягов, маленького херувимчика на пионерских значках, усатого, что таракан, Сталина, синеватой парусины неба и большого, как подсолнухи, солнца. Улетели гуси и унесли на крыльях своих всё, что мы так любили и ненавидели.

И загрустил Выдропужск, жалобно замычало, как саксофон, Телятино, Степурино с горя напилось вусмерть. И только ветер в соснах будто бы тихо касается колыбели неба, которое укачивало моих предков, отца, дядю Володю и меня.

Тихо касается ветер казачьей люльки, а в ней мое прошлое и моё детство, обрвавшее со мною нить:

*Бай-бай-бай,
Поди, бука, под сарай,
Гоше спать не мешай!
Уж ты, Гошенька, усни,
Угомон тебя возьми...*

Игорь МИХАЙЛОВ родился в 1963 году в Санкт-Петербурге. С 1982 по 1984 служил в ГСВГ (Группа советских войск в Германии). В 1989 окончил филфак МГПИ имени Ленина. Работал сторожем, дворником, социальным работником, грузчиком, журналистом в газете «Современник», подмосковной газете «Домашнее чтение», «Московской правде», в журнале «Литературная учёба». Ныне – редактор отдела «Проза» журнала «Юность». Ведущий колонки «Стиль жизни» в «Независимой газете». Публиковался в газетах: «Комсомольская правда», «Общая газета», «Алфавит», «Московская правда», «Книжное обозрение», «Независимая»; в журналах: «Московский журнал», «ОМ», «Четыре сезона», «Golf style», «Юность», «Литературная учёба», «Нева», «Москва», «Дон». Автор книг: «ЗАО Вражье», «Письма из недалёка». Литературный редактор книги Коррадо Ауджиса «Модильяни» (серия ЖЗЛ). Лауреат премии журнала «Литературная учёба» в номинации «Проза» за 2002 год. Лауреат премии имени Валентина Катаева в номинации «Проза» за 2006 год.

«БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ»

МАРИНА СЫЧЁВА

ВРЕМЯ ПОЭЗИИ

Вся жизнь таинственна: иди и не греши.

Но дух, но истина – от правды и души.

(В.Ткачёв «Христос – Пилату»)

Я должна была написать о прошедших Ткачёвских чтениях. О том, что вот уже второй год кишинёвские писатели приезжают в Рыбницу на ежегодные литературные чтения. О том, что мы собираемся вместе, вспоминаем Валентина Ткачёва, читаем его и свои стихи, общаемся, дружим и сотрудничаем. О том, что приднестровцы тепло и даже с нежностью вспоминают об этих встречах... Но моя заметка получилась иной, чем я предполагала. Она разделилась на две части. Первая – о Валентине Ткачёве и его взглядах на поэтику. И вторая – знакомство с творчеством приднестровских авторов.

2014-й год завершился замечательным событием – Литературным фестивалем молодых писателей Молдовы и Приднестровья «Бессарабская осень». Московский фонд социально-экономических и интеллектуальных программ выступил инициатором этого действия, которое по неведомой наивысшей логике жизни звучит в унисон Ткачёвским чтениям, прошедшим в ноябре. Сейчас объясню, в чём я увидела созвучие двух мероприятий. Литературные чтения обнародовали идею книги «Мост», призванной, по задумке Валентина Ткачёва, объединить русскоязычных писателей левого и правого берегов. Там же, в стенах Ломоносовки, говорилось о реальном, «офлайн»-воплощении замысла. Литература и добротная, искренняя, талантливая поэзия Валентина Ткачёва стали **мостом**, соединившим берега, сблизившим писателей, ценителей слова. Содружество и консолидацию под знаменем Литературы провозгласил и вышеназванный Фестиваль! У Бродского в «Вергилии» есть такие строки: «Чтение поэзии оберегает от многих ошибок». Спросите, почему? Подсказку я нашла в Ткачёвской статье о Константине Семеновском «Маэстро поэзии», где автор вопиет: «Господи, да когда же поймут, что поэзия – это не люля-кебаб, не хождение в лакированных башмаках, не «голубая даль» и «бархатная ночь», а *высота человеческого духа*». Согласитесь, что только литература даёт полное ощущение необходимости совместной творческой работы «потребителя» и «производителя» «продукта». О чём бы ни говорил автор, его поиски, философия всегда проходят сквозь призму читательского восприятия, где и приобретают свою законченность. Хотим мы этого или нет, но для существования произведению мало быть написанным. Необходимо, чтобы его, как минимум, прочитали и, как максимум, поняли. И я уверена, что, прикоснувшись к поэзии – «высоте духа» – человек внутренне меняется. И не о «духов-

ном росте» или «моменте истины» сейчас речь! Семена настоящей поэзии, попадая в человеческую душу, самопроизвольно пробуждают её творческое начало и становятся основой иммунитета к вирусу «телевизорно-пластмассовой» жизни, заразившей современное общество. Вот ответ, подтверждающий слова Бродского: умение поэзии *разбудить* и ограждает человечество от многих грехов и обманов. Как-то Ткачёв сказал, что поэты умирают не от болезней и жизненных коллизий, а потому, что они сейчас не нужны, не нужна поэзия... Она перерождается в публицистическую рифмовку, в словесно-кордебалетную заумь и исчезает, чтобы не быть зряшной. Истинная, настоящая, говорящая о возвышенном отношении к миру и человеку, *поэзия чуда* уходит. Но однажды наступает момент, и у человека уже нет сил «циркулировать в некоем кругу, и раскладывать некие числа на бегу... на бегу... на бегу...» (В.Ткачёв). Неожиданно боль напоминает о существовании души, и Поэзия возвращается к людям. Всегда так. По синусоиде, периодически поднимаясь к высотам духа и падая в бездну бессердечия, человечество то боготворит, то низвергает лиру. То ли в душах просыпается желание творчества, то ли общество пресыщается греховной стороной собственного бытия, но оно вдруг прозревает, понимая, что «язык наш создан не для тостов, \в нём правда ищет торжества.\... Нет, не для нашего удобства\ соединяются слова» (В.Ткачёв). Время потерь неизбежно сменяется временем обретения. Может быть, «время поэзии» уже близко? И в тяжёлую мутную горечь нынешней жизни уже пробивается родник настоящего поэтического слова? Будут это литературные чтения, фестивали, форумы или книги, журналы, публикации – не всё ли равно? Главное, чтобы это случилось! И неважно, в каком городе, на каком берегу и по какую сторону границы люди читают, слушают, понимают, чувствуют и пишут талантливые настоящие стихи, зовущие к высотам человеческого духа!

Сегодня хочу представить вниманию читателей «Русского поля» двух интересных авторов Татьяну Карабет и Сергея Чернолева.

СЕРГЕЙ ЧЕРНОЛЕВ

Сергей Чернолев 1957 года рождения. С середины 80-х активно публикуется в периодических изданиях Молдовы и Приднестровья. С 1996 года – член СП Приднестровья. Автор поэтических книг: «Восьмая нота» (книга пародий), «Високосные дни» (лирические произведения) в Тирасполе и «Золотые холмы» (под эгидой Ассоциации русских писателей в Молдове). В настоящее время готов к печати сборник пародий «Гуляй-слово». Живёт в городе Резина.

Читателям «Русского поля» в 2013-м году уже предоставлялась возможность познакомиться с произведениями Сергея. Думаю, вы заметили, насколько творчество этого автора самобытно и неоднозначно. Тонкий и глубокий лирик, со своим поэтическим голосом, он обладает способностями и чутьём пародиста. Его пародии, направленные как на явления современной литературы и жизни, так и на «дела давно минувших дней», доказывают, что литературное пространство не ограничено ни расстоянием, ни временем. Чернолев умеет настроиться на «волну» автора, чья работа заслужила его внимания. И я не оговорила, именно заслужила, потому что стихи графоманские, пустые, поверхностные ему неинтересны. Он не хохмач, способный высмеять всё и вся, не слезливо-вздыхающий

лирик, и в той, и в другой ипостаси своего творчества – он думающий, искренний поэт. У Генриха Гейне есть такие слова: «Я не могу понять, где оканчивается ирония и начинается небо!». По этому поводу С.Чернолев как-то заметил: «Я определенно и точно знаю, где оканчивается земное и мирское и, конечно, помню, что любой опрометчивый вызов небесному – есть святотатство».

* * *

Как свет – среди мрака,
Как в море – огни...
Мы врозь, но, однако,
Друг другу сродни.

Хлестнет леденяще
По лицам – пурга.
Как сложится дальше –
Не знаем пока.

Как рушатся наземь
Обвалы снегов...
Не сказаны нами
И несколько слов.

Все в жизни непросто,
Не станем спешить...
Но надвое рвется
Непрочная нить.

* * *

Радостный, разнотравный,
Щедроцветущий май...
Свет мой обетованный, –
Слышишь – не исчезай.

Не развести насильно
Нас по краям земли.
Знаешь, невыносимо
Быть от тебя вдали.

В жизни любовь случилась
Среди тщеты земной.
Милая, сделай милость –
Будь до конца со мной.

Праздничный цвет на плиты
Вновь осыпает май.
Слышишь слова молитвы –
Свет мой, не исчезай!

* * *

Я говорю себе – пора.
Но в темноте не слышно слова.
И ледяная глубь двора
Родней оставленного крова.

Стою на смертном рубеже,
Готовый к подвигу и славе.

Я говорю, и мне в ответ –
Небесных сфер звенящий трепет.
И слабый отдаленный свет,
Как паводок, растёт и крепнет.

И гнёт сомнений не томит.
Внимаю Божьему реченью.
Ничто меня не устрасит
И не повергнет к отрешенью.

День только начат, но уже
Я повернуть назад не вправе.

Вдали светлеет небосклон.
Стою, открыт и непреклонен
За мной – сияние знамен
И перед грудью – щит Господень.

БЛОК

Идущий за гробом младенца
 Достоин святого венца.
 В глухой затаённой обиде
 Он руку вознёс на Отца.

В порывах кровавой метели
 Заветы любви не слышны...
 Да будет оплакан идущий
 За гробом великой страны.

НЕМНОГО О ДУШЕ

*Отдай последнюю рубашку!
 Если возьмут, прими за честь.
 Душа должна быть нараспашку,
 Если она, конечно, есть.*

Владимир Шагалов

Душа должна быть нараспашку.
 Сумей врага перехитрить!
 Отдай последнюю рубашку,
 Когда попросят «закурить».

Не предавайся чувствам мелким.
 Будь щедрым, как никто другой.
 Ведь жадность в данной перделке
 Чревата травмой мозговой.

Отдай её с большой охотой.
 Рубашка? Что за пустяки!

Скажи с отеческой заботой:
 – Вот вам обнова, мужики!

Не пререкайся... Эко дело!
 Теперь тебе не до красоты.
 Затем – решительно и смело
 Отдай бумажник и часы.

...И быстрым шагом – вглубь квартала,
 Забыв про доблесть и про честь.
 Душа твоя не пострадала,
 Если она, конечно, есть.

ВЕРОЛОМНЫЙ СУПОСТАТ

(солдатская байка)

Вспомним годы боевых ристалищ,
 Полчища молодчиков-громил.
 Пал Берлин, и сам товарищ Сталин
 Из подвалов немцев выводил.

Не дремал, стоял наизготовке
 И от солнца шурился слегка.
 На прицельной снайперской винтовке
 Ни одной зарубинки пока.

Все равно им партия гордится,
 Хоть порой он с партией суров.
 Сталин отмечал отдельных фрицев.
 Низкорослых. С клинышком усов.

Немчура глядела виновато.
 Где пивная мюнхенская прятать?
 Кто из пленных самый бесноватый –
 Это предстояло разъяснить.

Все они обмякли и охрипли.
 Вот и предсказуемый финал!
 К немцам на союзническом джипе
 Подкатил Верховный трибунал.

Одного не знал товарищ Сталин,
 Что почти полмесяца назад

Вероломно – посреди развалин –
 Застрелился Гитлер-супостат.

Жаль, что не расстрельной русской пулей
 Был сражен коварный негодяй...
 Что же вы без повода взгрустнули?
 Поскорее чарку наливай!

МОСТЫ

Как любил я мосты! И дрожанье воды под пролётами,
 Низовой ветерок, что летит вдоль теченья
 реки.
 Жизнь полна пустоты, не желая мириться с
 пустотами,
 Мы возводим мосты, заверениям всем вопреки.

Берега далеки, нам с тобой никогда не дано
 докричаться.
 Зарастает тропа давних встреч повиликой –
 травой.
 Знаешь, радость моя, в чём оно, наше тихое счастье, –
 Это выстроить мост между мной и тобой.

Между мной и тобой... слабый мост, колыхаемый
 временем.
 Всё не так – говоришь, ты опять размечтался,
 чуждак.
 По мосту я уже сделал шаг, вопреки всем запальчивым мнениям,
 И теперь я прошу – сделай шаг, сделай шаг ...

Как любил я мосты! И дрожанье воды под пролётами,
 Низовой ветерок, что летит вдоль теченья
 реки.
 Жизнь полна пустоты, не желая мириться с
 пустотами,
 Мы возводим мосты, заверениям всем вопреки.

ТАТЬЯНА КАРАБЕТ

Татьяна Карабет родилась 9 декабря 1958 года. Окончив Одесскую национальную академию пищевых технологий, получила специальность – инженер по обслуживанию низкотемпературной техники. Однако вот уже 19 лет работает в СМИ – радио, телевидение, еженедельные периодические издания. Поэт. Переводчик. Член союза писателей Приднестровья и член Международного сообщества писательских союзов. Живёт в городе Рыбница.

Соприкосновение с лирикой Татьяны Карабет всякий раз рождает у меня множество вопросов. Что такое современная поэзия? Каково сегодняшнее отражение мира в зеркале творчества приднестровского поэта? И важна ли географическая составляющая для человека, пишущего и мыслящего поэтическими категориями? Воспитание, возраст, привычки, мода, прогрессивные или реакционные настроения в обществе – что из перечисленного формирует авторский взгляд? Что весомей: гармоничный, целостный, возвышенный и изящный мир, воспетый поэтикой прошлого, или же – мир плюралистичный и демократичный, каждым словом декларирующий равенство любых стилей, направлений и образов, достойных быть проданными? Стихи Татьяны не дают ответов. Они заставляют думать, предполагать, размышлять над искренними строками, облакаемыми автором то в классическую, то в новаторскую форму. Поэтические эксперименты Татьяны, сколь бы ни были они разнообразны, всегда остаются гармоничными. Хочется несколько перефразировать известное выражение классика: в стихотворении всё должно быть прекрасно (т.е. гармонично): и тело (форма), и мысли (содержание), и душа (поэтика). Необходимость соблюдения этого триединства Татьяна Карабет, скорее, интуитивно чувствует, нежели специально старается соблюсти. Внутренний голос поэтессы настроен на неприятие фальшивых нот, и потому рождённые ею стихи выгодно отличаются от великого множества литературных проб, обильно рассыпанных в современном поэтическом пространстве. Сегодня читателям «Русского поля» предоставляется возможность познакомиться с её лирикой и переводами.

* * *

В небе высоко, в колючей чаще –
Пламя свободы, ярко манящей.
Жизнь как обычай, смерть как обычай,
По воле звериной и воле птичьей.

Радость невинна, злоба невинна,
Темен и светел наполовину.
Нынче – охотник, завтра – добыча,
По воле звериной и воле птичьей.

Только не зверь я, даже не птица,
А то бы вволю пришлось упиться
Рабством свободы этой двуличной,
По воле звериной и воле птичьей.

* * *

Мы живем в переходе,
Между «здесь» и «сейчас»,
Между «да» или «вроде»,
Это место – для нас.

Не томимся судьбою,
Хоть живем налегке.
Говорим меж собою
На своем языке.

Тут мерцает гитара
В полутемном углу.
Половинки футляра –
На цементном полу.

Пусть толпа мимо мчится,
Нам ли тут бедовать?
Музыка заструится,
Буду я танцевать.

Словно море готовит
За волною волну –
Пальцы быстрые ловят
За струною струну.

Звуки – крылья голубки,
Так изящно легки.
Разлетаются юбки
И стучат башмачки.

И дыхание леса,
И бегущий ручей...
Словно пала завеса
Золотистых лучей.

Словно время не властно
Над гитарой твоей,
И над танцем, согласным
С этой музыкой дней.

... Так при всякой погоде,
Летом или зимой,
Мы живем в переходе
Между светом и тьмой...

* * *

Ну что ты ко мне имеешь, Надя,
Я ведь не суд и не прокуратор,
Я провинциальный репортер-литератор,
Считающий ветеранов на параде,
Слушающий депутатские бредни,
Живущий в этой дурной комедии,
Пишущий в стол выживания ради.
И то, что мы вместе тятками махали в колхозной бригаде
Лет сто назад, уже ничего не значит.
...Она в редакционном коридоре маячит,
Мертвея лицом, и смутно бормочет:
«Сын у меня сволочь, внучку отдать не хочет,
Невестка на заработках, а я писать не умею,
Письмо им отправь, пусть все переиначат,
Помоги мне, я ничего не пожалею».
Суёт мне десять рублей и плачет...

* * *

Время уходит, призывно трубя,
И отдаляет меня от тебя.

Помню я след от крыла на снегу –
Перья его описали дугу.

Ангел спустился тогда с высоты,
Пел и смеялся – а помнишь ли ты?

Будет ли снова под солнцем пылать
Летнего озера яркая гладь?

Будут ли выдры отважно быстры,
А черепахи – наивно мудры?

Наша тропа очарует ли взгляд,
Радостью яблок одарит ли сад?

Будет ли сладок, как сотовый мед,
Этот мечтами обещанный год?

...Снегом глубоким тропу замело,
Нужное время еще не пришло.

* * *

Блаженство наполняет дни –
Сегодняшний, как и вчерашний.
И дремлют грозные огни
Сторожевой далекой башни.

А я в плену дурманных трав
Служу песочными часами.
Их время – древняя игра
Речей, улыбок и касаний.

Ты тихо спросишь поутру:
«Со мной ли ты, моя отрада?»
А я близ августа умру,
Не доживу до винограда.

* * *

Ополченцы Уэллса штурмуют теньевую сторону Луны,
Это время войны,
Несмотря на все крики «Не надо»!
Лунные жители подставляют зады и открывают рты,
И цепенеют от собственной немоты,
Им выбивают передние зубы прикладом.
Роланд говорит: это «КА», это судьба,
Она делает из тебя раба.
И только в рабстве ты можешь найти свободу.
Фрейд говорит: это да, такая звезда!
Умрите ниже пояса, господа,
И сделайте этот мир для войны непригодным.
И ты открываешь чат и начинаешь кричать,
Чтобы начать получать
Пинки и удары за то, что воешь от боли.
А тебе говорят – терпи и молчи,
На войне – там одни палачи,
Там пляшет свобода их человеческой воли.
А тем временем, господибожемой,
Летом, весной, зимой,
Те, кто ждал и хотел – все вернулись домой,
Кто в гробу, а кто – так, но не такими, как были.
И в бессонные ночи среди тишины,
Им разрывы слышны,
Им слова любви не нужны,
И слова эти никого не исцелили.

А последний солдат, что остался в живых,
 На фоне кратеров заревых,
 Плачет, кается и кричит: «Я невинен! Невинен!»
 Но на Земле война не видна,
 Земляне смотрят, как в небе сияет Луна,
 Все так же нежна,
 Но смерть проступает на светлой ее половине.

* * *

А может быть, война – это расплата
 За все прошедшие и грядущие вины?
 Но брат мой убивает твоего брата,
 А сын твой убивает моего сына.
 И с двух сторон с тобой мы бьемся о стену,
 И ждем, что наши крики услышит небо.
 Готовы уплатить мы любую цену
 За то, чтоб этой клятой войны – не было...

КОНСТАНТЫ ГАЛЧИНСКИ

I

На порог когда ступаешь –
 Словно августовской ночи
 Шум листвы вдали рокочет,
 И ее ты возглавляешь.

За тобою – тени птички,
 Снегири, щеглы летают,
 Свет таинственный мерцает
 Ночи августа зарничной.

Ты – орнаментом узорным
 В замке ночи – месяц ясный.

Свет с ладоней льешь атласных
 И блестит поток, как зерна.

С плеч шумящий плащ свисает
 В нем поют лесные птицы
 В коридор, во двор струится,
 В небо, где звездой сияет

Нам Венера. Выси млечной
 Блеск камней и туч громада...
 Я хочу твой сумрак взгляда
 В памяти сберечь навечною

II

Над столом своим склоняюсь
 В алом зареве восхода,
 О руках твоих пишу я,
 Сердце я твое рисую.

Вкуса шелковицы – губы,
 Голос сладостно-рассеян.
 Уши – островков уступы,
 Что явились Одиссею.

Облаком лицо, у края
Горизонта – цвет акаций.
Вновь перо я окунаю,
Буквы вывожу в абзаце.

Строки лягут, словно птицы –
Синие, золотые дива.

Пусть из песни их родится
Твой портрет наиправдивый.

Стрелки мчатся в вечном круге,
Дни и годы – быстротечны.
Я хотел бы твои руки
В памяти сберечь навечно.

III

Сколько нам путей открылось,
И истоптано тропинок,
Сколько ливней? И кружилось
Сколько за окном снежинок?

Сколько писем и прощаний,
И тоски преодолели.
А в разлуке обещаний,
Мужества – дойти до цели.

Сколько нам невзгод свирепых,
Как любви удастся выжить?

И преломленного хлеба,
Поцелуев? Лестниц? Книжек?

Как же стих мой полнословен,
Страсть бушует, как в набате!
Сколько нам звучал Бетховен?
И Корелли? И Скарлатти?

Твои очи – словно свечи,
В них сияет свет сердечный.
Я хотел бы твое сердце
В памяти сберечь навечно.

(Перевод с польского)

Марина СЫЧЁВА родилась в 1966 году в районном центре Чаны Новосибирской области.

По окончании Новосибирского инженерно-строительного института участвовала в строительстве Резинского цементного завода. Печаталась в районных и городских изданиях, газетах и журналах. Автор поэтических книг «Рифмованные мысли» и «Письма из города Осень». Член Международного литературного фонда и СП Приднестровья, член АРП РМ. Живёт в Рыбнице. Постоянный автор журнала «Русское поле».

ВАЛЕНТИНА ПЛЕШКАН, МУЗА ГОНЧАРОВА

В ЗАРЕЧНОМ ГОРОДКЕ

Есть люди, сделавшие так много для своего края, для родного города ещё при жизни, что и после их ухода память о них живёт не одно десятилетие и не в одном поколении. Именно к таким замечательным личностям и относятся Василий и Виктор ХУДЯКОВЫ, отец и сын. Оба – талантливые журналисты, писатели, поэты, интереснейшие личности. И если бы не одна и та же смертельная болезнь, так рано оборвавшая их жизненный и творческий путь, они и сегодня могли бы ещё быть среди нас.

В актовом зале Центральной городской библиотеки Бендер состоялся вечер памяти Василия Васильевича Худякова, посвященный 90-летию со дня его рождения. Виктору в этом году исполнилось бы 65.

Участники встречи словно листали яркие страницы биографии, трудовой и литературной деятельности неординарного, увлеченного любимым делом человека, каким был Василий Худяков, страстно любивший жизнь, людей и свой родимый край. Родился он в Бендерах. Учился в румынской школе. В Великую Отечественную, прибавив себе два года (на самом деле, по свидетельству родственников, родился в 1927 году), ушел на фронт добровольцем, служил в тыловых подразделениях.

Через три года после войны в Бендерах начала выходить городская газета «Победа», в становление которой Василий Худяков внёс огромный вклад. К слову, бендерское литературное объединение «Горизонт» – старейший творческий коллектив Молдовы и Приднестровья, сформировавшийся даже раньше кишиневского. Так вот история его началась именно здесь в конце 1949-го, когда несколько молодых литераторов собрались в редакции газеты «Победа», чтобы обсудить с единомышленниками свои литературные проекты. Среди тех первых был и молодой Василий Худяков. Именно здесь они вместе с бендерским журналистом Николаем Киселевым и основали литературное сообщество.

Примечательно, что Василий Худяков, член Союза журналистов СССР, первым из Бендер окончил в 1970-м Московский Литературный институт им. М. Горького – по жанру проза. Об этом на вечере рассказал бессменный на протяжении полувека председатель городской писательской организации, Почётный гражданин города Леонид Литвиненко, хорошо знавший Василия Худякова многие годы. Он отметил, что Василий сполна владел поэтическим даром, вспоминая: «Как-то в Москве, в компании литераторов, в которой был и Ярослав Сме-

Василий Худяков

ляков, Худяков прочитал своё стихотворение «При табуна в речной долине...». Смеляков отозвался о нем положительно: «Стих хрестоматийный».

При табуна, в речной долине
Я встретил чудо-жеребца.
При поступи крутой с полыни
Слетала серая пыльца.
Гнедой, совсем нередкой масти
И с табуном одних кровей,
Он своенравным был отчасти
И гордый силою своей...
...Теперь же, как любая лошадь,
Послушен шпорам и хлысту,
Конюшной теплой обеспечен.
Есть корм отборный, есть вода.
Но я твержу при каждой встрече:
Что значит всё-таки узда!

(«Узда»)

Действительно, несмотря на то, что Василий Худяков больше известен как публицист и прозаик, его поэтические произведения также заслуживают пристального внимания:

Осень все переименовала,
Днестр иной и лес не тот,
Словно в час, давно назначенный,
Разыгрался листоlet...

(«Листоlet»)

На скамейке у белого домика,
Что стоит на крутом берегу,
Я нашел его в чеховском томике
И, как будто своё, берегу.
Я не знаю, кому адресовано,
Мне и почерк письма незнаком...
Только понял, что кто-то взволнованный
Ждал кого-то всю ночь над Днестром...

(«Найденное письмо»)

Леонид Алексеевич вспоминал: «Он действительно был красив. Плотного телосложения, с выразительными глазами, высоколобый. Мы, молодежь, бегавшие тогда в редакцию по поводу и без повода, любили его. Авторитет Василия Васильевича для нас был непререкаем, и любая, даже маленькая его похвала, была для нас высочайшей оценкой... Как бы он обрадовался, если бы узнал, что то давнее зерно, брошенное им, проросло в большую писательскую организацию...». Его сын, Виктор Худяков в своё время подчёркивал: «Отец был, безусловно, талант-

ливым человеком. В «Победе» пятидесятых годов его перо справедливо называли лучшим. Но он вскоре перерос её рамки и стал работать в республиканских изданиях, одновременно занимаясь литературным творчеством».

Велика была роль Василия Худякова и в установке памятника Павлу Ткаченко в Бендерах. Он тогда, в 1957-м, собрал материал и выпустил свою первую книгу – поэму в стихах «Зарницы», после которой в городе заинтересовались подробной биографией революционера. В конечном итоге на привокзальной площади в 1961 году был установлен памятник Павлу Ткаченко, который позднее перенесли к ДК им. П.Ткаченко.

В конце 50-х годов прошлого века известный российский поэт Виктор Иванович Кочетков, к тому времени переехавший жить в Кишинёв, поддержал первый поэтический опыт Василия Худякова, однако тот в дальнейшем перешел на прозу, и вскоре увидела свет его первая повесть – «В заречном городке». Книга вышла в издательстве «Картя молдовеняскэ».

В ней автор описал жизнь молодых людей бессарабского провинциального местечка с его характерными для края нравами накануне Второй мировой войны. В том же издательстве в 1963 году был издан роман Василия Худякова «Крутые ступени». Вслед за ним выходит поэма в прозе «Тревожный звездопад». Пристрастие к поэтической строке вылилось здесь в четко выраженную ритмическую прозу. «Тревожный звездопад» продолжает линию повести «В заречном городке». В книге прослеживаются судьбы героев повести Сергея Жердана, Семки Скибы, Тамары, Стеллы Попеску в период Великой Отечественной войны и оккупации городка. Для этого произведения характерна романтическая приподнятость, чему в немалой степени способствует ритмизованная строка. Его книги уводят современного читателя к событиям тех давних лет, свидетелем и участником которых был сам автор, проживавший в Бендерах.

Несколько лет Василий Худяков тесно сотрудничал со студией «Молдова-филм»: он был главным редактором комитета кинематографии Молдавии. По его сценариям сняты художественные фильмы «Зарубки на память» и «Гнев». Об этом и о многом другом рассказал гость вечера из Кишинёва Николай Гибу, молдавский кинорежиссёр, сценарист, писатель, автор многих статей и книг о молдавском кино, которого с Василием Худяковым в 70-е годы связывало творческое содружество.

Гость напомнил, что сценарий к историческому художественному фильму «Зарубки на память» был написан Василием Худяковым по его же роману «В заречном городке». Весной 1973-го состоялась премьера фильма в Москве, а в следующем году – в Кишинёве. Вскоре с успехом прошла премьера художественного фильма «Гнев» в столице Молдавии. В основе фильма – историческая драма о Татарбунарском восстании в южной Бессарабии в сентябре 1924 года. Сценарий

к этому фильму также написан Василием Худяковым при участии Эдуарда Володарского.

В упомянутых фильмах сыграли известные советские актеры: Владислав и Вацлав Дворжецкие, Олег Янковский, Клара Лучко, Николай Олялин, Зоя Федорова, Игорь Чирков, а также талантливые молдавские актеры Думитру Карачобану, братья Виктор и Мирча Соцки-Войническу, Константин Константинов, Констанца Тырцеу. Музыка к этим двум картинам написал известный молдавский композитор Евгений Дога.

Жена Василия, Худякова Наталья Марковна, как и он, работала в редакции газеты «Победа». Ей он посвящал свои стихотворения:

Сегодня я (в который раз!)
Задумался над тем,
Как долго жизнь швыряла нас,
Чтобы связать затем!

* * *

День сегодня прошёл в ожидании
У накрытого скромно стола.
Не смешно ли, жену на свидание
Ждал весь день, а она не пришла...

Есть у Василия Худякова и стихи, написанные к рождению сына:

Мой сынок, играй и смейся
В белой колыбельке.
Видишь, лёг малютка-месяц
В звёздную постельку.

Слышишь, ветер за окошком
Напевает звонко
И мурлычет тихо кошка
Над своим котёнком.

А к тебе склонилась мама,
Ждёт, когда уснёшь ты.
Ты ж не хочешь спать упрямо
И глядишь на звёзды.

Ты родился, детка, летом,
Летом – солнца много.
Ждёт тебя, по всем приметам,
Светлая дорога.

Был ты, мальчик, принят светом
Ясным утром рано.
В мир вошёл почти что следом
За зарёй румяной.

(«У колыбели»)

В семье Худяковых бережно хранятся письма, документы, записи писателя. Знаменательно письмо, которое было написано Василием своему маленькому сыну и украшено авторскими рисунками, что свидетельствует и о художественном таланте Василия Худякова. А Валентина Ивановна, жена его сына, утверждает, что если бы Василий Васильевич не был журналистом и писателем, он наверняка стал бы художником.

Лучшее стихотворение отца, по мнению сына Виктора, – «Постоянство полярной звезды»:

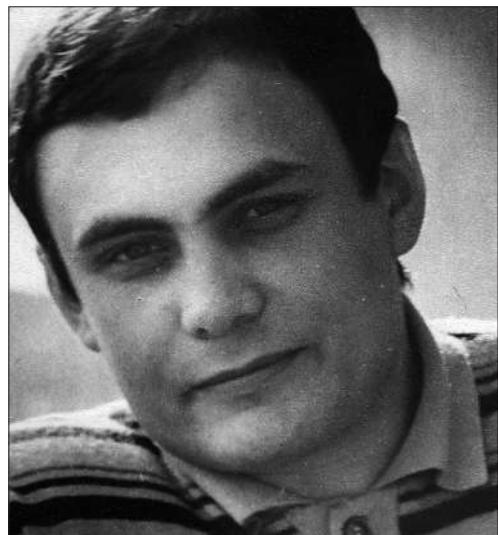

Рисунок отца

Затеряться в широтах могли бы вы –
 Гривы рифов торчат из воды.
 Но отводит фрегаты от гибели
 Постоянство полярной звезды...
 ...Чтоб, плененному дальней дорогою,
 Мне не сбиться в пути никогда,
 Будь всегда наводящей и строгою,
 Постоянной, как эта звезда!

По воспоминаниям близко знавших его людей, Василий Худяков владел и даром предвидения. Так, ещё в 60-е годы он не раз говорил о значимости для города Бендерской крепости как исторического памятника, настаивал на необходимости её реставрации, возрождения, понимая ценность этого архитектурного сооружения веков минувших. Прошло совсем немного времени и, как мечтал Василий Худяков, Бендерская крепость превратилась в «Исторический военно-мемориальный комплекс», охотно посещаемый огромным числом туристов, который реставрируется и возрождается.

Виктор Худяков оказался достойным сыном своего знаменитого отца. Окончил исторический факультет Кишинёвского государственного педагогического института им. И. Крянгэ. Стихи начал писать ещё школьником. В газете «Победа» в 60-е печатается одно из

Виктор Худяков (сын)

первых его стихотворений. Он стал активным членом бендерского литературного объединения. И имя творческому сообществу – «Горизонт» – придумал он в начале 70-х годов прошлого века. Оно понравилось всем и как-то само собой закрепилось. До этого же с легкой руки поэтессы Аллы Айзеншарф писатели называли себя коротко – «ЛИТО».

Виктор Худяков любил и понимал поэзию. Большой популярностью у читателя пользовались его короткие афористичные стихи:

Так повелось в миру не в добрый час:
Закрыв сердца, но не скрывая лица,
Мы распинаем лучшего из нас,
Чтоб было бы потом кому молиться...
(«Традиция»)

Скажу пред Богом и людьми:
За Русь стоял в пределе крайнем,
Прибавив к таинству любви
Своей любви простую тайну.
(«Исповедь»)

Но главным призванием в жизни для Виктора Худякова была журналистика. Сам он о себе пишет: «...Многое в моей судьбе оказалось связанным с «Победой». В редакцию этой газеты я приходил с юных лет к маме, знал всех сотрудников, был в курсе редакционных дел. Первые мои публикации тоже появились именно на этих страницах...». Его великолепные, яркие статьи печатались и в центральных периодических изданиях бывшего Советского Союза, в газетах «Днестровская правда», «Молодёжь Молдавии», «Советская Молдавия».

В 1990-м году Виктор Худяков основал и до конца жизни возглавлял бендерскую городскую газету «Новое время». Он прекрасно справлялся с нелёгкой должностью руководителя, многие журналисты, благодаря его наставлениям, становились настоящими профессионалами. Именно на этом посту проявилась активная гражданская позиция Виктора Худякова, его принципиальное неприятие возрождающегося национализма.

Летом 1992-го он с оружием в руках защищал родные Бендеры, к счастью, остался в живых. За проявленное журналистское и человеческое мужество Виктор Васильевич был награждён медалями «Защитнику Приднестровья» и «За трудовую доблесть».

Он активно публиковался не только в периодической печати, но и в коллективных сборниках («Горизонт», «Ларец»).

А в 1996 году вышел в свет его роман-хроника «Под сенью крепости Бендерской, или История южной интриги Карла XII». Это повествование о событиях XVIII века, связанных с пребыванием шведского короля неподалёку от Бендерской крепости, находившейся тогда в черте турецких владений. На страницах книги даны портреты гетмана Мазепы, султана Ахмеда III, молдавского господара Дмитрия Кантемира, сподвижников Петра и других деятелей той эпохи.

Виктор Худяков оставил современникам и потомкам и уникальный роман-размышление – признание в любви родным Бендерам «В цветущих акациях го-

Виктор Васильевич Худяков был членом Союза журналистов СССР, Союза писателей СССР, Литературного фонда России, Союза писателей Приднестровья.

Много интересного о Василии Худякове как о человеке, о творческой личности рассказала Валентина Ивановна, супруга Виктора Худякова. Её рассказ сопровождался показом на большом экране фотодокументов из семейного архива.

Л. Литвиненко и Н. Гибу

Приятным сюрпризом для сотрудников библиотеки стали преподнесённые Николаем Гибу в дар исторические романы Зинаиды Чирковой, жены кинорежиссёра, и диск с фильмами по сценариям Василия Худякова.

И Василий, и Виктор Худяковы прожили короткую, но удивительно насыщенную делами и событиями жизнь. Много в ней успели. Могли бы успеть ещё больше. Но каждому на этой земле отпущен свой срок. И мы, живущие в следующем веке, стараемся помнить о богатстве, сотворённом отцом и сыном для нас, для родного края, для его культуры...

Фото И. Сметанникова

Муза ГОНЧАРОВА, член Бендерской писательской организации.

Валентина ПЛЕШКАН, заведующая читальным залом Центральной городской библиотеки г. Бендеры.

Семейный альбом Победы

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА

«СКАЖИ-КА, ДЯДЯ!..»

Семидесятилетний юбилей Победы советского народа над фашистской Германией 9 мая 2015 года отмечают последние ветераны. Последние из тех, кто долгих четыре года тяжело шёл к поверженному Рейхстагу, к алому советскому знамени, взвившемуся над ним; кто терял родных и боевых товарищей, терпел боль, голод и холод, отдавал за нас – своё будущее – руки, ноги, глаза, сердце, кровь свою, кто видел её своими глазами, – Великую Победу! Последние!

Вот и он – Пётр Тимофеевич РУДЯГИН – встречает в Кишинёве, давно ставшем родным, свою девяностую весну. И, хотя пехоту награждениями не баловали, у него девять «Благодарностей Верховного Главнокомандующего», медали «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За Победу над Японией». В мирное время уже присвоен Орден Отечественной войны.

Я помню его всю свою сознательную жизнь. Высокого, стройного, слегка хромающего, весёлого и ироничного, с внимательным – как бы ни балагурил – взглядом голубых глаз. Однажды в книжном шкафу появилась книга с автографом – его учебник по криминалистике: много лет он преподавал в Школе милиции. Меня часто принимают за его дочь и в пионерский лагерь им. Дзержинского, что находился под Котовском, – лучший в мире! – я ездила благодаря этому родству. Он всегда тяготел к литературе, был очень известным человеком в городе. Даже дебютный рассказ моего отца, будущего лауреата Всероссийской Шукшинской премии, впервые напечатали в «Вечернем Кишинёве» под именем брата, перепутав!

Мой дядя – родной брат отца, старший из сыновей большой и дружной казачьей семьи. Я вдруг подумала, что одним предложением можно сказать о характере людей Великой Страны, исчезнувшей с карты мира, о тех, кто на фронтах и в тылу добывал её, горькую нашу, огненную, прекрасную, Великую Победу; одним предложением, в котором судьба целого поколения: «Мужчина, отец, Тимофей Иосифович Рудягин, ушёл добровольцем на фронт, погиб под Сталинградом; женщина, мать-героиня, Павлина, более 50 лет ждала своего мужа Тимошу».

Пётр Рудягин. Пехота, 1943 г.

Ст-ца Сергиевская Кореновского района Краснодарского края, 1910 г.
(в первом ряду вторая справа – Павка Ержова)

...Когда собирались они – семеро детей – возле хрупкой матери своей Павлины Григорьевны, приехав из разных городов Советского Союза на какое-нибудь торжество, когда стройно, дружно запевали чистыми, сильными и глубокими голосами старинные песни на ласковом украинском языке, когда поминали отца своего, – такие красивые, статные, ясные, мне казалось: не было людей на земле более счастливых – друг другом, своей дружбой, общей семейной памятью. Да ведь так оно и было! И, если и случались горести, если порой не безоблачно складывались жизни личные, то одно было незыблемо: они – семеро братьев и сестёр – друг у друга на веки вечные. Мать и отец, которого младшие из детей и не помнят, сумели так любить друг друга, в такой душевной чистоте, достоинстве, труде и любовании миром воспитать своих деток, что этой любви несказанной, этого земного света хватило им на всю оставшуюся, долгую-предолгую жизнь...

Что знаю я о дедах-прадедах, живших счастливую и тяжёлую, полную лишений, радостей, трагедий, падений и взлётов жизнь? Что расскажу детям и внукам о наших предках, любивших русскую свою землю, переживших войны, революции и репрессии, следуя судьбе родной страны и никогда ни в чём её не упрекнувших, не отрекшихся, о другой не помышлявших?! История рода – это история и страны. Из каждой отдельной ниточки-судьбы плетётся полотно её судьбы. В этой семье понятие Родина было всегда свято. Сегодня, когда история беззащитно переписывается, когда возрождён нацизм и фашисты маршируют в факельных шествиях по столице соседнего государства, «матери городов русских»! – Киеву, очень важно помнить, кто мы на этой земле. Кто и зачем. Спешу как можно больше узнать сегодня. Для детей. Для внуков и правнуков. Спешу...

– Скажи-ка, дядя, как это – прожить на земле почти 100 лет?

– Если бы я не был ранен на войне, если бы не эта нога, я бы и не думал о годах! Ощущать возраст я начал только с 80-ти лет – ранение дало о себе знать. А так – чувствовал себя прекрасно, был востребованным – сослуживцы никогда не забывали, я даже постоянно ходил в Академию полиции играть в волейбол с курсантами. Я ведь более двадцати лет преподавал дисциплины «уголовное право» и «уголовный процесс»... Если бы я не был ранен... Люди, живущие в мирное

время, плохо представляют, что скрывается за словами – «был ранен». За тяжёлыми ранениями всегда стоят и тяжелейшие физические муки, и душевные страдания. Всю жизнь рана даёт о себе знать, а особенно гнетет в возрасте. В годы войны даже ввели специальные нашивки за ранения, – своеобразные знаки отличия. Теперь вообще об этом мало кто помнит и знает.

Задаю лукавый вопрос. Интересно, как ответит:

– **Я с детства слышала: «мы – из казаков».** Казаки – что это за люди были, дядя, кто такие?

– Ты что, неграмотная?! (Сердится). «Кто такие, кто такие?!» Это была опора царского трона! Казак – человек вольный, никакого насилия над собой не терпел, крепостного права не знал! У него был надел земли, льготы по выплатам. В мирное время – землю толково обрабатывал. Но главная задача была – Отечество защищать. Как война – вперёд! Да и в мирное время были воинские сборы, и надлежало казаку выправить амуницию, шапку, конь должен был быть. Винтовку, правда, выдавали. Но было и тренировочное оружие. Составлялись воинские подразделения. Охрану царя казаки обеспечивали. Их и на усмирении народных волнений направляли. Помнишь, в старых фильмах про революцию, в толпе митингующих раздаётся жуткий крик: «Ка-за-кии!» – и митинг заканчивался, все разбежались кто куда. Потому что главное – Держава! Сыны Отечества – что ты!

Родной брат отца – Александр – был школьный учитель, а потом – офицер царской армии. Но – скоропалительный, по необходимости. Во время первой мировой войны даже карикатура была: через станок пропускают осла, а на выходе получается офицер... Мой папа рассказывал, как приехал Александр, получив офицера, и отец встречал его на вокзале. Тот сошёл с поезда такой красивый, гордый, молодой, в новенькой форме, «А я его не поздравил!» – отец мучился этим всю жизнь. После 37-го года мы всё прятали фотографии родных в офицерской форме. Дядя Саша то погиб от испанки в 18-ом году, а вот дядю Мишу – репрессировали...

– **А нынешние...**

– А нынешние казаки – всё больше ряжские... Форсят в новеньких формах, звенят бутафорскими наградами... Видел я. Настоящих – мало.

Мама, папа с Валеј, 1922 г.,
им было по 19 лет.

Александр Иосифович Рудягин

– Я совсем недавно узнала, что семья моей бабушки – твоей мамы – была раскулачена. Ты что-то помнишь об этом?

– Семья деда, Григория Захаровича Ержова, была зажиточная и очень работающая. Батраков они не брали – сами на земле с утра до ночи работали. Помню только, когда деда раскулачивали, – нас у мамы уже пятеро к тому времени было, – так добро из хаты мешками выносили: одежду, продукты, утварь. Было страшно. Мама всё шептала: «Петя, походи скажи тому дяде в форме, чтоб хоть один мешок оставил!» Но я для таких «подвигов» был ещё слишком мал. Деда и папиного брата сначала держали с другими мужиками-казаками прямо в степи, за колючей проволокой – сестра Люба к ним ещё пробиралась, под проволоку проползая, храбрая была! – еду носила, а потом как погнали их куда-то, так и всё. Больше мы о них никогда ничего не слышали.

Тимофей Иосифович Рудягин

– А отца своего помнишь?

– Да. Конечно, помню и очень хорошо. Он был из бедняков, сын служивого, погибшего в Тифлисе. Мать отца, бабка моя Татьяна, – везде мужа сопровождала, с таким характером была! Я её в детстве боялся: суровая, хмурая, здоровая. У неё не было левой руки – отсечённой шашкой, во время боя. Это когда случились волнения курдов, она наравне с мужчинами верхом на коне в бою участвовала. Отец наш родился в 1903 году, через пару месяцев после гибели своего. Конечно, очень тяжёлое детство ему досталось, приходилось батрачить. А всё-таки в советское время выучился! И нас, детей, настраивал только на учёбу! Все мы после войны получили высшее образование, как он и мечтал. Сам папа был по профессии бухгалтером. До войны – главным в конезаводе № 58 на хуторе Дыдымкин Курско-

го района Ставропольского края, что в 12 километрах от границы с Чечней. На конезаводе, при котором мы жили, выращивали элитных лошадей – чистых английских кровей. Кони наши шли на валюту! На этом хуторе и прошло мое отрочество (родился-то я в станице Сергиевской Кореновского района Краснодарского края), оттуда я, отец, сестра ушли на фронт. В тридцатые годы бедствовала семья страшно. Как теперь говорят – «ватники»? – да, на детей была одна фуфайка, гулять бегали по очереди. А однажды мы с братом Сашей с голодухи опухли и очень этим гордились, дурни. Спасли отруби, которые где-то раздобыли родители.

– Чем в семье занимались на досуге?

– Перед самой войной люди стали жить значительно лучше. Мама наша разводила птицу: индюшек, кур. В доме были патефон и велосипед, поэтому мы считались «богатыми». Читали. Вот, помню, перед самой войной читал я «Кочубея» – о герое Гражданской. Почему-то веселила и навсегда запомнилась фраза оттуда: «Мы со своею Кондыбою...». Увлекался литературой и химией. Играл

в футбол в интернете. Первое, что помню об отце – он очень петь любил и танцевать. Благодаря тому патефону мы воспитаны на пластинках – на украинских песнях, на классической музыке. Нас – пятеро. Мама весёлая была, мы часто с ней дурачились. А отец любил устраивать домашние выступления. С детьми Валей, Любой, Машей, Сашей. Вот начинаем разучивать новую песню. На второй минуте звучало грозно: «Петя, Маши, – вон отсюда!», потому что портили ему песню – слон на ухо наступил! Есть семейный миф, что отец наш несколько месяцев пел в знаменитом Кубанском хоре, но документально это не подтверждено. В семье никогда не матерились, вообще не помню, чтобы отец ругался, мы от него ни слова брани не слышали. Очень заботливый был, девочкам из города даже бельё привозил – мама покупками не занималась. Перед войной, в 39-м, родился Геннадий – твой папа, в 42-м – наша младшая сестра Ольга. Стоял наш хутор среди степи дикой, безбрежной, – ни деревца! Но как преображалась степь эта по весне! Каким удивительным цветением полыхала!

Средний их брат, дядя Саша, недавно умерший, как-то рассказывал: «Наяву такого и не бывает, наверное! Понимаешь, до горизонта – полыхают тюльпаны, маки, душистый горошек. И море их, океан – алые, синие, белые, жёлтые, голубые, фиолетовые, чёрные – дух от красоты захватывало!».

– Сейчас как вспоминаю это раздолье! – влюблённо вторит моему воспоминанию дядя Петя. Ты себе не можешь представить, что такое первозданная степь! Бескрайние поля цветов... А дичи! Идешь по степи, из-под ног вспархивают птицы... Невероятная красота, нетронутая человеком!

В весть о начавшейся войне, услышанную по радио ветеринаром конезавода и выдохнутую на ухо прибежавшей к нему в поле матерью, Петро, работавший учётиком, сначала и не поверил. Утешал: «Да успокойтесь, мама, всё будет в порядке!». Та расплакалась: «Ты не знаешь, сынок, что такое война!».

– Как уходил отец на фронт, помнишь?

– Конечно. Он получил повестку 9 июня 1942. Я провожал его. Ехали на станцию на подводе. Молчали. И он вдруг сказал, словно дал мне заповедь: «Петя, только не будь хулиганом!». Да, так и сказал: «Не будь хулиганом!». Я, когда уже городским судьёй был, часто на работе вспоминал эти слова, думал: вот увидел бы меня папа, гордился бы мной!

...Я искала Деда. Когда появились в Интернете данные о погибших в Великой Отечественной, я так его искала, просиживая ночи за компьютером! Мне казалось – вот ещё одно усилие – и я всё-всё узнаю. Я помнила, как, только 9 мая, всегда плакал мой отец, закрывшись в кухне, я очень хотела, чтобы они, наконец, встретились во времени и пространстве. Но в Архивах есть только уже известные семье сведения, – призван оттуда-то, пропал без вести тогда-то... И всё. Нет в архивах того, что Тимофей Иосифович – первоклассный спец элитного конезавода, отец семерых детей разного возраста, отказался от брони. Отказался в пользу сослуживца, у которого было четверо совсем маленьких. Нет данных, что пришла на него, следом за извещением о пропаже, и похоронка – погиб под Сталинградом. Нет воспоминаний односельчанина, якобы видевшего, как он был убит. Младшие дети до самого совершеннолетия получали за погибшего отца пенсию по утрате кормильца. Но вот могилы не нашли по сей день... Из семьи ушли на фронт трое: дочь Любовь, служившая связисткой в войсках ПВО, отец

Любовь Рудягина (сестра)

и сын. Дети вернулись. Отец – нет. Верный, любящий, весёлый и работающий, может быть, попросил он Господа пощадить своих детей, взял на себя их безвременные смерти.

Чувствовал ли Тимофей Иосифович, что навсегда обрываются его песни, что никогда не увидит он больше любимую Павку, детей своих, не увидит, как встали на ноги красивые сыновья и дочери, не увидит внуков, родные места? Что запомнилось ему на прощанье?

...Степь! Безбрежное небо, в облаках и орлах; посвист сусликов, трогательные инопланетные тушканчики, ледящий кровь вой степных волков зимой, зыбкое марево зноя, тоскливый неприкаянный бег курая – перекасти-поля по осени, и – воплощение воли, судьбы казачьей – лошади! Удивительные создания – краса и гордость, ветер в гривах, ощущение бесконечного простора и свободы! Что мо-

жет быть счастливее этого «кентавра» – мальчишки, летящего на коне по бескрайней степи?!

Петро на конезаводе объезжал мальчишкой жеребчиков, был горяч, физически крепок и дерзок. Потому, наверное, и не смог, проведив отца, усидеть дома.

Летом 42-го, окончив девятый класс, он работал помощником комбайнера в хозяйстве конезавода. Немцы уже вплотную приблизились, и в июле в недалёкой станице Курской из членов партии и комсомольцев был сформирован партизанский отряд «Червлёные Буруны». В августе, когда уже шла сплошная эвакуация, отряд пришел в хутор Дыдымкинский, начальником штаба стал директор конезавода – Ширинский Павел Степанович. Петру с огромным трудом удалось упросить взять его в отряд, первоочередной задачей которого было спасение этих вот элитных лошадей и племенного скота других передовых хозяйств от фашистов. Бойцы приняли присягу Родине, Петра определили во взвод, которым командовал директор Интернациональной МТС Курского района – Логвинов А.Ф.

Дядя и сейчас чётко помнит, словно вчера это было, как покидал родной дом. Как на серой своей ладной чистокровке подлетел к дому, как заплакала мать, как зашлось у самого сердце, – ведь оставлял он её одну с пятью детками, а Гена и Оля совсем еще малыши... Как наспех попрощался, вскочил на коня, а мама вдруг протянула ему снизу огромный арбуз. Вы пробовали скакать с арбузом?! Но обидеть не мог. Так в обнимку с ним, верхом, и догонял отряд.

...Кто из ныне живущих может представить, что такое эвакуация? Испытавшие это на себе – запомнили навеки! В небывалой июльской жаре, в непроглядной, взбитой тысячами ног, колёс и копыт, удушающей дорожной пыли, сплошной лавиной валили отступающие войска и разнокалиберная техника, машины с инвентарём и документацией советских учреждений, телеги и арбы, бесконеч-

ные беженцы с остатками домашнего скарба в узлах, чемоданах, торбах, – женщины, дети, старики, инвалиды, стада спасаемых от фашистского нашествия коров, овец, табуны лошадей... Крик, плач, ржание, мычание и бляенье, налетающие немецкие самолёты, и – невозможная жажда, когда приликаешь растрескавшимися губами к любому источнику воды... Сегодняшние изнеженные мальчишки падают в обморок на экзаменах по окончании девятого класса. А Петя Рудягин, едва окончив девятый класс, уводил от немчуры драгоценных лошадей – валюту родной страны – в глубокий тыл...

Люди конезавода. Пётр – крайний справа вверху.

Отец и мать – справа.

В центре – директор П. Ширинский.

Мост через Терек нужно было взорвать, и Петя, как знающий эти места, должен был показать подрывникам после взрыва брод. И рванули мост, и увидел он прорвавшихся, по-хозяйски уверенных немцев, и в горячке даже не понял, как ранили его, и, догнав отряд, ужасно ранением гордился. А на станции Червленной отряд расформировали, Пётр в качестве простого табунщика продолжал гнать табуны в сторону Азербайджана.

– У нас в конезаводе, помимо других, жили калмыки. Табуничики. Большие мастера своего дела. Буддизм исповедовали. Одного до сих пор помню – Джамбед Мудынкаев. Заботливо так за лошадьми смотрел. Суровый был, с большим достоинством человек: «Я сказал!» Жеребёночка попробуй поймай! А он – ррраз! Очень я уважал его!.. От Хасавюрта повернули к Дербенту, и через Кавказские горы вышли в Байрамлийский (Ширванский) район Азербайджана. Дошли туда где-то к октябрю. В Азербайджане пробыли месяца три... С ними я табунщиком настоящим стал, с ними не помер от истощения. Когда гнали табуны назад, выдавали нам паёк хлопковым жмыхом. Это такая гадость страшная, – не сравнить с подсолнечниковым, которого не было. А хлопковый табунщики размачивали в кумысе, и мы всё-таки ели. Ничего, зато живы остались.

После разгрома под Сталинградом немцы, чтобы не оказаться в окружении, начали поспешное отступление, и уже 3 января 1943 года Моздок был освобожден, Пётр вернулся на родной хутор. Тут подошло время призыва. В апреле 43-го Петра направили в 1-е Краснознаменное военное пехотное училище Орджоникидзе (Владикавказ). Учились по ускоренной программе и в ноябре 43-го ребята уже начали сдавать выпускные экзамены. Но младших лейтенантов получить не успели: однажды курсантов подняли по тревоге, присвоили звание сержанта и спешно отправили на передовую. Так Пётр со многими однокашниками попал под Киев, в 29-й стрелковый полк 38-й стрелковой дивизии.

– Что самое страшное на войне, дядя Петя?

– Да сама война! Это ж варварство и дикость, противная человеческой природе! Но когда сам в бой идешь, о страхе не думаешь, а вот последствия боя

страшны, особенно когда видишь, что случилось с твоими товарищами – покалеченными, убитыми, разорванными на куски снарядами... Но от этого только еще сильнее ненавидишь врага, с еще большим ожесточением воюешь. И всё-таки самое страшное, что я испытал на войне, да и за всю жизнь, это разведка боем.

Разведка боем, это когда необходимо выявить огневые точки противника, их боеспособность и ресурсы. Вот лежит поле. Через него завтра пройдет наступление наших. Командование не может действовать вслепую. Под вечер построили личный состав: «Есть такое задание... Коммунисты, вперед!». Бойцы молча выходят из строя. «Кто-то еще желает?» Вызвались добровольцы, шагнул вперед и Пётр. «Сам не знаю, почему. Шагнул!» Ближе к ночи, взяв большое количество патронов, вслед за танком и самоходкой, выступили. Красноармейцы продвигались вперед, яростно стреляя, чтобы вызвать фашистов на ответный огонь, но те долго не отзывались. И, если есть ад, – то он шквальным беспощадным огнём со всех сторон обрушился на смельчаков, когда отступить было уже невозможно и укрыться негде. В тот бой пошло тридцать добровольцев, в живых осталось всего трое, в том числе Пётр...

– Страшно было вдруг осознать, что я остался один – такая вдруг наступила тишина. Ночь, сильный мороз... Февраль. А страшной всего – к немцам попасть, ведь я понятия не имел, в какую сторону идти к своим, где они находятся. К тому же оказался безоружный: все патроны истратил во время разведки. Пошел наугад и, конечно, – нарвался! Словно прямо передо мной взвилась ракета, и напротив вдруг оказался немец, да как заорёт: «Рус!» и бросился бежать. Я растерялся и от неожиданности тоже закричал: «Фриц!» И тут же сообразил, что бежать нужно в противоположную сторону. А там!.. сплошные трупы – и наших, и фашистов... Выходил к своим фактически по мёртвым. Своих по хлястикам на шинелях узнавал...

За ту разведку боем наградили Петра Рудягина медалью «За боевые заслуги».

А тяжело ранило Петра уже под Корсунь-Шевченковским, куда бывших курсантов бросили добывать окруженную немецкую группировку. Там, под Уманью, у села Рубаный Мост, фашисты напрасно стремились прорвать кольцо окружения – наши стояли насмерть. После ожесточенных боев, ранним утром 5 марта 1944 года, началось преследование немцев.

– Мы бежали вперед по сырому пахотному полю. Бежать было очень трудно – снег ещё сошёл не везде, земля была жирная и вязкая. От едкого дыма и тумана стояла очень плохая видимость. В наших рядах свистели пули и рвались мины. Бойцы падали и сразу поднимались, в горячке боя не замечая ранений – те, кто мог встать, конечно. Многие больше не поднялись... А меня вдруг ударило в левый сапог, я почувствовал дикую боль. На бегу нагнулся, выхватил из подошвы осколок – ещё горячий, отивырнул и продолжаю бежать. Уже просматривалась окраина села, и тут сильнейший удар свалил меня на землю. От нечеловеческой боли я что-то кричал. Навсегда врезалось это жуткое мгновение. Я же сельский, не раз видел, как режут скотину, например, быков. У них из вены кровь вырывается с таким вот свистом... гляжу – у меня так же! Похожее шипение, а сквозь разорванную штанину на левой ноге струей бьёт, пенясь, кровь. Даже видны были разбитые кости колена...

Удивительна порой судьба! Сколько раз на этой войне Пётр был на волосок от смерти, а вот – дано было выжить. Крепко, видать, молилась мать о своих детях. Ангел-хранитель Петра принимал образ то паренька-ординарца командира

роты, крикнувшего истекавшему кровью солдатику: «Петя, Петя, прячься в окоп!» – обстрел-то продолжался; то лучшего друга Лёньки Дзюбы, нашедшего его в этом окопчике (ах, как весело они, три друга, распевали в училище «Дзюбо, братцы, Дзюбо, Дзюбо, братцы жить, с нашим Леонидом не приходится тужить!»*); то виртуозного хирурга-еврейки, колдовавшей над раненой ногой, не оттяпавшей её, развороченную, сгоряча, всё повторявшей почему-то немецкую поговорку

«Завтра, завтра, не сегодня – так лентяи говорят»; то внимательного пожилого санитаря, сгружавшего с состава умерших и заметившего, что тяжелораненный лопухий мальчишка всё-таки жив; то девушек-партизанок из Белоруссии, что ухаживали за ним, обессиленным тяжким ранением, в Барнаульском госпитале, да все подбадривали: «Петюня, держись!».

Оправившись после тяжелейшего ранения, получив справку «Годеен к нестроевой», он окончил краткосрочные курсы санитарных инструкторов и прошёл ещё пол-Европы. Был санинструктором в районе Тимишоары – в 31-й Отдельной Моторизированной Бригаде, которая входила в состав 6-й Танковой Армии. С боями прошел Венгрию, Австрию, Чехословакию.

– Ничего героического! Как все бежал вперед, стрелял, шел в наступление, а то и отступал... Пришлось и в окопах с немцами драться, и в штыковую ходить – чего только не пережил.

А Победу встретил в Вене. Но ликующим нескончаемым майским салютом, хмельной сиренью Победы война Петра Тимофеевича не закончилась.

Из Праги до Варшавы – на европейских, а затем на наших составах везли победителей через весь Советский Союз. Они и понятия не имели, куда едут. Надеялись – домой.

Составы разгрузили на монгольской станции Чойбалсан, а вскоре объявили: «Сегодня Советский Союз, верный своим обязательствам, данным союзникам, объявил войну империалистической Японии». Против японских войск создано три Фронта: два Дальневосточных, и наш Забайкальский, командовать которым назначен маршал Малиновский. «Урра-аа!» закричали только новобранцы. Вряд ли мы можем представить себе чувства фронтовиков – навоевавшихся, чудом уцелевших в кровавой мясорубке, победивших и – смертельно уставших людей! Но приказ – есть приказ.

Наутро распорядились всем хорошо запастись водой. А как ею «запасаться», если есть только фляга да котелок! Солдаты не знали, что находятся в восточной части знаменитой пустыни Гоби, что Монголию от Манчжурии отделяет горный кряж – Большой Хинганский Хребет, который им и предстояло преодолеть...

– Знаешь, весь мой боевой путь в Европе вполне сопоставим с тем, что довелось прочувствовать и пережить в этом переходе, хотя в нас почти и не стреляли, – задумчиво говорит дядя.

Дааа, «не стреляли»! Если только не считать падающих самолетов с камикадзе, если не принимать во внимание отравленные японцами колодцы, если не знать о вырезанной японскими лазутчиками роте и гибнущих от обезвоживания своих. От нестерпимой жары и жажды впереди вставали миражи, короткие привалы не давали отдыха, не было пищи, так как кухни пошли в обход гор.

Голодные, изнурённые в отсутствие сна, шли они горными тропами, чтобы неожиданно появиться в тылу противника. Жару сменил сильный холод, а затем – небывалый, невиданный никогда ими доселе – дождь... Не дождь – потоп, низвергающийся с небес.

– Сквозь сплошную стену воды еле слышно было как наши командиры то и дело кричали: «Всем держаться за канат, идем над обрывом!». Я всегда, знаешь, с благодарностью вспоминаю своих командиров. И какие же они были всё-таки молодцы, – себя не щадили, за нас не прятались, вообще непонятно, когда отдыхали, и вот, даже канаты эти предусмотрели. Но горы есть горы, и несколько раз всё-таки слышал я леденящие душу крики сорвавшихся в пропасть солдат...

А счастливая жизнь всё-таки выпала тебе, дядя! Что знают – не испытавшие подобного – о блаженстве, о наслаждении долгожданного привала под надёжной скалой, укrywшей измотанных людей от нещадного ливня? Что знают о восторге и радости, когда после почти недельного перехода – ты с товарищами, наконец, оказался на последней его вершине, в ослепительных солнечных лучах, словно в богатырских латах, а у подножья открылась обжитая долина, лаская взгляд буйной зеленью!

– От вида такой красоты мы закричали «Ура!» значительно более мощное, чем это требуется даже на самых ответственных парадах... Когда командующий Квантунской Армии Ямада узнал о том, что мы перешли Хинган, 10 августа 1945 Япония официально заявила о готовности принять условия капитуляции. И, знаешь ли, никогда бы китайцам не справиться с японцами, если бы не советские войска. И никакие американцы с их подлой бомбой ни при чём...

А я вот всё думаю, что же помогло народу, испытавшему в начале века такое горе неслыханное – немногим больше 20 лет прошло, как после Первой мировой войны и революции рухнула Российская Империя, как отгремела свирепая Гражданская война, – что помогло этому народу, после лютого голода, тифа, разрухи, репрессий – выстоять и победить?! Победить – и восстановить страну. Подумать только! Ведь сегодня уже больше времени прошло, как разрушили СССР, а у нас вот, да и в большинстве «независимых» республик – не построено ничего грандиозного, да что там «не построено!» – то, что было, разграблено. А тут – страшнейшего врага, сильнейшую в мире армию одолели!

– Дядя, что помогло выстоять нашему народу?

– Была подлинная дружба народов. Вот хотя бы в наших краях – там и русские, и армяне, и грузины, и чеченцы, и горские евреи, и татары, и таджики... Боже ты мой! Мы в Моздоке учились в старших классах – там такой котёл! – но мы искренне дружили! Вот и в годы войны. Патриотизм в нас был воспитан настоящий. А ещё, конечно, командование было великое. Люди без лидера в большинстве случаев – толпа, стадо. Я уверен, что без Сталина не смогли бы мы победить. На отрицательное и страшное, вскрытое XX съездом партии, я глаза не закрываю. Но и с его именем – в атаку ходили, да.

...Война аукалась всю жизнь. Ранением и горькой памятью о погибших любимых друзьях – Ване Аскольском и Павле Шульге, погибшем в Румынии незадолго до Победы... А ещё курьёзный случай, произошедший во времена партизанского похода Петра, самым неожиданным образом определил его судьбу в мирное время. Вернёмся в 1942 год, когда ... Пётр на серой

Школьники. Моздок, 1939-40. В центре, в белой рубашке – Пётр. С чёрными косами – сёстры Валя (сзади) и Люба (сидит)

чистокровке, с арбузом подмышкой, догнал свой партизанский отряд, стремительно уводивший племенных лошадей от фашистов в тыл. На ночлег остановились, только когда совсем стемнело. К верховой езде Петя был привычен с детства: подрабатывал на конезаводе джигитовкой жеребчиков. Но за сутки, проведённые в тяжёлом жёстком драгунском седле, паренёк разбил мягкие ткани седалища в кровь, каждый шаг доставлял острейшую боль, ноги переставлял с трудом. А наутро – снова выступать, и как он поскачет дальше, Пётр представлял с ужасом.

– И вдруг я увидел, что к тачанке командира отряда Ширинского сзади приторочено почти новое казачье седло – сказочно мягкое и очень удобное. Вот оно – мое спасение, – пронеслось в голове... Но попросить седло мне в голову не пришло, стыдно было признаться в своей ситуации. И я решил. Когда все уснули, поменял седла. Ехать в казачьем было комфортно, боль стала утихать.

А в канун расформирования, в расположение отряда, прибыл большой человек – Суслов. Он был в кожанке и кожаной фуражке со звездочкой, суровый. Через какое-то время послышались выкрики, ругань, всем приказали построиться.

– «Кто посмел украсть казачье седло с тачанки Ширинского? – закричал командир. – Седло было приготовлено для товарища Сулова!» Наступила мертвая тишина, а я чуть не грохнулся в обморок и все таранился на высокого гостя. Когда же командир закричал. «По законам военного времени за это полагается расстрел!», мне стало по-настоящему страшно. Я знал, командир – человек горячий. Никого он, конечно, ещё не расстрелял, но – время-то непредсказуемое.

Пётр всё-таки набрался духу, шагнул из строя и признался, что седла не крал, а просто поменял его на драгунское. По счастью, его не тронули, но седло потребовали вернуть...

Продолжение у этой истории было совершенно неожиданное.

Из армии Петра комиссовали по ранению весной 1946 года, и он вернулся на родной хутор. Мама с младшими братьями и сестрами бедствовали, нищета несказанная. Потеряв Тимошу, затосковала мать. Всё ходила на дорогу в степь

встречать мужа. Представьте – все, ушедшие на фронт, вернулись на хутор. Все! Один Тимоша не вернулся... Петро собирался найти работу на конезаводе. Однако на совете семьи твёрдо решили, что Пете надлежит учиться дальше. Ведь об этом мечтал отец! И Петя вернулся за школьную парту. Окончил 10-й класс в Моздокской 1-й школе, поступил в Одесский госуниверситет на юридический факультет. И вот там на 4-м курсе и произошло продолжение истории с седлом.

Четверо ребят, живущих в одной комнате в общежитии: Леня Краснов – бывший летчик, орденоседец, сам Пётр, Борис Липатов и Виктор Штурнев, – все после ранений, награждённые, – решили вступить в Коммунистическую партию Советского Союза. Кроме внутренней убеждённости, на их решение повлияли напутственные слова декана факультета Ивана Емельяновича Середы – любимца студентов, доброго, отзывчивого человека: «Ребята, вступайте в партию! Беспартийный судья, прокурор или следователь сейчас просто невысказаны». Но «приёмная комиссия», которая состояла из жутко важничающих сверстников, просидевших всю войну в эвакуации в Средней Азии, студентов-фронтовиков в партию принять отказалась. Ребята были «забракованы» «как не выполнявшие партийных поручений» – дикая формулировка по тем временам.

– Смириться с таким свинством я не мог, мучительно искал выхода из положения и вспомнил... о казачьем седле. Я знал, что Суслов Михаил Андреевич к тому времени стал могущественным человеком, членом Политбюро КПСС, и решил отправить ему письмо... Коротко написал о себе, что воевал не только на Западе, но и с Японией. Что пережил ужасы перехода через Большой Хинганский Хребет. Что Тунляу, Мукден и Харбин для меня не просто названия городов. Что инвалид войны. Потом описал попытку вступления в партию, и только под конец напомнил станцию Червленую и сворованное казачье седло...

Месяца через три, когда Пётр уже стал забывать о произошедшем, разразился громкий скандал. В Обком партии было вызвано руководство университета, 1-ый секретарь Кириченко гремел: «Как же вы допустили? Какие-то тыловые крысы, нет, даже крысята, не пускают фронтовиков в партию!». И на открытом партийном собрании все четверо были в партию единодушно приняты. Состав же парткома университета переизбрали.

«История с седлом» крепко выручила ещё раз.

– После окончания университета я по распределению попал в Молдавию, и здесь мне, единственному среди всех наших выпускников, министр юстиции МССР Ф.П. Албу сразу предложил работу народного судьи. Причем не где-то в провинции, а в самом центре Кишинёва, который восстанавливали после военных разрушений, – я помню, как отстраивали дома ближе к рынку. Судьи тогда избирались населением, и формально мое избрание зависело от воли избирателей, но министр уже назвал меня судьёй, потому что верил в 99,9 процента на выборах.

И вдруг перед самыми выборами, местный КГБ «посоветовал» не рекомендовать Петра Тимофеевича Рудягина на эту должность, якобы получив с места рождения данные, что отец его был белым офицером. Не помогло и представленное Петром свидетельство о рождении отца, появившегося на свет 3 мая 1903 года и никаким образом не способного успеть стать офицером к Гражданской.

– Так как прахом могла пойти вся моя будущая жизнь, я снова решил обратиться к Сулову. Описал новый поворот в судьбе, в конце напомнил про

партизанский отряд и подменённое седло. И, представь, буквально через две недели заместитель министра по кадрам Фокша встретил меня радостной улыбкой и даже обнял: «Поздравляю, в КГБ одумались и дали отмашку. Вчера от них приезжал человек, просмотрел молча твои документы и сказал всего одно слово – «рекомендуйте». В ноябре 1952 года меня избрали судьёй 1-го участка Ленинского района Кишинёва.

– Дядя, а скажи, как это – людей судить? Не страшно?

– Я старался вникать во все подробности дела. Мне интересен и важен был каждый человек. Формально к работе никогда не подходил, зря в заключение никого не отправил. Очень малое количество моих приговоров за 10 лет работы судьёй было опротестовано вышестоящими инстанциями. Это – очень серьёзный показатель в работе судьи. Что интересно, в то время народными заседателями у меня работали очень известные в будущем в Молдавии артисты – Нелли Каменева, Домника Дариенко, Полина Ботезат, Констанция Тырцэу. Вообще участок был хлопотный – самый центр города, рынок. Но я справлялся.

Своё первое дело в Кишинёве не забуду никогда. Первое дело – и какого характера! Приехал в город цирк-шапито. Ажиотаж такой, люди шли валом! Представление было только для взрослых. Некий Цивцивадзе пришёл с двумя детьми, такой торжественный, а его не пускают. А перед этим – он видел – только что внутрь зашёл человек с двумя своими детьми. Цивцивадзе не знал, что это большой чин – первый зам. председателя Совета министров МССР – Щёлоков. Ему объяснили. Горячий грузин возмущился: раз никому с детьми не положено – так никому! Пошёл с чёрного хода. Нашумел. Подрался с охраной. Его задержали и отдали под суд. Прокурор гремел и требовал лишения свободы. Инкриминировал «политику». А у Цивцивадзе – пять орденов боевых, настоящий герой! И двое детей. На нас страшно давили. Оправдать я не мог, но и не посадил. Дал условный срок. Это был у меня настоящий бой – послевоенный...

Позднее Петра Тимофеевича назначили председателем этого суда – старшим судьёй. Четыре раза переизбирали, а в 1967 году, когда было решено повысить качество подготовки служащих органов МВД, ЦК КП МССР направил его на работу в Кишиневскую Всесоюзную Школу милиции имени Дзержинского – начальником цикла юридических дисциплин.

– Наверное, я оставил о себе добрую память, раз меня до сих пор помнят и регулярно поздравляют в Академии полиции и наградили высшим знаком отличия МВД «За заслуги». Было приятно, что вручал мне его один из моих бывших учеников, тогда замминистра МВД, Д.И. Урсаки. Вообще, очень многие из бывших и нынешних руководителей нашего МВД и других подразделений – мои бывшие ученики. Включая президента Республики.

Пётр Тимофеевич Рудягин

Пётр Тимофеевич Рудягин – один из тех, кто стоял у основания юридической науки в Молдавии. Более 20 лет, с 1959 года, когда открылся Юридический факультет, преподавал он в Государственном университете Молдавской ССР.

* * *

«Огонь, вода и медные трубы» – всё было в этой судьбе, чуть ли не буквально. Поколению Петра Тимофеевича, да и ему самому выпали нечеловеческие испытания. Что держало, что спасало, что не позволило ему прятаться за чужими спинами, сломаться, повести себя недостойно? Мне кажется, строчка письма Пети с фронта, накрепко, на всю жизнь засевшая в памяти младших братьев и сестёр Петра Тимофеевича, отвечает на эти вопросы:

«Здравствуйте, дорогие Мама, Валя, Маша, Саша, Гена, Оля... какое счастье перечислять все ваши имена!..»

Апрель, 2015 г.

И стучится в души людям эта правда о войне...

МОЙ ДОРОГОЙ СОЛДАТ ПОБЕДЫ

Монолог дочери фронтовика

Миллионы жизней отданы за этот святой майский день. Его нынче, увы, видят по-разному. А для меня он – прежде всего трогательная, священная память об отце. И она, та великая победа, не киношно-книжная, не далёкая и призрачная, а очень даже конкретная, которую в огне добывал и родной мне человек. Собственной кровью приблизил конец войны комсомолец, сержант воинской части Советской Армии Борис Алексеевич СЛИВЕНКО. Полевая почта 92890, Первый Белорусский фронт.

Только что исполнилось 23. Он высок, широкоплеч, строен. Ему к лицу военная форма. Только удастся ли еще хоть раз увидеть родимый дом? Прописано ли выжить в сценарии судьбы?..

Бессарабцев юга Вулканештский военкомат призвал в первые дни октября 1944-го. Долго строем шли по пыльным просёлочным дорогам. На сердце тяжело и тревожно: что там, впереди? В Ростовской области наспех обучили военному делу. И – на фронт. Только тем, кто прошёл ад той кровавой войны, ведомо, что он значил – один день на передовой. Каждый рассвет или закат мог стать последним. А жить хотелось, как никогда, так невыносимо, так горячо, что дух захватывало.

И вот уже эшелон под обстрелом фашистских самолётов движется к фронту. Останавливается состав в Польше, в 60 километрах от Варшавы. По команде вышли из вагонов и направились в лес. Немецкая разведка не сомневалась: русские здесь готовятся к наступлению. Сюда стягивали войска, подвозили орудия, рыли окопы. Но то была лишь приманка для фашистов. Как только ступили сумерки, тихо, без шума, колонна за колонной двинулись в другую сторону. Марш – длиною в ночь, засыпали на ходу. Поближе к рассвету командиры стали торопить: «Скорее, братцы! Фашисты не должны разгадать наш план». На покинутые укрепления, где не осталось ни души, градом посыпались бомбы. А они ударили врага в спину, обошли с тыла. Утром 15 января 1945-го грянул бой, беспощадный и жаркий. Первый его бой. С кровью, болью, отчаянием. На поле том остались навсегда многие боевые товарищи... Висло-Одерская наступательная операция началась. Цель её была сформулирована высшим командованием чётко – создать условия для взятия Берлина. Бой тот не забудет он до последнего своего дыхания.

Сержант Сливенко

... Когда звучали по радио, с телеэкрана песни родом из войны или его любимая – «Журавли», когда я читала ему стихи Симонова, Твардовского, отец словно замирал. Возвращался мыслями в прошлое. Глаза его наполнялись печалью. Медленно, в мельчайших подробностях рассказывал маме, нам, детям, что выпало ему пережить. И мне, тогда романтической девочке, казалось, что это я с ним рядом, плечом к плечу, бесстрашно шагаю по дымящимся дорогам войны. И вместе с ним и его отделением иду в разведку. Вот привели «языка». Не зря старались, едва не поседели от страха и напряжения в ту долгую жуткую ночь. Ценным оказался «фрукт»! Только в живых из семерых осталось двое...

Не было в нашей семье праздника торжественнее и дороже, чем 9 Мая. Незменно – весенние цветы для нашего дорогого солдата Победы, щедро накрытый стол и, конечно, монолог о полях сражений, о личной, его войне, о ней не прочтешь в школьном учебнике. Я и сейчас слышу его взволнованный, порой срывающийся голос: «Наша армия наступала, громила, гнала врага. С тяжёлыми боями мы шли вперед, к победе. Форсировав Вислу, освободили Варшаву, Познань, Лодзь. До чего ж хороша польская столица! Как можно бомбить старинные дворцы?». И впрямь, какое кошунство – стрелять в Красоту. Кто, кому дал на это право?..

И постепенно, с годами папины воспоминания, словно стали моими.

... Вот дождь льёт как из ведра. Промокший до нитки взвод командир заводит отогреть в клуб на какой-то городской окраине. Уставшие солдаты сидят на полу. Кто-то пишет на коленях письмо, кто-то дремлет. Притихли, расслабились. И вдруг в тишине – музыка, грустная-грустная мелодия. Пианист, с виду совсем мальчик, разглядев в углу на сцене старый рояль, сбросил мокрую шинель и, словно в родник, опустил руки. Пальцы взметнулись над клавишами, как птицы. Дождь барабанит по стеклу, а он играет капель, весеннюю, звонкую. Музыка говорит с сердцем, утешает и бодрит. По утомлённым солдатским лицам ручейками бегут горячие слёзы. И никто не стыдится их...

Берлинская – крупнейшая военная операция Великой Отечественной – началась с переправы по понтонным мостам через Одер. Пули свистели, словно ураганный ливень хлестал реку. Стреляли с берега, с воздуха. Убитые и раненые шли на дно. Казалось, что рядом колышется не тёмная вода, а поток человеческой крови...

И так явственно вижу сейчас того мартовского зайчонка в прифронтовом лесу в час передышки между боями. Вот он пугливо выглядывает из солдатской ушанки. Бойцы улыбаются, глядят его по шёрстке, и для них этот тёплый комочек – олицетворение той, другой, мирной жизни, которую еще надо отстоять. Внезапный разрыв снаряда. Падает навзничь солдат, державший в руках шапку, а уши зайчонка – будто кто острой бритвой снёс... Эта отцовская маленькая деталь войны особенно врезалась в мою детскую память.

И еще одна знаковая подробность из истории семьи не дает покоя. Моя бабушка Дарья Митрофановна, провожая единственного любимого сына на фронт, вшила в широкую складку натальной рубашки крошечную иконку – Богородицу с младенцем. Отец был уверен: этот мамин талисман хранит его от гибели. На подступах к Берлину фашисты сбросили с самолёта по всему фронту листовки и плакат: нечесаный дикарь в дырявой шинели приближается к немецкой столице.

Глянули друг на друга: и впрямь небритые, в грязных гимнастёрках, вконец измотанные в боях. Командующий фронтом Георгий Жуков распорядился: развернуть палатки, отмыть солдат, переодеть в новое обмундирование. Отец сбросил рубашку с заветной иконкой, а её тут же подобрали вместе со старой шинелью санитары и унесли. Может, просто совпадение это, только, оставшись без небесной защиты, папа вскоре был тяжело ранен... Впрочем, рассказывал он, атеистов на войне не было. Даже командиры высокого ранга молились перед боем, прося у Всевышнего защиты и спасения в пекле пожарищ.

И вот апрель 1945-го. Окраины столицы Третьего рейха. Готовится небывалая артподготовка перед наступлением. А в придачу – ночная световая атака. На врага направили лучи множества мощных прожекторов, чтобы ослепить его. Пехота, поддержанная танками, атаковала противника. В этой смертельной заключительной битве с фашизмом именно Первый Белорусский фронт должен был нанести главный удар, стремительно прорвать хорошо подготовленную оборону гитлеровцев. Неизменно с восхищением рассказывал отец о полководческом таланте маршала Жукова. Штурм логова врага начался 26 апреля, горели земля и небо. Каждый дом был вражеской крепостью. Бои шли днём и ночью. За главный оплот нацизма пришлось заплатить слишком дорого. В Берлине и на его подступах погибли более 80 тысяч наших воинов.

И вот снова голос отца – живой, с плёнки диктофона, запись сделана мною 9 мая 1995 года. «Всеми силами продвигались к Рейхстагу. Мы с моим отделением отбили подвал, три этажа дома на центральной улице. И... Это случилось в воскресенье 27 апреля, в 4 часа дня. Пуля прошла через левое плечо, крепко повредив кость, ранена была и левая нога. Бойцы, перевязав мои раны, двинулись вперед, а я остался лежать на холодном цементном полу. Напряг все силы, попытался встать, чтобы бежать вперёд вместе с товарищами, но сильная боль пронзила всё тело и, потеряв сознание, упал, истекая кровью. Когда очнулся, увидел над собой лицо командира взвода старшего лейтенанта Волкова. Он радостно сообщил, что дом полностью освобождён от фашистов и помечен красным флажком. Перетянул жгутом руку, прострелил замок в одну из комнат, принёс перину, перетащил меня на неё и, вложив в правую руку автомат, сказал: «Держись, сержант Сливенко!». А я ответил: «Служу Советскому Союзу!» Как же мне было обидно, что вот он, последний бой, и до победы рукой подать, всего шаг, а я не могу помочь добить врага в его логове...»

В госпиталях Германии, Польши его простреленную руку оперировали четырежды: осколки раздробленной кости гноились и давали высокую температуру. Спасла руку папе испанка, хирург с карими строгими глазами и тяжелой чёрной косой, которую в госпитале называли помощницей Бога. Ей он всю жизнь был благодарен.

Победу сержант Сливенко встретил в военном госпитале польского города Калиш. Что творилось в тот день! Раненные поднимались на костылях, протягивали друг другу забинтованные руки. По лицам тех, кто не мог встать, катились слёзы радости. И все кричали: «Ура! Победа! Победа!».

После выздоровления оставался в действующей армии. Домой мой будущий отец вернулся только в декабре 1945-го. На груди его сияли медали – «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией». Позднее с гордостью носил он и торжественно врученную ему Медаль Жукова. Жил с

открытой душой. Много работал. На какой бы участок ни посылали, был первым, лучшим. Награждён многими почетными грамотами и знаком «Отличник советской торговли». Его уважали в селе и районе. А главное – порядочным человеком был он. Внимательным мужем, нежным отцом. Дом и колодец построил, нас, троих детей, с любовью вырастил. А уж сколько деревьев за целую жизнь посадил! Во всём помогал жене, учительнице. Никогда, как бы ни был голоден, не соглашался есть без неё. Всё делали вместе. Всё делили пополам – и радость, и печаль. Были они искренне преданы друг другу до последнего часа.

Маленькую родители брали меня с собой в кино в сельский клуб на вечерний сеанс. Набегавшись за день, я вмиг засыпала в темноте. После фильма отец нёс меня домой на руках. Это самое первое моё о нём воспоминание. Открываю глаза, а надо мной южное звёздное небо. Крепче прижимаюсь к папе. И весь мир мне кажется надёжным и добрым, как сильные и ласковые отцовские руки...

Война сделала своё черное дело, сократив его жизнь. Болел, к непогоде ныли его фронтовые раны. Встречая каждую круглую дату Победы, жалел, что всего квартал не дошёл до Рейхстага.

Ничего не может быть страшнее беспамьятства. Помню, как страдал отец, когда в начале 90-х какой-то сопливый отморозок крикнул ему в спину, будто выстрелил: «Лучше бы вы не воевали, мы бы сейчас жили припеваючи, как немцы!» Еле добрёл он в тот день до дома. Плакал горько, вспоминая поимённо своих погибших друзей. Они вместе, поливая кровью чужую землю, взяли Берлин, а теперь победу их оболгали?.. Нельзя позволить манкуртам стереть в сознании людей историческую память. Им, советским солдатам, выпало судьбой вынести главное горе Родины. Они победили самого страшного врага человечества. Подвиг их вечен, они герои – на все времена.

Папа ушёл навсегда весной 1999-го... Жизнь крепко любил и цветы, и своих маленьких внуков. На памятнике на его могиле – красная звёздочка, на розовом мраморе выведено: «Пусть больше нет меня на свете, огонь мой не погас...». Горит. Мой брат Алексей Борисович Сливенко, офицер, подполковник российской армии, похож на отца внешне и характером. И мой 35-летний сын, достойный деда, – тоже. Уже и внуки мои подрастают. Пришёл в гости трёхлетний Пашка, на рубашечке Георгиевская ленточка. Спрашиваю, что это за бант такой? А он громко, с гордостью: «Это значит – мой прадедушка врагов победил!». Комок подступил к горлу. Жаль, не дожил отец до светлой этой минуты. Мы, твои дети, внуки и правнуки, помним тебя, папочка. Поклон тебе за всё, за всё! Горько, что нет больше на этом свете и мамы. Светлые души их там, высоко, встретились, и они, как прежде, вместе, вдвоём...

...И опять весна. И снова май. И ласточки прилетели. И ландыши в мамином палисаднике расцвели... А Победе твоей, отец, – 70.

Корнелия СЛИВЕНКО

Casa mare

ГОСТЬ НОМЕРА

ЮННА МОРИЦ

В СВЯЩЕННОМ СМЫСЛЕ

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Да что вы знаете про нервную нагрузку?..
Противогаз. Воздушная тревога.
Бомбоубежище. Сосёт младенец блузку,
Нет молока, но в блузке есть немного.

Бинты кончаются. Кончаются носилки.
Наркоз для раненых – бутылки русской водки.
Особо ценятся окурки и обмылки,
А также ватники и толстые подмётки.

Мы отступаем, но за нами – Чувство Дома,
И страшной силой обладает это чувство,
Оно и есть военное искусство!
А без него – страна пылает, как солома.

Я в первом классе, шьём кисеты для махорки,
Они на фронте приближают час победный.
Победа курит, нет в её подкурке
Сейчасных надписей про табачок зловредный.

Победа курит, не давая спуску
Жестоким битвам дьявола и Бога.
Бомбоубежище. Сосёт младенец блузку,
Нет молока, но в блузке есть немного.

Мы победим, за нами – Чувство Дома,
И страшной силой обладает это чувство,
Оно и есть военное искусство!
А без него – страна пылает, как солома.
...Без Чувства Дома – нет Победы, есть убийство.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В развалинах мерцает огонек,
 Там кто-то жив, зажав огонь зубами.
 И нет войны, и мы идем из бани,
 И мир пригож, и путь мой так далек!..
 И пахнет от меня за три версты
 Живым куском хозяйственного мыла,
 И чистая над нами реет сила –
 Фланель чиста и волосы чисты!
 И я одета в чистый балахон,
 И рядом с чистой матерью ступаю,
 И на ходу почти что засыпаю,
 И звон трамвая серебрит мой сон.
 И серебрится банный узелок
 С тряпьем. И серебрится мирозданье.
 И нет войны, и мы идем из бани,
 Мне восемь лет, и путь мой так далек!..
 И мы в трамвай не сядем ни за что –
 Ведь после бани мы опять не вшивы!
 И мир пригож, и все на свете живы,
 И проживут теперь уж лет по сто!
 И путь мой так далёк,
 И бедным быть для жизни не опасно,
 И, господи, как страшно и прекрасно
 В развалинах мерцает огонек.

* * *

Я вас люблю, как любят всё, что мимо
 Промчалось, не убив, когда могло.
 Я вас люблю и вами я любима
 За то, что не убили, а могли,

Когда была я в поезде бомбима,
 Лицом упав на битое стекло,
 И чудом вышла из огня и дыма
 В пространство, где горели корабли,

Горели танки, самолёты, люди,
 Земля и небо, кровь лилась из глаз.
 Я вас люблю всей памятью о чуде,
 Которое спасло меня от вас.

Мой ангел в той войне был красным, красным,
 И пять мне было лет, а нынче сто.
 Я вас люблю так пламенно, так страстно,
 Как дай вам Бог не забывать – за что.

* * *

Не ходите, мальчики, по чужим костям,
Собственных костей не соберёте.
Призрак ваш свихнётся, собираясь по частям –
Ноги в поле, руки в море, голова в болоте!

Не гуляйте, мальчики, по чужой крови,
Собственная кровь приснится в кране.
Будет порча в доме, в теле порча, и в любви,
Жгучий холод, сучий голод, старость тараканья!

Не копайте золото из чумных могил,
Страшные кладовки отомстятся.
Вам прививки делали от других бацилл –
От желтухи, от краснухи – не от святотатства!

Да хранит вас, мальчики, воля высших сил,
Дьяволу души не поручайте,
Даже если в шутку он об этом попросил.
Меч разящий, свет слепящий – вот как отвечайте!

Не ходите, мальчики, по чужим костям,
Не гуляйте, мальчики, по чужой крови,
Не копайте золото из чумных могил,
Да хранит вас, мальчики, воля высших сил.

И НЕТУ ПРАВДЫ СРЕДНЕЙ

Переведи меня через майдан, –
В моём поётся русском переводе,
Где старый лирник, в некотором роде –
Слепой Гомер, а не бандитский клан.

Майдан Гомера – жизни океан,
Слепой Гомер его переплывает,
Он внутреннее зренье открывает
И видит жизни правду и обман.

Он видит правду жизни, но своей,
И он ослеп, чтоб этого не видеть,
Не узнавать, не люто ненавидеть,
Не быть левее жизни и правей.

Переведи меня через майдан, –
Любого просит слепота Гомера,
Чьё внутреннее зренье – это вера,
Что за майданом есть высокий план,

Что поле там без края и конца,
 Без тесноты на площади базарной.
 За тишиной глубокой, лучезарной
 Душа идёт, душа ведёт певца.

Но поля не было, где кончился майдан, –
 И в этом соль и суть строки последней!..
 Есть правда высшая и нету правды средней.
 А поле вечности – заоблачный туман.

ЭТО КАСАЕТСЯ ВСЕХ

То, что случилось в Одессе, касается ВСЕХ !
 То, что случилось в Одессе, Чудовищный ГРЕХ!
 То, что случилось в Одессе, фашизма разврат,
 Морда фашизма, фашизма пылающий ад.

То, что случилось в Одессе, не битва идей,
 Это – Освенцим, где звери сжигают людей,
 Это – фашистам Права Человека даны,
 Это Права Человека – войскам сатаны!

То, что случилось в Одессе, касается ВСЕХ!
 То, что случилось в Одессе, фашизма успех,
 Это – фашизма концерт и фашизма гастроль,
 Хохот фашизма, который – свободы король!

Это – свобода, в которую запад влюблён,
 Запад, состряпавший этой свободы бульон.
 То, что случилось в Одессе, фашистская месть,
 Месть людоедов!.. Россию фашистам не съесть!

То, что случилось в Одессе, касается ВСЕХ!
 В западной прессе – вранья русофобского цех:
 Это – фашистам Права Человека даны,
 Это Права Человека – войскам сатаны.

То, что случилось в Одессе, не битва идей,
 Это – Освенцим, где звери сжигают людей.
 Морда фашизма, фашизма пылающий ад –
 Это касается ВСЕХ, и ни шагу назад!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Русофобия – опыт фашистов,
Как еврейский, цыганский вопрос.
И ответ у фашистов неистов –
Превращенье народа в отброс!

А к России вражду разжигая,
Сея ненависть к нашей стране,
Русофобия – вещь дорогая! –
Равноценна фашизму втройне.

Эту цену фашисты платили,
Когда множество стран – на одну
Натравили и зверски сплотили,
На мою нападая страну.

Что им так не сиделось в Европе?
И с какого они бодуна,
Всё имея, скопились в окопе,
В той стране, что огромно бедна?

Из Европы, где всё у них было,
Гнал их ветер фашистских идей,
И варили фашистское мыло
Легитимно они из людей.

Этот бизнес зовут геноцидом,
Он подсуден!.. Но жив русофоб, –
Всем известную тайну я выдам:
Он копает фашистский окоп!

Русофобия – бизнес фашистский,
С людоедством он только сравним,
Никакой тут ошибки, описки, –
Я точна, как Победа над ним!

* * *

Когда я слышу, что на той войне
Нам лучше было сдаться той стране,
Чьи граждане богаче нас намного,

Я благодарна, что по воле Бога
Тогда не ваши были времена,
Была не вашей та страна и та война.

Теперь – всё ваше. На своей войне
Свою страну сдавайте той стране,
Чьи граждане богаче вас namного.

Я благодарна, что по воле Бога
Ни глазом, ни наощупь не видна
Моя страна и в ней моя дорога,

Моя дорога и моя страна,
Чьи граждане в любые времена
Свободней всех, богаче всех – namного.

* * *

Стоять столбом, как свет,
Чтоб нас никто не сузил.
Стоять столбом, как свет,
Связующий в одно,
Стоять столбом, как свет,
Связуя высь и дно, –
Как почта и окно,
Где высшей связи узел.

Стоять столбом, как свет, –
Чтоб не сломать хребет,
Не впасть от страха в бред,
Не превратиться в зомби.
Стоять столбом, как свет,
Когда и света нет!
Столбом и в небо – лбом!..
Сто неб и в катакомбе.

Стоять столбом, как свет, –
Не как в хрустальной вазе,

Стоять столбом, как свет,
Где грязи – аж темно!..
Стоять столбом, как свет,
И знать, что всё равно
Работает окно,
Где узел высшей связи.

Стоять столбом, как свет,
Не образно повисший,
Где выставочный свет –
Художество одно.
Стоять столбом, как свет,
Питающий зерно,
Того зерна окно,
Где узел связи высшей.

В СВЯЩЕННОМ СМЫСЛЕ

Священный праздник – День Победы,
Священный он – как Рождество,
Как Светлой Пасхи торжество,
Священной силы волшебство
В священном смысле – День Победы!
А ненавистники его
От бешенства впадают в бреды!

Пускай трясёт их злобы дрожь,
Но это – правда, а не ложь:
Победы День – священный праздник,

Священный он – как Рождество,
 Как Светлой Пасхи торжество!
 А ненавистников его
 Пускай наш День Победы дразнит!

В священном смысле слышать дико,
 Что не приедет чья-то клика
 На Пасху к нам, на Рождество
 И на Священный День Победы!
 Кому нужны галстукоеды,
 Когда священно торжество?

Священны жертвы и молитвы,
 Священный дух священной битвы,
 Народной силы естество, –
 Победы День – святая дата,
 Священный День – как Рождество,
 Как Светлой Пасхи торжество,
 И “смертью смерть поправ” – цитата
 В священном смысле у него!

* * *

Дышать любовью, пить её, как воздух,
 Который с нашей кончится судьбой,
 Дышать, как тайной дышит небо в звёздах,
 Листва, трава... как я дышу тобой.

Как дышит шар, где ангелы и птицы
 Летают над планетой голубой, –
 Дышать любовью – развоплотиться
 В том воздухе... Как я дышу тобой.

Как дышат мгла и мглупости поэтства,
 Поющего дыхательной трубой, –
 Дышать любовью, фейской речью детства
 В том воздухе... Как я дышу тобой.

Как дышит снег, в окно моё летящий
 На белый лист, вослед карандашу, –
 Дышать любовью – глубже, глубже, чаще,
 До самых слёз... как я тобой дышу.

«НЕ ОТРЕКАЮТСЯ ЛЮБЯ...»

К 60-летию Мастера искусств РМ, Лауреата премии имени Сергея Есенина, актрисы Русского театра им. А.П.Чехова Альбины САМАРЦЕВОЙ

*«Можно всё расточить и растратить,
Но любви не отнять у души...»*
(Из старинного романа)

Когда-то при показе в московский театр Ленинского комсомола молодой, никому не известной актрисы из Ленинграда, пробовавшейся сразу на главную роль, худрук театра Марк Захаров вынес такой вердикт: нервная – должна быть хорошей актрисой. Прогноз оправдался: она стала известной, и по сей день служит в «Ленкоме». Аналогичным критерием, вероятно, руководствовался худсовет Русского театра имени А.П. Чехова в Кишинёве, когда на его суд предстала молоденькая артистка из Иркутска Альбина Самарцева. Её нервность была очевидна, а какими еще достоинствами обладает претендентка на амплуа классической «инженю», чтобы занять собственное место в труппе и наилучшим образом раскрыться, можно было только предполагать. Дабы выявить потенциальные возможности начинающей артистки (а не только из «производственной необходимости»), её стали сразу же активно занимать в новых постановках.

Театральная жизнь Кишинева захватила юную Альбину своей яркостью, разнообразием, своим динамичным темпо-ритмом, который не отпускает ее вот уже 40 лет. Забегая вперед, миновав хронологический порядок биографических подробностей, хочется привести слова старейшего актера чеховского, корифея театра, Мастера искусств Молдовы Михаила Геженко о нашей юбилярше: «Пришла девчушка, робкая, боялась, идя по коридору, кого-нибудь задеть плечом, а выросла в такую неповторимую актрису! Ей природа дала какой-то специфический духовный тон. Она абсолютно оригинальная индивидуальность: ни на кого не похожа своей манерой, простотой, искренностью, не умеет притворяться на сцене. Начинает произносить текст автора – и она уже другой человек. Как партнер

– играет на тебя, не перекрывает партнера; отвлекать внимание на себя – у нее этого даже в голове нет».

Альбина Самарцева – человек счастливой творческой судьбы. Она рано определилась с выбором профессии. Казалось бы, откуда у девочки из далекого якутского села из многодетной семьи председателя колхоза и учительницы младших классов такая тяга к сцене, перевоплощению? Но какая-то внутренняя устремленность привела ее сначала в школьную самодеятельность, а затем – в Иркутское театральное училище. Так же интуитивно она выбрала при всесоюзном распределении молодых специалистов неведомый ей южный город Кишинев. Однако именно здесь осуществилась её мечта о приобретении и воплощении актерского ремесла. Да, ремесла, ибо для достижения профессиональных высот одного дарования, а также благих намерений и неясных порывов недостаточно. Альбина это своевременно усвоила и постигала таинственное актерское дело шаг за шагом, выходя на подмостки рядом с большими прославленными артистами. А учиться было у кого: Нина Масальская, Юрий Соколов, Ливия Шутова, Паулина Конопчук, Виктор Бурхарт, Марта Бабкина, Виталий Левинзон, Виктор Измайлов, Нелли Каменева, Лариса Хромова – все яркие личности и неповторимые мастера. Их игра завораживала, вызывала слезы восторга, хотелось когда-нибудь приблизиться к их уровню. Она горела желанием работать, безропотно выходила в массовках со студийцами (при театре в те годы была театральная студия), взахлёб играла роли крошечные и большие.

Поначалу это были ее ровесницы и современницы: хрупкие полуженщины-полуподростки, бескомпромиссные и безрассудные – такие, как отчаянная правдолюбка Зинуля в одноименной пьесе А. Гельмана, или откровенно прагматичные, как Софи Куффиссель, изящная и избалованная дочь миллионера из популярной французской комедии Савожона «Чао!». Любопытно, что всех её героинь из разных эпох, социальных слоев и этнической принадлежности объединяло непереносимое наличие внутреннего стержня, стойкое желание не смиряться с обстоятельствами и всегда добиваться своего.

Позднее в репертуаре Самарцевой появились «женщины с биографией». Эту галерею непохожих сценических образов открывает скромная по объему – у нее всего один монолог, – но исполненная подлинного трагизма роль Сани в военной драме М. Рощина «Эшелон». Актриса так проживала судьбу своей героини, у нее были такие выразительные, берущие за душу зоны молчания, что один известный критик признавался в рецензии на этот спектакль, что трагические глаза Самарцевой не давали ему спать, бередили чувства своим немым укором. Затем зрителей покорила еврейская девушка Хава, отчаянно идущая наперекор воле отца ради любви к русскому парню Федору («Поминальная молитва» Г. Горина). Позднее мы сопереживали экзальтированной клоунессе Шарлотте, лишенной родины и теплых человеческих привязанностей, прячущей свою душевную боль за

наивными фокусами и громкими словами. В этой роли Самарцеву и сегодня можно увидеть в спектакле «Вишневый сад» А.П. Чехова. Противоположны по своим жизненным установкам, темпераменту, моральным принципам провинциальная артистка Аркадина в «Чайке», готовая любой ценой удержать любимого мужчину, даже вопреки его воле и здравому смыслу; и наша современница, скромная москвичка Татьяна, без остатка отдающая себя заботам о престарелой матери, стараясь максимально продлить ее дни, пускаясь даже на нелепую и наивную аферу в мелодраме «Я очень люблю тебя, мама!». Кстати сказать, драматург Надежда Птушкина, побывав на спектакле кишиневцев во время их гастролей в Москве, заметила, что Татьяна в исполнении Самарцевой ближе и точнее в средствах выражения к авторскому замыслу, чем знаменитая Ирина Купченко в экранизации её пьесы.

Особое место в послужном списке актрисы занимают характерные роли, начиная с ярких и неожиданных сказочных персонажей – от Мамки Кащей Бессмертного до Птицы Феникс, и продолжая сатирически выписанными образами в пьесах А. Островского и М.Старицкого. Ее Липочка в «Банкроте» и Проня Прокопьевна в комедии «За двумя зайцами» в чем-то похожи: недалекие и алчные, покупающие женихов за отцовские деньги, и одинаково неблагодарные, даже жестокие по отношению к собственным родителям. Сюжетно эти пьесы перекликаются, но своих героинь актриса рисует все же неодинаковыми красками, она идет от общего замысла постановщика – ей всегда были интересны разные режиссерские почерки, различная стилистика.

А такие пронзительные образы, как Соня в «Дяде Ване» Чехова, и Офелия в интеллектуальной драме «Убийство Гонзаго» Н. Йорданова были профессиональными подступами к художественной высоте, которую еще предстояло взять. За каждым из этих разноликих и разнохарактерных образов – неповторимая судьба, целая жизнь.

Что касается характера самой Альбины Михайловны, то он отчетливо проявился не только в самостоятельном выборе актерского призвания, но и в том, чтобы достойно осуществить свое женское предназначение, дважды став мамой. Общеизвестно, что в актерской среде, ориентированной в первую очередь на карьеру, на такое редко кто отваживается: актрисы не желают рисковать физической формой и надолго уходить с отвоєванных ими или вполне заслуженных ролей. А она не побоялась. При этом никому не перепоручала воспитание своих девочек. Они всегда были с ней: водила на репетиции и спектакли, брала с собой на гастролы; вникая во все их детские проблемы, знала все их секреты. Они связаны и по сей день не только кровно, но и душевно. Для взрослых дочерей мама – непрекращаемый авторитет. А старшая внучка, живя с родителями на другом континенте, по примеру бабушки грезит сценой.

Вообще, в самоидентичности Самарцевой, в ощущении себя частью какого-то дружного и важного целого, в чувстве защищенности, очень важное место занимает её родословная, то, что называется корни. Я не встречала человека, в сознании которого ушедшие и живые составляли бы столь монолитную духовную субстанцию. Они для нее одинаково ценны. От них у нее – внутренняя сила, способность быстро восстанавливаться, прочные нравственные ориентиры. Она много знает о своих предках, гордится родителями, которых уже давно нет (портрет любимой матери сопровождает все её спектакли, встречая в гримёрке,

являясь дорогим её сердцу талисманом). Она постоянно беспокоится о здоровье братьев, интересуется их делами. У неё, как ни странно, на всё хватает сил и времени (где она их только берет?): и роль выучить, и младшей дочери помочь ухаживать за новорождённой внучкой, и собаку выгулять, и в благотворительном концерте выступить, и одиноких стариков навестить. С годами она не стала солидной, уравновешенной, приземленной. Такая же порывистая, летящая, готовая к активному действию, заряженная на добро. Иногда на зрительскую аудиторию она выходит и так: «Извините, я опоздала, я прямо из больницы...». Что это: повышенная ответственность, немодная в наше время обязательность или просто-напросто место, среда, где люди собираются во имя высокого и прекрасного – ее воздух? Она не может без этого жить. Именно ради этих встреч со зрителями, ради великой русской поэзии (в её личном багаже Сергей Есенин и Игорь Северянин, Марина Цветаева и Анна Ахматова, Роберт Рождественский и Юлия Друнина) она готова ехать куда угодно, выходить на любую площадку, будучи порой нездоровой. Даже на отдыхе в санатории она непременно найдет возможность выйти к зрителям со своим сценическим монологом, построенном на стихах и прозе любимых авторов.

Сейчас, когда большинством наших сограждан овладела «охота к перемене мест», ее совершенно невозможно представить вне родной языковой среды, в какой-нибудь благополучной Канаде или экзотической Австралии. Ей нужен тонкий понимающий слушатель, необходим собеседник, а не просто «387-й друг» по электронной переписке. Ей требуется адекватная реакция на слово, эмоцию; глаза умного и чуткого зрителя. Иначе просто не произойдет того, ради чего она столько лет выходит на сцену... Семейные ценности и верность профессии – две составляющие ее человеческой натуры, которым она никогда не изменяла, как бы жизнь не испытывала на прочность, как бы порой ни была. Такая любовь, жертвенная материнская, и всепоглощающая – к сцене, если она даётся человеку и является главным талантом, перед ним любой другой меркнет. И им же любой другой наполняется и озаряется – им движется! Вот почему роль Памелы Кронки («Дорогая Памела» Джона Патрика), вобравшая в себя весь житейский и сценический опыт А. Самарцевой, стала знаковой. Возможно, наше общество было бы гармоничнее и счастливее, если бы мы меньше призывали к милосердию и состраданию, а больше их проявляли, как это делает по отношению к ближним, то есть тем, кто волею судьбы оказался рядом, трогательная и такая жизнестойкая «старушка» Памела (второе название пьесы «Не пришить ли нам старушку?»). В Памеле Самарцевой такая концентрация любви, самоотверженности, смирения и всепрощения, что это больше, чем удачная роль. Это художественное событие. Если приводить литературные аналогии, то родная сестра Памелы – Матрёна из гениального рассказа А. Солженицына «Матренин двор» – существо такой же беспредельной доброты, отзывчивости и безответности на зло. Обе они стараются любить ближнего из последних сил. Находясь на самом дне жизни, в беспросветной нужде и абсолютном одиночестве, героиня Самарцевой не утратила детской способности верить людям, творить добро и быть благодарной Создателю за все. Феномен Памелы заключается в том, что сострадая всем сердцем и восхищаясь внутренней красотой и благородством героини, мы ощущаем в то же время, что между ней, почти святой, и нами, грешными, нет пропасти, нет той непреодолимой дистанции, которая отделяет обычных людей от Божьих избранных. Ка-

жется, что жить так совсем не трудно. Воздействие, оказываемое на зрителей характером героини Джона Патрика, сродни духовному наставлению преподобного Серафима Саровского: «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух, и тогда тысяча душ спасутся около тебя!».

Друзья и коллеги Альбины Михайловны знают, что в случае форс-мажорных обстоятельств смогут рассчитывать на ее помощь. Сама много выстрадавшая в жизни, она не остается безучастной к чужому горю. Сердечность и внимание к людям, которые она транслирует миру, к ней и возвращаются: ведь добро ходит по кругу. Поэтому ее не пугает возраст, она не паникует и не стремится к искусственному омоложению. Сохранив стройность, женское обаяние, невероятную внутреннюю подвижность, неистребимую потребность в импровизации и молодое озорство, она ещё очень многое может в профессии. Она готова меняться, осваивать неожиданное и непривычное вместе с коллегами (ведь она прекрасно умеет работать в ансамбле), искать новые формы, способы выражения сценической мысли. Идя за талантливым режиссером на самый смелый эксперимент, она не будет спорить, отстаивая свое виденье образа, а просто максимально точно выполнит его требования. Если режиссер заблуждается, он сам увидит со стороны свою неправоту и, благодаря актерской способности Альбины Михайловны точно фиксировать рисунок роли, найдёт верное решение сцены. Она готова с головой уйти в неординарный художественный поиск, довериться интуиции молодого, не очень опытного режиссера. А ведь все это – несомненные свидетельства ее молодости, которая заключается не в отсутствии морщинок, а в жизненной энергии, азарте постигать новое, желании удивлять и удивляться, с радостью отдавать накопленное и наработанное. Ну а секреты мастерства – они же в честной, искренне проживаемой жизни. По словам мудрой народной артистки Молдовы М.И. Бабкиной: «Самарцева приобрела какую-то силу профессиональную. Она всё может, если ей сказать, что от неё требуется. Умеет выполнить режиссерскую задачу, мгновенно подхватить посыл. И ещё у нее есть редкое человеческое качество – уважение к старшим. Она, придя в театр восторженной девочкой, трепетно улавливающей каждое слово, жест, интонацию мастера, осталась человеком, почитающим тех, кто её чему-то научил, хотя уже давно сама способна передавать эстафету мастерства молодым». Может быть, в этом разгадка ее неуывающей молодости. Ведь не нами сказано: «Чти отца своего и мать свою и долговечен будешь на земле». В том числе – и в творчестве, – добавим мы скромно, чтобы поставить точку и завершить наш рассказ.

Валентина СКЛЯРОВА

Валентина СКЛЯРОВА родилась в 1949 году в Калининграде. Окончила филологический факультет Кишинёвского государственного университета. С 1991 года – заведующая литературной частью Государственного русского драматического театра им. А.П.Чехова. В республиканской прессе опубликовано более двухсот её статей, портретов артистов и рецензий на спектакли. Постоянный автор журнала «Русское поле».

БЛОКАДНАЯ ИСПОВЕДЬ

Как хочется верить в здравый смысл! В то, что самые изощрённые теперешние попытки неофашистов героизировать нацизм, обречены на провал. Ведь ещё живы участники и свидетели той вселенской трагедии, выпавшей на долю отцов, дедов, матерей пылающих 40-х прошлого столетия. А в какие нечеловеческие муки попало детство, опаленное той страшной войной. О страданиях осаждённого фашистами города на Неве, о героизме и мужестве ленинградцев старшее поколение знает, помнит. А вот молодые – вряд ли...

При Кишинёвском городском совете ветеранов много лет существует Секция блокадников. Когда-то их было несколько сотен. Сегодня осталось 37 больных пожилых женщин и мужчин, бывшие ленинградские дети.

На их маленькие сердца обрушилось тогда столько безмерного горя, что и не каждый взрослый с ним справился бы. А они выстояли.

Главное – успеть услышать их живые голоса. В этих откровенных воспоминаниях двух женщин, наших соотечественниц, – боль правды, всей правды, какой бы горькой она ни была. Впрочем, мы не намерены никаким образом редактировать или комментировать эти сокровенные монологи. Без всяких купюр они сами по себе – документ эпохи, свидетельство великой любви к жизни.

Тамара Григорьевна АБРАМЕНКО.

Коренная ленинградка. Окончила педагогический институт им. Герцена. После войны работала в системе образования в родном городе.

В 60-е переехала в Молдову. Здесь она – заведующая методическим кабинетом Института совершенствования и повышения квалификации педагогических кадров. Много лет – опытный методист РОНО.

Охотно занималась лекторской деятельностью. Сегодня Тамаре Григорьевне 84 года, но душа её жива и переполнена светом.

Блокадная страница детства болит в её беспокойной памяти...

– Я помню, как 5 ноября 1941 года ушёл на фронт папа. Он попал на тот самый горячий Невский пятачок. Успел прислать нам три открытки. И всё. Позже мы узнали, что он был ранен, госпиталь эвакуировали. Состав фашисты постоянно бомбили... Отец пропал без вести.

Открытка, присланная отцом с фронта

Мама и мы, трое детей, остались в Ленинграде. Мне, старшей, 11 лет, сестрёнке – пять, младшему – два года. Когда папа прощался с нами, он сказал маме: «Из города не уезжайте. Ленинград фашистам не сдадим!».

Мы жили в самом центре, на улице Гоголя, 4/1. Это рядом с Невским проспектом. Мы все четверо выжили, считаю, благодаря мудрости мамы. Как-то она нам сказала: «Некоторые мамы не едят, все крохи оставляют детям. А я буду есть, потому что если я умру, вы уйдёте за мной следом, а если выживу, спасу и вас». Когда в городе началась блокада, в магазинах сразу ничего не стало. Мама побежала, чтобы хоть чем-то из продуктов запастись, а на полках был только зелёный кофе в зёрнах. Она его купила, не знаю сколько, но именно этот кофе нас и спас. Что делала мама? Она перемальвала эти крупные зёрна.

В доме оставалось немного яичного порошка. Она смешивала молотый кофе с ним и делала маленькие лепешки. Каждое утро она их лепила. На талон № 3 можно было получить какие-то жалкие граммы чего-то, похожего на хлеб. Мама ходила за этими талонами и очень берегла их.

Просыпались мы в 11 утра. Каждому мама давала маленький кусочек хлеба и, наверное, кофе. Помню, как я читаю книжку, а рядом будильник. Смотрю на стрелки. Вот уже 15 минут прошло, 20-ть. Я ждала, когда же будет час. Тогда нам мама каждому давала эту самую лепешечку. В три часа дня – дрожжевой суп или просто кипяток. И укладывала нас спать.

Так было жутко холодно, что на ночь мы снимали только валенки. Мама, как многие, заказала «буржуйку», такие дореволюционные печки сохранились в городе. У нас было две комнаты. Одну закрыли, чтобы туда не уходило тепло. Чтобы плакали мы от голода, такого не помню. Наверное, когда начинается дистрофия, все чувства притупляются. Один раз прилетел самолёт и сбросил в город шоколадки. Маме выдали три, поскольку трое детей. Она носила их завернутыми на груди у себя. В октябре, это уже со слов мамы, я первой начала умирать. Она тайком от других детей скормила мне три крайние клеточки. Тогда мне впервые пришла в голову мысль: неужели мы все вместе с мамой умрём? Но я подумала об этом как-то равнодушно, точно так же, как: мама принесет нам на троих полную чашку кофе или только половинку? Не помню, чтобы я очень бомбёжки боялась. Либо мы к ним привыкли, либо причиной была та же дистрофия. Все трое мы были ужасно, невероятно худые.

Я всё время читала Гоголя, толстая такая была книга основных его произведений. Книг в доме было много, но я почему-то читала Гоголя.

Радио у нас было включено всегда. Метроном тикал. Когда он умолкал, объявляли тревогу. И надо было быстро спускаться в бомбоубежище. Помню стихи

Ольги Бергольц. Мы ее очень любили и сразу узнавали её голос. Метроном свидетельствовал о том, что город жив.

В нашем семейном архиве сохранился мой билет на ёлку. Представьте, в промёрзшем голодном городе детям решили устроить праздник. Я была, но ничего не помню, кроме обеда – суп, пюре с котлетой и компот или кисель. Ни артистов, ни как была наряжена ёлка, не сохранила моя детская память. Главным подарком в ту зиму

для всех нас была еда. Меня укоряла тогда мысль: вот я поела, а братик с сестрёнкой – нет. Они были маленькими, билет прислали только для меня одной.

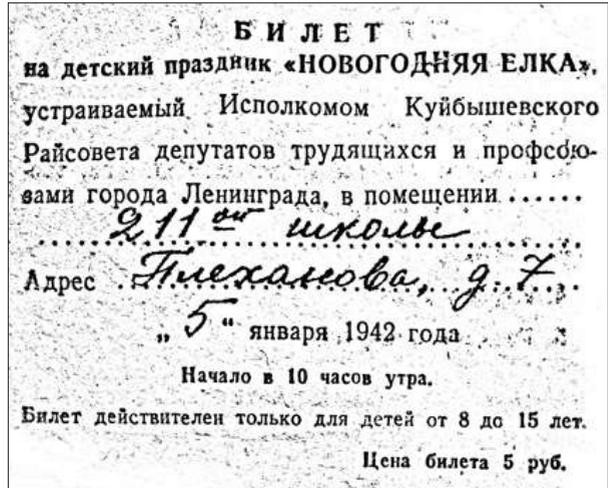
Водопровод не работал, света не было. Мама ходила на Неву за водой. Жили мы на пятом этаже. Наша квартира была не с парадного входа, а с чёрной лестницы. Все, кто нёс домой воду, падали от бессилия и воду разливали. Суровая стояла зима, лестница была залита льдом, карабкаться по ней ослабевшим людям было небезопасно. Мы берегли воду только для питья и даже не умывались, уже не говоря о мытье, тем более что было дико холодно. Совсем не раздевались. Я в первый раз вымылась уже в эвакуации.

Однажды спустились мы с лестницы, а перебежать в бомбоубежище не успели. И ещё одна семья с детьми спускалась. Там был мальчик лет 14-ти. Вдруг упала бомба, прямо в угол нашего большого дома. Всё зазвенело, посыпалась штукатурка. И этот мальчик закрыл меня собой, наклонился надо мной, чтобы защитить, если сверху будет что-то тяжелое падать... После войны я пыталась найти этого смелого парнишку, который поступил по-мужски в трудную минуту, но мне это, к сожалению, не удалось.

В какой-то день 12 раз объявлялась воздушная тревога. Не успеешь подняться, опять сигнал! Мама сказала: «Переходим жить в подвал». Под домом было бомбоубежище, стояли кровати. Многие оттуда не выходили. Мы взяли с собой хороший тёплый плед. И кто-то у нас его украл...

Мы, ленинградские дети, многое знали: могли определить, где упала бомба, какой тональности, какие стреляли пушки.

Однажды запоздал сигнал тревоги. А мама только разлила нам по тарелочкам дрожжевой суп. Надо спускаться вниз, а это было так тяжело! И ступеньки заледенелые... Так мы и бежать никуда не стали. Поесть было важнее, чем прятаться от бомб. К слову, ученые ленинградского НИИ изобрели какие-то особые дрожжи, которые можно было есть, и они поддерживали пищеварительную систему. Они как-то растили эти съедобные грибки. Я потом, позже, уже взрослой, об этом читала. Я ходила, куда мне показала мама, на улицу Желябова, с бидончиком и мне наливали немножко этого супа. Ходила я, потому что у мамы уже больше не было сил. Однажды, когда я шла со своим бидончиком, увидела женщину в пальто с большим меховым воротником. Лица её я не запомнила, только этот во-

ротник. Она мне сказала что-то плохое, очень обидное о моей хромоте. Я, видно, сильно ушибла ногу и прихрамывала. Я заплакала. А когда вышла с супом, увидела, что она лежит убитая. У нее не было ноги. Я у кого-то спросила: «Ногу оторвало снарядом?» А мне ответили: «Наверное, отрезали на котлеты». Вот такой был мистический случай. Одна девочка когда-то пыталась обменять у меня такую котлету на маленький кусочек хлеба. Но я не согласилась. Это была, видимо, жуткая котлета... Блокада высвечивала в каждом самую суть, была испытанием на степень человечности.

А покойников все время на саночках везли, мы на это даже не реагировали. Я редко выходила на улицу: нужно было беречь силы. Да и мама нас никогда не отпускала. Может, это было и опасно? В нашем доме до войны располагалась прачечная, там стояли огромные котлы, в которых замачивалось бельё, я с мамой туда ходила. Когда началась блокада, уже никто ничего не стирал. Всех покойников из огромного дома складывали туда. Они были замёрзшие. Однажды я увидела в окно: подъехала грузовая машина. И вот как складывают дрова, так аккуратно сложили всех, кто был в прачечной. Полная машина набралась... И увезли. Наверное, на Пискаревское кладбище. Так я увидела целую машину мёртвых жителей блокадного Ленинграда.

Раз в месяц выдавалась хлебная карточка. Хлеб поначалу давали каждый день, очень-очень маленький ломтик. У нас всех троих детей была дистрофия. И вот наступил тот страшный день, когда мама от голода уже не смогла встать. Надо сказать, что отец мой был необыкновенным человеком. Очень жизнелюбивым, веселым и активным. Родом с Кавказа. Ему поручили перед войной открыть Дом художественного воспитания детей в Куйбышевском районе Ленинграда. Я посмотрела все балеты и прослушала все оперы. Каждое воскресенье мы с папой ходили в театр. Позже он был назначен заведующим художественным отделом ленинградского Дворца пионеров. Сам Исаак Дунаевский руководил в его дворце оркестром. И дети, и взрослые уважали и любили моего отца. Возможно, еще и благодаря его авторитету, мы выжили. Когда в угол дома попала бомба, звонили в домоуправление, чтобы узнать, жива ли семья Григория Залиева. Коллеги отца нами интересовались. Они помогли маму положить в больницу, только потому она тогда не умерла. А нас, детей, всех троих, и даже меня, большую девочку, в качестве исключения отправили в детский сад. Они тогда были все переполнены. Поближе к лету детей стали вывозить из Ленинграда по Ладоге.

Маму выписали из больницы. Её, учительницу, назначили завучем детского дома, который эвакуировался из города. В мае 42-го года, как только Ладога растаяла, нас увозили по Дороге жизни. Нам повезло: Ладогу фашисты бомбили до нашей переправы и сразу после неё. Мы успели проскочить. Нас везли в Ярославскую область. Кстати, когда ехали в поезде, мама детей умоляла: «Не смотрите в окно!». Когда она отворачивалась, я прикинула к стеклу: голова чья-то валяется, руки, ноги, очень страшно. Когда начинали бомбить, люди в ужасе выбегали из вагонов и их сверху отстреливали.

На станциях нам приносили еду. Мама советовала детям хлеб приберегать, есть кашу. Все, кто был под её крылом, выжили, никого с поезда не вынесли.

У моей подруги, ленинградки, на её глазах умерли родители. После войны, встречаясь, мы о пережитом старались не говорить. Она мне однажды сказала: «Давай забудем, что с нами это было...».

Да только разве это возможно?..

Лидия Максимовна ГАРИСТ.

В Молдову приехала в 1958 году по направлению после окончания Днепрпетровского института железнодорожного транспорта. Здесь недоставало инженеров. Участвовала в строительстве многих предприятий республики – цементного завода, коврового комбината, обувной фабрики, завода металлоизделий. Трудилась много лет в ответственной должности – начальника управления капитального строительства. Выростила двух дочерей.

– Родилась я в Ленинграде в 1934-м. Отец работал на Кировском заводе мастером. Накануне войны его отправили в командировку в Крондштат. На фронт не взяли, у него после золотухи видел только один глаз. Он работал в Крондштате, но выехать к нам из этого закрытого города не мог.

В Ленинграде мы жили в общежитии на улице Стачек, а тут отцу дали квартиру в Ораниенбауме. В школу пойти не успела, не было семи лет.

Как только началась война, маму забрали рыть окопы. Мы с братом, который был младше меня на четыре года, оставались одни. Нас иногда проводовали солдаты, приносили хлеба или воды. Мы оставались без присмотра до жуткого случая. Голод приводил к безумию. Наша соседка

съела своего ребенка, сына. Она ломилась и к нам в дверь, но у нас был крепкий тяжелый засов. Когда мы открыли солдатам, я рассказала, что она к нам стучала. Они пошли к ней. И мы тоже туда побежали. Я помню эту страшную картину. Посреди комнаты стоял большой стол и на нем были сложены косточки съеденного ребёнка – головка, ножки, ручки. Эта женщина сошла с ума...

После случая с соседкой нас больше одних не оставляли. Всех деток свезли в какой-то блиндаж. Там в два ряда стояли нары. Мы все были очень ослаблены. Раз в день или через день приезжала машина, нам давали маленький кусочек хлеба. Часто у нас и воды не было. Как бы в городе люди ни голодали, каждый день умирали, нас, деток, к машине выстраивали первыми. Нам каждому клали на ладошку крошечный кусочек хлеба. Я очень берегла маленького братика, никуда его от себя не отпускала. Мне семь, а Толику – три года. Очень боялась, что он потеряется.

Помню железную дорогу. Через неё я перелазила, как старшая и очень худенькая, и по

Такими были брат и сестра до войны

узкой тропинке ползла к Финскому заливу. С обеих сторон были мины. А поскольку день и ночь бомбили, шли бои (Ораниенбаум – единственный пригород Ленинграда, который фашистами не был захвачен), в заливе было много рыбы, плавающей кверху брюхом. Я подбегала к воде, в платице набирала этой рыбы, сколько могла донести и опять очень осторожно возвращалась. Воспитательница забирала у меня эту рыбу и делила нам всем по кусочку. Мы срывали чешую и ели её сырой.

С 15-летним соседским мальчиком Васей мы ходили очистки от картошки искать и капустные листья на помойке какой-то столовой. Когда мы однажды возвращались, в кустах увидели немца. Я его запомнила – высокий, в очках, в шапке, с автоматом. Мы оба так испугались, что не могли сдвинуться с места. Мальчик очнулся первым, толкнул меня вниз с обрыва. Я кубарем лечу, но котомку с листьями крепко держу. Фашист не стал в детей стрелять. Может,

своих вспомнил? Вася спустился ко мне, а тут самолёт фашистский летит, сбрасывает бомбы. Он меня отбросил так, что я оказалась на той стороне дороги. Когда самолет улетел, я вернулась на то место, где стоял Вася. Огромная яма, а его нет. Я ходила, плакала, звала его. Нашла его руку, подняла, прижала к себе и принесла в этот подкоп, где мы жили. И долго не могла говорить, такое было потрясение. Произнесла первое слово, когда увидела после войны отца. Я побежала навстречу и вдруг выкрикнула:

«Па-а-а-па!!!».

И днём, и ночью мы были в этом блиндаже. Когда начиналась бомбёжка, мы все быстро прятались под нары, ложились на бетонный пол. Может, это какое-то подземное хранилище было до войны, не знаю, я же была ребёнком. Когда фашисты не стреляли, мы приносили какие-то тёплые вещи, одеяла. Зайдем в дом, лежат мёртвые. Мы их не боялись. В основном подушки приносили. Когда весной первая травка вылезала, мы держали на спине и голове подушку и ползком губами, зубами рвали всё подряд, что выходило из земли. Осколки, как правило, застревали в перьях, но всё равно многие дети погибли, те, кто плохо прикрыл себя. Солдаты приходили, собирали на повозки мёртвых и увозили хоронить.

Помню, как все ждали машину. Тогда взвешивали хлебушек и каждому давали кусочек на ладошку. Один раз дети нашли кошку тощую-тощую, с лысой головой. Её сварили и все выстроились с кружками, чтобы попить этого бульона. Я не могла кошку есть и брату не дала.

Воду мы тоже приносили из залива. Много детей на тропке подорвалось...

А когда шёл дождь, солдатской кружкой набирали и пили из луж. Летали фашистские самолёты и так страшно гудели. Как-то низко очень летели и сбросили шоколадки. Но воспитательница и солдаты нам наказывали: ни за что не поднимать, в них яд, сразу умрёте. Детки были послушные, такие голодные, а не трогали. Солдаты этот злополучный вражеский шоколад собирали и уносили. Вообще в ту суровую зиму в своём окопе, как мы его называли, мы выжили только благодаря воинам. Где что найдут – доску, старые газеты, стулья – приносили нам в «буржуйку», чтобы согреть.

Нас, как потеплело, попытались вывезти из города. Посадили всех в грузовик, довели до Ладоги. Военные детей брали на руки и переносили в маленький катер. А в это время началась такая жуткая бомбёжка, что нас опять вернули назад, потому что накануне немцы потопили катера с детьми, которых переправляли по Дороге жизни. В другой раз много было машин, много детей собрали, посадили нас в катер. А над нами летели несколько наших самолётов, вызвали авиацию, чтобы катер с ребяташками дошёл до берега. Везли нас в Сибирь в грузовых вагонах; на полу, на соломе мы лежали, не дети, а скелеты. Едва ли не половина из нас умерли по дороге.

Когда в эвакуации нам давали хлеб, мы ели его тоже с ладошки по одной крошке. Глядя на нас, ленинградских детей, всё село плакало. Принесли женщины сахар, а мы его не берём. Спрашивают, почему. Я удивилась:

– А где сахар?

– Вот он, белый!

А я говорю: «Нет, сахар чёрный!».

Солдатам к чаю кусочек выдадут, они его носят в кармане, пока не испачкается, а как к нам попадут, угощают. Мы не сомневались – сахар бывает только чёрный или серый.

Когда в 12 лет меня определили в школу, под руки вели два человека, мы ходить уже не могли. Понемножку сибиряки нас откормили. Когда меня и Толика привезли в какую-то деревушку, женщины смотрели на нас и плакали.

Хозяин возьмёт меня на руки, чтобы вынести на воздух, а я держу за ручку братика, даже там его ни на минуту от себя не отпускала. Тогда он обоих – в охапку, перенесёт, посадит на травку. Там уже кормили нас картошкой, молоком. Из деревни, когда мы немножко окрепли, нас отвезли в Прокопьевск в детдом, а потом в Кемерово мы попали в семью шахтёров. Там школой была изба большая. Учительница посадила меня за парту, дала что-то прочитать, сосчитать, и меня сразу в пятый класс зачислили. Нас читать в окопе воспитательница учила, мы приносили из домов книжки. Попадались детские, мы по ним учились читать.

Мама была ранена, долго лежала в госпитале, а как вышла, стала нас искать. Рассказывала, как она молилась, чтобы мы остались живы.

Когда и папа нас нашёл, и семья восстановилась, в Ленинград вернуться уже не смогли, обосновались в Кемерово. Там пленные немцы строили целую улицу. Колючая проволока была, чтобы они не убежали. Именно мы, дети Ленинграда, сэкономим какую корочку хлеба и несем пленным. Каждый вынимал из-за пазухи кусочек хлеба и протягивал в дырочку. Немцы запомнились мне худющими, в кепках с козырьком. Мы их жалели, потому что знали, что такое голод. А они в благодарность нам играли на губной гармошке. Вот такая горькая ирония судьбы...

Не так давно, когда открыли все архивные материалы, по телевизору показывали документальный фильм. Я себя узнала, я большим маминым платком была обвязана. Увидела, как нас сажали в машину, а я братика крепко за руку держу. И во второй раз как-то видела себя в хронике в юбилейные дни снятия блокады.

Наверное, тогда на заливе я была контужена, поэтому сейчас в любой момент могу упасть. Не выхожу уже из дому по этой причине. В России у блокадников много льгот, нам здесь выдают ежемесячно 400 леев к пенсии. Правда, мне помогают мои замечательные дочери, хоть и живут далеко.

Горжусь своими внуками. Нам теперь остаётся лишь молиться о мире...

Записала *Светлана РЯБИНИНА*

Горизонты Ломоносовки

НАТАЛЬЯ РОДИНА

«В ЭТОМ ДОМЕ ПО УТРАМ ИГРАЕТ МУЗЫКА...»¹

«Habent sua fata libelli» («Книги имеют свою судьбу».)
Теренциан Мавр

У меня в руках книга: «Гамлетъ. Принцъ Датскій. Трагедія в пяти дѣйствіяхъ Вилліама Шекспира, переводъ съ англійскаго Н.А. Полевого, четвертое изданіе. Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 мая 1893 г.», тираж десять тысяч экземпляров.

Эту книгу, форматом с мою ладонь на одном из книжных развалов Кишинёва приобрёл за три лея (фантастический бесценоч!) и подарил библиотеке им. М.Ломоносова Игорь Доминич, талантливый поэт, бард, чьи песни исполняет Сергей Никитин.

Бережно листаю страницы. Каждой из них исполнилось более ста двадцати лет, – они наполнены и дышат ушедшими столетиями. Наверное, так пахнет прошлое. И я, житель двадцать первого, компьютеризированного техновека, окунаюсь в историю написания трагедии:

“По всем вероятиям, «Гамлет» был написан Шекспиром не позже 1602 г. и не ранее 1589 г., когда поэту было только 25 лет», – повествует предисловие. – «Во всяком случае, первое издание этой трагедии было в 1603 г., существует всего два экземпляра этого издания: один был найден в 1825 г., ... в 1604 г. появилось новое издание «Гамлета»... От этого издания сохранилось всего 3 экземпляра».

Я узнаю, что «Гамлет» впервые был представлен на Императорском Московском театре 22 января 1837 г., в бенефисе актёра П.С. Мочалова, разбору удивительной игры которого «... у Белинскаго посвящены красноречивыя страницы».

«Для того, чтобы постигнуть Гамлета, – приводит Н. Полевой слова критика Strachey, – необходимо рассмотреть состояние нашего собственного ума... если перевес окажется на стороне мыслительной способности, то... в человеке является преобладающим свойством – размышление, и способность к действию уменьшается», «... в Гамлете равновесие между миром реальным и воображаемым нарушено: его мысли и образы гораздо ярче действительных ощущений... Шекспир хотел показать, как хороший человек может одержать победу, хотя бы и через смерть...»

В 1893-м ещё не существует «Гамлет»а в переводе Бориса Пастернака, который осознанно и смело провёл новозаветные параллели. Ещё никто не знает, что

1 Из стихотворения И. Доминича

слова из Евангелия в середине стихотворения: «Если только можно, Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси», – придадут переживаниям автора возвышенный христианский смысл. Это произойдёт только в 1946 году.

В предисловии к шекспировской трагедии используются исследования Тимофеева, Ярославцева, Тургенева, мнения таких авторов, как Гёте, немецкий критик Карл Эльце, английский критик Strachey, французский критик Мезьер, слова д-ра Конолли, д-ра Джонсона, а также приводятся высказывания Рида и Гензе.

По этой книге ставилась великая трагедия Гамлета, принца Датского, сопоставимого для Гёте с дубом, посаженным в дорожную вазу, «... в которой бы следовало расти только милым цветочкам», драма, развивающаяся с «задыхающей скоростью» (Strachey).

Прошлые столетия, шелестя, ведут со мной беседу. Осторожно перелистывая пожелтевшие страницы, натываюсь на “ь”, “і”, “ея”, “котораго”, “безумнаго”, “великаго”, “внешняго”, устаревшие, категорически не применимые в русском языке: “разсудок”, “изследование”, “безстрастный”, “разсматривает”, “еслибы”, “когда нибудь”, “какая нибудь”...

Представляю себе дам в шляпках, платьях с тугими корсетами, высокими воротниками, тонкой талией, буфонированными рукавами типа «баранья ножка», галантных кавалеров в цилиндрах, однобортных сюртуках, фланелевых блейзерах с накладными карманами, воротниками-бабочками. Как разнятся, не соответствуют наряды современного человека с одеждой девятнадцатого столетия! Как бесконечно отличается мой современный «прикид» из свитера «под горлышко», брюк «в облипочку», ботинок на толстой рифлёной платформе, – от сборок и складок на одежде и кожаной элегантной обуви более чем столетней давности!

Книга, родившаяся на свет благодаря издательству А.С. Суворина, сплошь испещрена карандашными пометками. Сейчас бы сказали, что она была настольной. Но мне хочется назвать её ручной, прирученной к рукам хозяина. Он и Она жили в согласии: она предоставляла свои листы для заметок, доверяясь его рукам, сохранив по сей день тепло прикосновений своего друга, он по ней ставил спектакли, о чём говорят записи на страницах:

«Харьков – 1925. Петрозаводск – 1926. Ярославль – 1927. Симферополь – 1928. Севастополь – 1929. Севастополь – 1941».

Последний год постановки спектакля планировался на начало войны. Был ли он поставлен? Посчастливилось ли увидеть его театрам Крымского полуострова, в Севастополе, позднее названного городом-героем, городом русских моряков, в постановке удивительного режиссёра Бориса Бертельса, обладателя старинной книги 1893 года?

Да-да! Именно ему, «рыцарю театра», принадлежала эта книга!

Именно его заметки «на полях» помнит и хранит пожелтевшая за сто двадцать один год типографская бумага.

Читаю биографию режиссёра.

Бертельс Борис Александрович. Родился 26 ноября 1889 года в Петербурге. ... Работал во многих театрах. В 1935-1954 – главный режиссер Севастопольского театра. Бертельс после окончания Петербургского кадетского корпуса получил театральное образование в школе А. Суворина при Театре Литературно-художественного общества (обычно именовавшемся Малым или Суворинским).

Борис Александрович Бертельс был приглашен из Ярославского театра имени Ф. Волкова. С этого времени он связал свою творческую судьбу с Крымом, а с 1935 года и до конца жизни – с Севастополем. В Севастополе Бертельс организовал учебную студию для молодых актеров, где велись занятия по сценическому движению, этикету разных эпох, гриму, сценической речи. Практические занятия проходили на репетициях классического репертуара. А классика во все годы художественного руководства Бертельса театром занимала значительное место в афише. В предвоенные годы ставились «Горе от ума» А. Грибоедова, «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого, «Анна Каренина» по Л. Толстому, «Отелло» и «Гамлет» В. Шекспира, «Бесприданница» А. Островского, «Обрыв» по И. Гончарову, «Дворянское гнездо» по И. Тургеневу, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Кровавая шутка» Шолом-Алейхема, «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони – всего около 50-ти спектаклей.

Первого сентября прошлого года исполнилось шестьдесят лет со дня его кончины.

Курсом младше учился Г. Ярон, будущий известный артист и режиссер оперетты, который через много лет в своей книге «О любимом жанре» с теплотой вспоминал о Б. Бертельсе. Петр Александрович Полевой, который учился в театральной школе на два курса младше, писал: «Он пользовался большим авторитетом. Его слушали и уважали, несмотря на то, что он был моложе многих других артистов труппы». Благодаря Б.А.Бертельсу и его Молодому театру (так назывался гастрольный театр молодых актеров) состоялись поездки в Петрозаводск и **молдавский город Сороки**.

Эта фраза стала для меня ключевой. Борис Бертельс был на севере Молдавии с гастролями! На правом берегу реки Днестр. Бродил по древнему городу Сороки с петляющими улочками, выючимися по гористой местности, наверняка побывал в Сорокской крепости-цитадели круглой формы с пятью башнями, высотой почти 20 метров на самом берегу Днестра, возведенной по указу господаря Петру Рареша в 1543-1546 годах. Поднимался на самую высокую точку города, на Цыганскую гору, где уже не одно столетие живут ромы. А вот 30-метровый монумент – Свечу Благодарения при подъезде к городу, Башню в форме свечи, возведённую в 2004-м году на вершине скалы, не видел наверняка. Возможно, именно там, в городе Сороки, Борис Бертельс и потерял свою книгу. Но, быть может, подарил кому-нибудь? Об этом молчит история, об этом никому никогда не поведают страницы «Гамлета»...

Берег левый... Берег правый... Как попала книга на правобережье, мне ясно и понятно. Но... «2 сентября 1990 года является официальной датой восстановления государственности на территории Приднестровья и провозглашения ПМР», – как говорится в истории создания непризнанной Приднестровской Молдавской Республики. Скоро двадцать пять лет, как территория Молдавии разделена надвое...

У любви нет границ и национальностей. Так же, как у искусства не существует ни границ, ни деления на признанных и непризнанных. Эти понятия общегалактические, вселенские, безнациональные.

Небольшая книга объединила три территории, благодаря одному человеку! Её, уникальную и бесценную, подарил директору библиотеки Игорь Доминич, которого, увы, уже нет с нами. В свой пятьдесят третий день рождения двадцать

пятого декабря 2013 года, выходя из библиотеки, он запнулся за ступеньку и упал. Как впоследствии выяснилось, это был инсульт. Призвал его Боженька к Себе шестого января, в самый канун великого православного праздника. Две даты – два Рождества. Совпадение ли?

Игорь мечтал написать о книге, о её талантливом хозяине, мечтал списаться с театром Севастополя, поделиться радостью, рассказать о находке. Не случилось...

В память об Игоре это делаю я. Мы с ним не были друзьями, не были близко знакомы. Мы с ним никогда не встречались ни в одной компании. Я видела Игоря, слушала в библиотеке Мангера и Ломоносовке, была на концерте Александра Соломонова, исполнявшего песни на стихи Доминича. И никогда не знала его лично. Но я знаю: от нас ушёл Талант.

На последней странице практически истёртая фраза, написанная Борисом Александровичем карандашом: *«Мечтательный, впечатлительный и с разодранной душой»*. Я не знаю, кому предназначалась фраза, кто под ней подразумевался. Возможно, принц Датский. Но мне почему-то думается, что Игорь. Именно таким был Игорь.

Вместо послесловия

Из письма руководства библиотеки им. М.В. Ломоносова в Севастополь:

*«...Мы узнали, что **двадцать шестого мая** 2015 года народный музей истории Севастопольского академического русского драматического театра им. А.В. Луначарского отметит своё пятидесятилетие. В музее собрана уникальная коллекция экспонатов, состоящая из десяти тысяч единиц хранения. В фондах музея хранятся документы, касающиеся не только деятельности театра, но и интересных событий театральной жизни города. В экспозиции представлены личные вещи Федора Шаляпина, Леонида Собинова, Фаины Раневской, Виктора Борейшо, Сергея Евкина, **Бориса Бертельса**, Клавдии Волковой и многих других великих деятелей театра, жизнь и творчество которых связано с Севастополем.*

Мы готовы преподнести в дар вашему Музею книгу, принадлежавшую Б.А. Бертельсу.

Будем ждать вашего ответа.

С уважением,
Маргарита ЩЕЛЧКОВА, директор муниципальной
библиотеки им. М.В.Ломоносова,

Звезда над полем

РУСТАМ АХМЕТЗЯНОВ

«НИКТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ УВЕРЕН В ТОМ,
ЧТО ЖИЗНЬ ОКОНЧЕНА...»

*Памяти поэта и барда
Игоря Доминича*

– Привет, старик! Меня попросили составить подборку твоих стихов для журнала. Я поработаю за тебя, уж ты извини... Наверное, начну со стихотворения, давшего название твоей первой книжке стихов. Ты не против?

* * *

Зеленое время восхода
И синее время заката.
А между – какие-то годы,
И даже какие-то даты.
А день еще ярк и ветрен,
А осень пылает, как порох!

И некогда думать о смерти,
Которая будет нескоро.
И некогда думать о трубах,
Которые зло пророкочут,
Нелепо, не вовремя, грубо,
Такой же нелепою ночью!
А дальше – дорога, дорога,
До самого края рассвета.
Туда – где таких уже много,
Туда – где, наверное, лето.

Где жизнь не разбита на годы,
Где действуют только две даты –
Зеленое время восхода
И синее время заката...
А день еще ярк и ветрен,
А осень пылает, как порох!
И я уже знаю, что смертен,
Вот только не знаю, как скоро.

– «Нелепо, не вовремя, грубо...». Так и случилось чуть больше года назад, 6 января 2014 года, когда ты ушел. Ты был на взлете своей поэтической траектории, выходил на свою настоящую орбиту: твоя первая книга стихов разлетелась по глобусу и попала в нужные руки – на твои стихи написали песни Сергей Никитин, Дима Бикчентаев, Витя Попов и много других талантливых бардов. То, что мы не близко от столицы русскоязычного мира, не помешало...

* * *

Не родитесь, Поэты, в провинции,
А родившись – не лезьте в Поэты.
Здесь смешны будут ваши амбиции,
Дай вам, Господи, многие лета.
Здесь не будет ни славы, ни почестей,
Ни хулы, ни дуэли, ни каторги.
А стихи, что ночами вы строчите –
Ну, так мало ли, кто чего каркает.

Не родитесь, Поэты, в провинции,
А родившись – не лезьте в Поэты.
Здесь иные уклад и традиции,
Дай вам, Господи, многие лета.
Здесь вас критик не высмеет вежливо,
Не изрежут редакторы правками.
А стихи, что ночами вы нежите –
Ну, так мало ли, кто чего гавкает.

Не родитесь, Поэты, в провинции,
А родившись – не лезьте в Поэты.
Не нужны здесь мессии с провидцами,
Дай вам, Господи, многие лета.
Здесь иные мелодии слышатся,
Здесь другою монетою платится...
А стихи, что ночами не пишутся –
Ну, так мало ли, что кому плачется...

– У каждого – своё предназначение: моё – песни петь, твоё – стихи писать. Так что Господь знал, что делал, и твои сомнения, хоть и понятны, но беспочвенны...

* * *

Командуя белым светом
С высоких своих небес,
Господь, ты меня поэтом
Не делай, не трать чудес.

А чтобы я мог исполнить
Назначенный мне урок –
Не дай мне, Господь, наполнить
Желудок и кошелек.

Не хмурь там, на небе, брови,
А властвуя над душой,
Не дай мне, Господь, любви,
Ни маленькой, ни большой.

Не свадьбы пускай, а тризны
Мне в кубок вина нальют...
И пусть мне, Господь, Отчизны
Не будет ни там, ни тут...

И дай мне друзей, которым
Не в тягость меня предать,
И слабым ногам опоры
В пути не спеши давать.

И пусть мне дождем и ветром
Исхлещет лицо и грудь –
Ты только меня поэтом
Не делай, Господь. Забудь.

И ты не тяни там, помни,
Что очень короткий срок
Мне дан, чтоб я мог исполнить
Назначенный мне урок.

– А ведь поначалу тебя тянуло совсем в другую сторону: видел я, с каким восторгом и упоением ты сжимал в руке гика-шкот Сашкиной яхты на Гидигиче. Знаю, каким взглядом ты провожал морских офицеров и лётчиков...

* * *

Быть бы флотского мне уставу –
В черном кителе щеголять!
И на женщин смотреть устало,
Отправляясь к ним ночевать...
Нет ни пользы от баб, ни толку –
Лишь подушка мокра от слёз.
Я бы взглядом морского волка
Все б оценивал не всерьёз.

Нет, не так! Я глядел бы строго,
Дым табачный втянув ноздрей.
Мне, карамба, стаканчик грога
И, сто тысяч чертей, отбой!
Нет ни пользы от баб, ни толку –
Рвется ветер на чистый норд.
Я походкой морского волка
Удаляюсь в гудящий порт...

А в порту... А в порту матросы,
Пьяный боцман гоняет юнг.
И тяжелые, как альбатросы,
Пароходы глядят на юг.
Нет ни пользы от баб, ни толку –
Лишь тоска, да глухая боль...
Остаются морскому волку
Волны, ветер, туманы, соль.

На мечты не найти управы
Кто тебе запретит мечтать?
Быть бы флотского мне уставу –
В черном кителе щеголять...
Нет ни пользы от баб, ни толку –
А в любви разве нужен толк?
Ты прости не морского волка,
Твой простой сухопутный волк...

* * *

Пиджаки, а не кители,
 Крепкий чай с коньяком...
 Он не стал истребителем,
 Я не стал моряком.
 И тоска, словно клещи, нас
 Зажимает подчас.
 Врём про синее женщинам,
 Понимающим нас.

Понимающим, знающим
 Все начала начал.
 Нам уют обещающим,
 Полосу и причал.

Они слушают, верят,
 (Хоть и знают, что врём).
 Они дарят нам берег,
 Дарят аэродром.

А мы утром уходим,
 Ловим в спешке такси.
 Вспоминая немногих,
 Что смогли нам простить
 Пиджаки, а не кители,
 Перегар коньяка...
 И тоску истребителя,
 И мечту моряка.

– И каждый год 9 Мая, после обязательного посещения Мемориала, на ближайшей же террасе всегда – святые сто грамм за Победу...

Мы выпивали за Победу,
 Как будто сами воевали.
 Вели какую-то беседу
 И наливалось – наливали.

И каждый тост, не то, чтоб очень
 Был этой датой озаглавлен,
 Но каждый, выпив, между прочим,
 Не забывал об этом, главном –

Мы выпиваем за Победу!
 Пускай она уже далеке,
 Пускай давно другие беды
 Легли на наши с вами плечи.

И вновь исходы неизвестны,
 Что предстоит – кому-то ведать?
 А мы сидим, мы снова вместе,
 Мы выпиваем за Победу.

* * *

Зарубцевавшие раны
 Давно свободны от бинтов.
 Сидят на кухне ветераны
 Расформированных полков.

За той же водкой, в том же рубище,
 За тем же стареньким столом...
 Всю жизнь мечтавшие о будущем,
 Сидят, мечтают о былом.

– Мы с тобой тогда и не подозревали, что слово «артобстрел» неожиданно вернётся из фильмов и книжек о прошлом в наш сегодняшний день, что вспыхнет Майдан, вернется домой Крым, разразится братоубийственная гражданская война на Украине.

И окажется пронзительно-пророческой твоя строчка «Потом наш путь назовут виной...» из этой твоей замечательной песни:

* * *

Погас багровый огонь атак –
 Поплыл пораженья дым.
 И наше рождение было так,
 Явлением рядовым.
 И мы не знали своих отцов,
 Похожие не на них.
 И дорастали, в конце концов,
 До звания рядовых!
 И уходили, сказав: «Пока!»
 И пели: «Ла-ла-ла-ла!»
 И наша жизнь была коротка,
 А смерть была весела!

 И мы не знали любви земной –
 У нас был другой азарт.
 Ведь мы несли за своей спиной
 Нехитрый солдатский скарб.
 Потом наш путь назовут виной –
 Плевать, пускай будет так!

И мы толкали перед собой
 Багровый огонь атак!
 И длинной ниткою из мотка
 Разматывались тела!
 И наша жизнь была коротка,
 А смерть была весела!

Судьба казалась такой простой –
 Шагай себе без дорог.
 И без привала, из боя в бой,
 Бросал нас за богом бог!
 И мы шагали среди костей,
 Под флейты и звон кирас,
 И, значит, наших детей
 Рожали уже без нас!
 Ты дай им, Боже, хоть полглотка
 Той славы, что нас вела.
 Да будет жизнь у них коротка,
 Да будет смерть весела!

– Похоже на песню из фильма или спектакля. Не удивительно, что ты попал в молодежный театр «Данко», когда-то гремевший на всю Молдавию и даже за её пределами. При тебе театр получил звание Народного. И это было не только званием, но и его внутренней сутью. Утверждаю, так как был частью этого театра его последние три года. А ты – восемь лет...

* * *

Вот рампа, вот граница между нами –
 Контрольно-следовая полоса.
 Я выхвачен из тьмы прожекторами,
 Я слышу лай и злые голоса:

«Ушел, зараза! Черт с ним». Хлопнув дверцей
 УАЗик пограничный задрожал...
 Простите мне, мои единовверцы,
 Что я от вас на сцену убежал.

Здесь свой язык и здесь свои законы,
 Которых мне до смерти не понять...
 Но я пробил заслоны и кордоны,
 Я здесь, на сцене. Что теперь пенять?

Я полз сквозь ночь, я обходил заставы.
 Петлял, как заяц, заметал следы.
 Не знаю сам, кой черт меня заставил?
 Куда я рвался, от какой беды?

Но вот, дошел. Болотами, лесами.
 (Что мне болота эти и леса?)
 Вот рампа, вот граница между нами –
 Контрольно-следовая полоса.

Но я не вижу вас, сидящих в зале,
 Проектора слепят, наотмашь бьют.
 Ну вот и всё. Ну вот и повязали.
 Как быстро. Не прошло пяти минут.

И будь я даже трижды гениальным –
 Мне не помогут связи и родня.
 Я нахожусь на сцене нелегально,
 А значит – депортируют меня.

Как из Берлина или там, Нью-Йорка,
 Где суд отменно вежлив и учтив,
 Меня доставят прямо на галёрку
 Без права переписки и мечты.

– Не на галёрку, а в кабину свето-звукооператора (твоя торопливая, порой сбивчивая речь быстро думающего человека не устраивала наших замечательных режиссёров...).

И тебе оттуда, сверху, виделись твои собственные спектакли и персонажи...

* * *

Летописцы мои, приготовились, начали, пишем.
 Упаси вас господь исказить хоть единую фразу.
 Пишем с красной строки: «В мае, в пору цветения вишен,
 Во дворце собрались летописцы, согласно указу».

Император отвел им, согласно их званию, покои
 И сказал им, собравшимся вечером в сводчатом зале:
 Мир дозрел до того, чтобы быть переписанным мною,
 Из-за этого, собственно, всех вас сюда и позвали.

Вам дадут, сколько нужно, чернил и очиненных перьев.
 Вы получите доступ к хранилищам библиотеки.
 Пишем с красной строки: «В мае, в пору цветенья деревьев,
 Император велел, чтобы мир изменился навеки».

Вы должны отыскать на пергаментях и в манускриптах
 Имена всех достойных – неважно, ученый ли, слесарь...
 От седых пирамид, возведенных царями Египта,
 И до нынешних дней, коим я – повелитель и Кесарь.

Так что – ищем. Гранитные глыбы и зыбкие тени.
 Не дай Бог пропустить хоть кого-нибудь, даже невольно!
 Пишем с красной строки: «В мае, в пору цветенья сирени,
 Император велел зачеркнуть имена всех достойных».

Чтобы духу их не было в памяти этого мира!
 Мир нельзя изменить – значит действовать нужно хитрее.
 Значит – в щепки стило, пусть оглохнет стозвонная лира
 И дымятся костры для Коперников и Галилеев!

Вот такая у вас, летописцы, сегодня работа.
 Да! За дверью – палач. Он на службе. Вы слышите вопли?
 Пишем с красной строки: «В мае, в пору цветенья чего-то,
 Я сумел изменить этот мир. Навсегда. Будь он проклят».

* * *

Рёв толпы за городской стеной,
 Топот конницы, чеканный шаг пехоты.
 Я не прав, я знаю, но за мной –
 Долг и Власть. Без права на просчеты.

Я – не прав, я знаю, но уже
 Принято решение. Безвозвратно.
 А на том, далеком, рубеже
 Можно было повернуть обратно!

Можно было... Можно было. Там,
 Где осталась точка поворота,
 Где не шла за городом к холмам
 Равнодушной поступью пехота,

Где толпа не жаждала: «Убей!»...
 Я был чист и смел, силен и честен.
 Я – не прав. Я знаю, но на мне
 Долг. А долг, увы, превыше чести.

И я знаю (как себе не лги,
 Было так и так, пожалуй, будет),
 Лишь необратимые шаги –
 Движитель Истории и Судеб.

И – толпа ревет. Копыта – бьют.
 Все идет по плану, как решилось.
 Уже скоро. Несколько минут.
 Несколько секунд. Ну вот, свершилось...

...И уже не слыша голоса,
 Смотрит, безнадежно сожалея,
 В мутные пустые небеса
 Пятый Прокуратор Иудеи...

– Театр – добровольная счастливая каторга: он отнимал всё свободное время, на собственное творчество оставалась только ночь. И тогда открывалась заветная тетрадь, а китайская шариковая ручка превращалась в гусиное перо...

* * *

Послушай, mon ami, давай, презрев суеты,
С тобою возродим эпистолярный жанр!
И станем поверять перу свои сюжеты,
Своих трудов плоды и сердца пылкий жар!

Как сладко поутру, должно быть, сквозь усталость
Сжигать черновики признаний и тревог!
Ах, запах сургуча! Ах, сколько нам осталось
Неверною рукой писать свой эпилог...

А сани – запрягли. Ямщик нетрезв и весел.
И лошади сыты, и дуги в бубенцах.
Давай, мой друг, на миг забудем о прогрессе,
Давай с тобой, Min Herz, побудем в дураках!

Пусть все бегут, спешат. А нам пора приспела:
Гусиное перо, шандал и время – тлен.
И мы – смешны, глупы, кому какое дело?
Перо бежит, бежит, и это – catresbien.

Зато по вечерам, когда дела отпустят,
Усевшись у огня и всех отправив спать,
Сорвешь сургуч с души, исполнившейся грусти,
И утоляя боль, начнешь читать, читать...

Что все, мол, хорошо, все живы, слава Богу,
Что новый плох роман, и что болит нога.
И что понамело огромные сугробы,
Но жизнь, черт возьми, все так же дорога!

И с каждою строкой короче расстоянья,
И с каждой запятой прекраснее итог.
Скрипящее перо и фитиля мерцанье...
И снова ждешь письма. Mon Dieu, Mein Gott, мой Бог...

– И так важно, чтобы рядом была родная и всё понимающая душа, звучащая в унисон. Но это – очень редкая удача. Мне хочется верить, что, в конце концов, ты её обрёл...

* * *

Любимая, ну что тебе со мной,
Зачем тебе мои кривые тропы?
Ты знаешь, я родился под звездой,
Которую не видно в телескопы.

Она, конечно, где-то там горит –
Возможно, вообще, в другой вселенной...
Со звездами другими говорит
По-женски – обо всем одновременно.

О моде, о погоде, о тебе,
О доплеровском, каверзном смещенье...
А если вспомнит о моей судьбе,
То тут же отмахнется без смущенья.

Поскольку ей, звезде, куда важней
Проблемы героини сериала...
Она б и рада была быть со мной нежней,
Но ведь она, бедняжка, так устала!

И нет ей дела до моей судьбы,
Моих путей, моих неровных тропок.
И ей довольно в качестве звезды
Быть вставленной в чужие гороскопы.

Любимая, ну что тебе со мной,
То шишки набивать, то лезть из кожи!?
Ведь вы же так похожи со звездой,
Вы так, моя любимая, похожи...

* * *

Ты лежишь на моем онемевшем плече,
Притворяясь, что спишь...
Ночь горит и, сгорая подобно свече,
Оставляет мне лишь
Ощущение полного тождества слов,
Произнесенных вслух,
И обрывков тобой недосмотренных снов.
Кукарекнул петух,
Извещая весь мир, что кончается ночь,
Обещая рассвет...
На плече моем ноющем сукина дочь
То ли спит, то ли нет...
И боюсь шевельнуться и даже дышу
Через раз, через век.

И у Бога уже ничего не прошу,
 Кроме сомкнутых век,
 Кроме боли в плече, кроме тождества слов,
 Что сказать предстоит,
 И обрывков, еще не приснившихся снов
 Той, что спит и не спит...
 Рвет дробящийся в воздухе крик петуха
 Ночи тоненький шелк.
 И мне в ухо сопит воплощенье греха –
 Значит, все хорошо...

* * *

Что раскаркался, ворон? Тише.
 Мир не тонет и не горит.
 Всех-то бед – протекает крыша,
 Всех-то горестей – печь дымит.

Что ж ты режешь круги, как спутник?
 Что высматриваешь внизу?
 Непутевый, но не беспутный,
 Я поклажу еще везу.

И мелькают в колесах спицы,
 И дорога уходит вдаль.
 Ворон, ворон – смешная птица.
 Мне тебя почему-то жаль.

Ты спускайся ко мне, дружище –
 Потолкуем о том, о сём...

Будет день, ворон, будет пища:
 Хлеб разломим, воды попьем.

Ты расскажешь мне сто историй,
 Я тебе расскажу свою.
 Ничего, что струна не строит –
 Подтяну и тебе спою.

Ты поймешь меня, ворон-птица,
 Ты ведь видел за триста лет
 Судьбы, свадьбы, могилы, лица
 Тех, кто был, и кого уж нет.

Может, ты и о ней что слышал?
 Может, даже видал когда?
 Вот беда – протекает крыша...
 Печка тоже дымит. Беда...

* * *

Ночь свернулась упругой пружиной,
 Накопив в себе сил для рывка.
 Без усмешек, ухмылок, ужимок,
 Как пантера – черна и легка.

И негромко, ритмично и четко
 (Для него в этом ритме вся жизнь)
 Отбивает лихую чечетку
 Неживой часовой механизм.

А когда на рассвете, как выстрел,
 Посрывает к чертям стопора –

Оборвутся бессонные мысли,
 И раздастся команда: «Пора!»

Новый день – это «Табула раза»,
 Значит, пальцы на гриф – и вперед!
 Что, ты в жизни не падал ни разу,
 И не бился башкою об лед?

Встанешь, парень, куда тебе деться.
 И пусть ноша твоя нелегка,
 Бьется слабой пружинкою сердце,
 Копит силы в себе для рывка...

– Скажу тебе по секрету, старик: это твоё стихотворение, среди прочих, выделил Александр Городницкий, твой безоговорочный кумир в бардовском деле. Он уже написал предисловие к твоей второй книжке, которую мы сейчас готовим к изданию. Основную работу как составитель и редактор снова проделал Саша Соломонов (низкий ему поклон, твоему верному другу и соавтору), художественной стороной занимается Исаак Фельдман, постараемся, чтобы тебе всё понравилось...

* * *

Сколько ж можно? Опять вы про это...
Бросьте, ваши упреки – враньё!
Ну, не любит Россия поэтов,
Ну, кружится над ней воронья!

И рождаются, и умирают,
И страдают – едрит твою мать!
Ну не знает Россия, не знает
Куда этих поэтов девать!

Ну так, господа, мы ж не поэты,
Мы ж не лезем в петлю к палачам...
Так что бросьте вопросы-ответы,
И советы оставьте врачам!

Уговаривать их бесполезно,
А лечить – слишком много хлопот.
Их железом... Железом? Железно!!!
То, что надо, железом пойдет!

Тут проблема не в этом, не в этом.
Тут – как зубы болят, тут – как зуд!
Ну не любит Россия поэтов,
А поэты ползут и ползут!

Значит, ночью, без шума, без света,
Их построить рядами у стен...
Залп – и нету в России поэтов!
Залп – и нету... России... Совсем...

– Ты всегда позиционировал себя как барда, не решаясь называться поэтом. Мы с тобой много спорили о бардовской песне, которая всегда была главным содержанием и твоей, и моей жизни, о соотношении в ней музыки и поэтического слова. И всё больше соглашались с мнением Булата Окуджавы, называвшего бардовскую песню «формой существования русской поэзии...»

* * *

Момент известности и славы...
Чего ж тебе недостает?
Какой тебе еще почет?
Какой тебе еще отравы?

Момент известности и славы...
А Счастья – нет. И Бога – нет.
И одному держать ответ
За всю поэзию державы.

– Громко? Самонадеянно? Нет – ответственно. По гамбургскому счёту. Как всегда у тебя во всём – и в поэзии, и в жизни...

* * *

А когда в час, назначенный на небесах,
Я услышу пронзительный голос трубы, –
Я почувствую в первую очередь страх
От того, что окончилось время судьбы.

И страшит не само превращение в прах,
Но когда мне откроется новый предел,
Я почувствую в первую очередь страх
От того, что еще ничего не успел.

Я привыкну потом. Но на первых порах,
Пока небо меня не накрыло плащом,
Я почувствую в первую очередь страх
От того, что я кем-то еще не прощен.

И уже успокоившись, не впопыхах
Оглядев напоследок родное жилье,
Я почувствую в первую очередь страх
От того, что уже не увижу ее.

Хорошо б на миру, что б у всех на глазах,
Но пока еще зрительный зал не затих –
Я почувствую в первую очередь страх
От того, что забудут меня, как других.

Пусть мне в этой судьбе не гореть на кострах,
Перед дальней дорогой в пространствах иных
Я почувствую в первую очередь страх
Ну а все остальное – уже во-вторых.

* * *

Вот такие забавные трюки.
Уместились при помощи слов
Все любви, печали, разлуки
На двенадцать тетрадных листов.

Здесь и радости, и огорчения,
И разлеты коней вороных...
И таблица в конце. Умножения.
На обложке. С другой стороны.

Нет таблицы надежнее в мире,
Хоть сто тысяч листов исписать.
Дважды два на обложке – четыре.
Пятью пять – там всегда двадцать пять.

А слова ни на что не умножишь,
И старайся хоть тысячу лет –
Ни себе, ни другим не поможешь,
Ну не сходитесь чёртов ответ!

Не бывает судьбы «по порядку»,
Кто поспорить со мною готов?
Вот. Вся жизнь уместилась в тетрадку.
Из двенадцати тонких листов...

– Я ставлю на проигрыватель компакт-диск с твоей удивительной работой – «Оседлав Росинанта», твоё прочтение вечной истории про рыцаря из Ламанчи. Вы с Сашей Соломоновым, связанные невидимой проволокой Интернета (ты – в Молдове, Саша – в Германии), написали замечательную бард-оперу. Мне не даёт покоя мысль: как бы поставить её на сцене?

...Книга раскрыта, а значит, мы живы,
Значит, нам снова в дорогу пора.
Пусть у коней не расчесаны гривы –
Мы отправляемся не на парад!

Нам путь преграждают не горы, а годы.
Текущая мимо река – на века...
Но в этом пространстве
Место для странствий
Рыцарю сыщется, наверняка!

– Как и ты, я свято верю в то, что мы живы, пока о нас помнят наши близкие и друзья, пока читают наши стихи, пока поют наши песни. Мы с тобой сочинили около 15 песен. После твоего ухода я придумал мелодии для ещё двух. Вертятся в голове неясные мелодии на другие твои стихи. Всё в порядке, старик. Ты – жив...

Взлётная полоса

ЕВГЕНИЙ КОНДРАТЕНКО

ПОЧТИ ГЕРОИ

– Чего вылупился? Пошёл! – Николай подтолкнул молодого солдата к разинутому рту шлюза. Внизу, после сотен метров темноты, слоились рыжие облака.

Парень с бледными дрожащими губами выдохнул, что-то крикнул и прыгнул, как учили, прижимая колени к груди, бомбочкой вниз. К шлюзу потянулись головы следующих в очереди. Они пытались прочувствовать заранее, каково будет им вот так лететь. Но чужое небо глотало каждого молча, без намеков и заигрываний.

– Следующий, товсь! – прокричал Николай сквозь шум врывающегося в корабль ветра.

– Товарищ майор, можно я че-че-через одного? Ну... ну, пожалуйста, я вас умоляю... – этот был ещё моложе предыдущего. Уголки губ опущены, глаза блещут. Вот-вот разревётся.

Николай нахмурился.

– Что за сопли? Подошёл к шлюзу и жди команды. Быстро!

На дрожащих ногах солдат сделал два шага вперёд. Попытавшись справиться с собственными нервами, он выпрямился по стойке смирно, как учили на ускоренных курсах на Земле, которую сейчас каждый из них прилетел защищать.

– Из-за трусов, парень, мы прошлую войну-то почти и проиграли. Я тебе не позволю стать одним из них, слышишь? Там же наши ждут подкрепление, – смягчился Николай.

Он и сам когда-то был таким же худым, сжимающим колени руками, чтобы соседи не заметили, как сильно его трясет. Но ему повезло. Командование заметило, что ребята, делившие с ним комнату на транспортировщике, ведут себя увереннее и смелее других. От них так и несло желанием поскорее попасть на поле битвы. А причиной был Николай. Не помня себя, он разговаривал то с одним, то с другим, уговаривая не бояться, подстрекая, раззадоривая. Он-то знал, что уговаривает и подначивает себя, а не их, но эффект со стороны впечатлял. Зачем же такого бросать вниз на поверхность Нубленя? Жестокая война поглощала землян со скоростью три сотни человек в день. Николай бы не выжил.

Его назначили спускать новобранцев на поверхность. И вот уже двадцать лет каждый день он садится у открытого шлюза и орет: «Следующий, товсь!».

– Ну, готов? За матушку Землю, родной, пошёл! – Николай хлопнул дрожащего воина по плечу, и тот, выдохнув, прыгнул вниз.

Каждый десантник был в шлеме и специальном костюме, помогавшем опуститься на поверхность за счет трения о тот самый рыжий туман. Это, пожалуй, и было самое страшное – прыгать без парашюта. То, что планета чужая и живут на ней враги, мало до кого доходило на этом этапе.

Ежедневно на Земле миллионы экранов показывали прыгающих бомбочками и исчезающих в оранжевом тумане храбрецов. Развлекательные программы то и дело прерывались информационной рекламой, во время которой землянам вновь и вновь напоминали, что враги – другие. Похожие внешне на людей они отличались от рождённых под Солнцем: два желудка, какой-то необъяснимый нарост на сердце – что-то вроде нашего аппендикса, отсутствующая печень, сросшиеся в комок лёгкие, а каждое ребро имеет три фаланги, разделенных подвижными суставами. Ученые изучали захваченные и посланные на Землю трупы, то и дело передавали факты о культуре противника. Чаще всего подчеркивались: бездушные, отсутствие искусства и примитивный язык общения. Представители религиозных течений и сект по всей Земле безудержно бубнили о том, что бог, кем или чем бы он ни был, создал лишь одну человеческую расу, а значит те, чужие, не от бога, они – враги не только людей, но и всего святого. Христиане, упиваясь счастливой истерикой, нашли повод ненавидеть целую планету. У них так здорово получалось, что до конкурентов наконец-то дошло, насколько проиграна битва за души там, на Земле.

– Э, Тоха! Э! Слышь меня? Тоха, твою мать! – Серёга пытался докричаться до задумавшегося друга, сидевшего напротив.

Платформа для прыжков тянулась под брюхом корабля длинной кишкой со скамейками, приваренными к стенам. Кишка заканчивалась шлюзом и Николаем Васильевичем.

– Тоха, блин! Наша очередь уже скоро. Давай попросим разрешения прыгнуть вместе, а? Не так ссыкотно будет. Тоха!

– А? Чего? – Тоха встрепенулся, привстал на скамейке. Соседи заржали, видя растерянное лицо, потерявшегося в воспоминаниях солдата.

Этим болели все. Особенно перед прыжком. Пройдись вдоль скамеек, насчитаешь не меньше полусотни замечтавшихся парней. Стекланный взгляд каждого направлен внутрь, туда, где можно разглядеть зелень деревьев, губы женщин, голубое небо над головой, снежинку на языке, горячий асфальт под уставшими ногами, холодное утро под тяжелым одеялом.

– Прыгаем вместе, говорю? Ну, помнишь, как договаривались? – Серёга улыбнулся, надеясь, что его голос звучит достаточно твердо и уверенно.

– Если Васильич разрешит. А то у него, говорят, строго. Вот на других кораблях... чуть ли не в обнимку прыгают, впятером.

– Откуда ты знаешь?

– В столовке кто-то рассказывал.

– А он откуда знает? Кто попадает на прыгалку, назад уже не возвращается.

– Да с Нублени вообще никто не возвращается, – сказал незнакомый парень, сидящий на одно место ближе к шлюзу, в который только что, молча, вывалился, забыв о правильной форме, очередной защитник планеты Земля.

– Ври мне больше. За двадцать лет вон уж сколько ветеранов вернулось. В интернете их рожи повсюду. Истории вечно рассказывают, – Серега вспомнил, как перед уходом на службу целыми днями смотрел ролики о ветеранах, о вой-

не на Нублене, о вражеских привычках. Готовился, представлял себя, режущего глотки, крадущегося в ночи мимо патрулей. Первая Межпланетная Война, и он в ней – участник.

– Ты сам видел хоть одного? – спросил незнакомец.

– Нет, но я не в городе живу.

– Всё одно. Их только по телевизору, да в сети показывают. А знаешь почему? Потому что нет их на самом деле, – почти прокричал незнакомец.

– Эй! А ну тише там! – проорал Николай так, что стены завибрировали.

Тоха вздохнул, закрыл глаза. Он не хотел быть здесь, поэтому чуть что – сразу окунался с головой в теплую пену воспоминаний. Мамина обжаренная курица, синеглазая Катька, надевшая его кожаную куртку поверх весеннего в цветок платья, школа, друзья, велосипед и царапины на коленях.

Тем временем на Земле появлялось все больше социальной рекламы в виде придорожных стендов, песен, музыкальных клипов и забавных интерактивных баннеров в интернете.

«Английские ученые доказали, что ежедневный здоровый секс увеличивает продолжительность жизни на тридцать шесть процентов».

«После того, как я родила, у меня исчезли морщины вокруг глаз, губы стали более пышными. Муж не отстаёт ни на шаг. Да и на улицах головы поворачиваются. А как хорошо уснуть с тепленькой частичкой тебя, дышащей в шею».

«У ваших соседей родился шестой, а вы все еще работаете над первым? Наша клиника поможет вам. Самая разнообразная коллекция внешних и нравственных признаков. Вы можете родить именно такого ребенка, которого хотите. Одобрено Министерством Здравоохранения Земли».

«А для молодых семей наш банк предлагает беспроцентный кредит на покупку жилья или покрытие расходов, связанных с рождением ребенка».

В индустрию клонирования вливались миллиарды, законы переписывались, строились первые фабрики по производству людей.

Это был последний полёт Николая Васильевича. Это оговаривалось в его контракте. Отсрочка в двадцать лет, за которую он тут же схватился, как и схватился бы любой из сидящих на платформе ребят. До его прыжка оставалось пять человек, когда к нему, трясущемуся и потевшему, подошел офицер и отвел его в отдельный кабинет и предложил проработать следующие двадцать лет старшим на прыгалке.

Уже после того, как он согласился, ему рассказали правду о войне, которая должна была защитить Землю от будущих атак жителей Нублени.

Не было никакой войны. Не было никаких жителей.

Рыжий маленький планетовид по имени Нублень действительно однажды, еще до рождения Николая, атаковал Землю. Сам. Подлетел, пёрнул огромным рыжим облаком, и люди начали умирать. Первое облако валило каждого десятого, второе каждого пятого. Третье прошло мимо. Четвертое облако заставляло выплевывать легкие каждого третьего землянина. Анализ газа был практически невозможен. Образцы не успевали донести до лаборатории. А когда его всё же удалось поймать в портативный анализатор, данные, представшие на экранах компьютеров, выглядели так, словно их выдумал второклассник. Случайные значения каждой характеристики постоянно менялись. Средняя продолжительность жизни ученого-химика, проводившего анализ, составляла шестнадцать секунд.

Как бороться с врагом, которого нельзя ударить?

Планетоид нужно было уничтожить. Но нехватка информации сковывала военных, и Земля отправила межпланетный отряд разведчиков. Это была первая модель настоящего космического корабля. Большой, быстрый, многоразовый и надежный, он долетел до Нублени, обходя несущиеся навстречу клубы газа. С того корабля велась непрерывная видеотрансляция. Эту запись и показали Николаю, после того, как он согласился на отсрочку.

Оператор, снимавший видео, высовывался из шлюза. Внизу медленно ползли тонны оранжевого газа. Никакой активности. Никаких радиосигналов. Лазерные пушки и ядерные заряды на корабле приведены в боевую готовность. Но планетоид казался пустым, мертвым. Корабль садился ниже, приближаясь к густым мандариновым облакам.

– Там точно есть кислород, – за кадром молодой Николай услышал голос оператора. – Воздух влетает внутрь. Запах какой-то кисловатый, но воздух вполне свежий. Главное, оранжевым не дышать.

После небольшого смешка весь кадр дёргается, что-то громко хлопает, и камера падает вниз вместе с оператором – от его крика хрипят динамики стационарного корабельного компьютера. Падение замедляется, оранжевый цвет сгущается, становится плотным, на линзе камеры появляются рыжие разводы, как от чего-то жирного и невкусного.

Облака сменяются чистым воздухом, а затем чёрной поверхностью океана. Падение оператора вновь ускоряется. Последнее, что увидел Николай, – огромная пасть, вынырнувшая из воды, открытая в ожидании. Затем темнота, нечеловеческий визг и конец записи.

Но после этого падения Нублень перестал поливать Землю оранжевым газом. Он не делал этого целую неделю.

Итак, писатели стали историками. Они начали изобретать легенды о вооруженных стычках между расами двух миров, о героях, спасавших целые армии, о новом оружии, смелом правительстве и еще более смелом народе.

Появлялись фотографии ветеранов, в интернет стали случайно попадать сфабрикованные видеоархивы с нублеанцами, высаживающимися на Землю. В очередной раз перекраивалась история.

– Грубо говоря, Коля, планетоид жрёт людей. И чем больше он жрёт, тем спокойнее становится, отползает всё дальше вглубь космоса, а жизнь на Земле продолжается.

– Мы скармливаем ему людей, делая вид, что посылаем их на войну?

Николай не хотел верить, он хотел ударить офицера, позвонить домой, каким-нибудь образом предупредить всех.

– Заткнись, молодой еще твякать. До тебя уже всё подсчитали. От газовой атаки Нублени Земля теряла по десять-пятнадцать тысяч человек в день. Детей, женщин, всех подряд. Мы снизили потери до трех сотен отборных, среднестатистических, ни чем не выдающихся солдат. Три корабля каждый день.

Это назвали Первой Межпланетной Войной.

– Я не смогу обманывать всех двадцать лет... – проямлил тогда Николай.

Но он смог.

Тоха с Серёгой попросили разрешения прыгнуть вместе. Николай махнул рукой, мол, валийте. Дождавшись зеленого света над шлюзом, парни обнялись и

прыгнули. Что ж... вместе их и сожрут. Они даже успеют переглянуться перед смертью. Последний момент их жизни будет наполнен удивлением и обидой на весь мир. За обман.

Последним прыгал улыбчивый парнишка, китаец. Под дешевым фальшивым шлемом, вылитым на его родине, он обвязал лоб красной ленточкой. Зажегся зеленый свет, и он, четко выполнив инструкции, комком человеческой жизни прыгнул вниз.

Николай остался один, а это значило, что пора выполнить последний пункт договора, заключенного с Всеземными Вооруженными Силами. На Землю ему нельзя, а летать дальше – старый. Пора было и ему накормить своей жизнью планету-каннибала, чтобы отсрочить чью-нибудь смерть на Земле.

Часть договора – капсула. Съешь ее и успеешь умереть, не долетев до облаков.

Николай проглотил капсулу, досчитал до ста и прыгнул вниз. Шлюз закрылся за ним автоматически, оставив пустую платформу ожидать следующую сотню. Корабль начал разворачиваться обратно к межпланетной станции, когда Николай в полном сознании и абсолютно живой увидел под собой разинутую беззубую пасть. «И тут обманули, суки», – он успел усмехнуться и исчез в сжимающейся бездонной глотке. Кости хрустели, рты открывались, ещё два корабля заканчивали выливать в океан Нублени живые души землян...

Евгений КОНДРАТЕНКО родился в 1984 году в Кишиневе. Окончил Технический университет Молдовы. Инженер ЭВМ. Победитель IV Республиканского молодёжного литературного конкурса «Взлётная полоса» (Молдова, 2014). Участник литературного Фестиваля молодёжи Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ «Бессарабская осень» (Кишинёв, 2014). Победитель конкурса «Под сенью Долны», прошедшего в рамках республиканского конкурса «Творческая молодёжь – будущее русского мира Молдовы», организованного Российским центром науки и культуры при поддержке Посольства России в Молдове и Координационного совета российских соотечественников (декабрь, 2104).

ГОЛОСА ВНУКОВ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Имя в летописи души

Возможно, о Великой Отечественной войне, благодаря «объективности» СМИ и слабой школьной программе по истории, у нас скоро мало кто будет помнить, ведь с той поры прошло столько лет и участников тех страшных событий всё меньше, а подрастающее поколение воспитывается в Молдове на западных ценностях. Всё делается для того, чтобы в будущем, уже наши дети не знали о героях, спасших мир от фашизма, подаривших нам мирное небо. Тяжело осознать, что фашистские идеалы, нацизм, как им верилось, уничтоженный в 1945-м, сейчас, к ужасу старшего поколения, возрождается. Одурманенные неофашистами верят в миф, что если бы наши деды сдались, жизненный уровень был бы намного выше, но забыли о том, что нас считали низшей расой и хотели превратить в рабов. О том свидетельствуют концентрационные лагеря, газовые камеры и печи, в которых уничтожили сотни тысяч людей, детей, пепел их рассыпали по полям и озерам в качестве удобрения и корма для рыб. Женщинам обрезали волосы и использовали в качестве сырья в промышленности. А зверские убийства ни в чем не повинных людей, которые страдали только из-за того, что не принадлежали к арийской расе?..

Вот случай, о котором мало кто знает. О нём нет информации в Интернете и учебниках по истории. Остались в живых только считанные люди, которые помнят и пытаются сохранить память о погибших. А случилось всё весной 1943(44) года в моём родном селе Бырладяны Окницкого района. Более 200 человек были загнаны в подвалы дома бывшего местного помещика Бибера. Завезены из ближних сёл и районов. На рассвете их всех вывели в поле и расстреляли. По преданию, женщине по имени Хайка с маленьким сыном чудом удалось спастись. Позже следы её затерялись. Кого-то в то утро убили, кого-то закопали живьём. Земля в том месте дышала несколько дней...

Фашизм казался непобедимым, всё было продумано и спланировано безупречно: хорошо подготовленная армия, дисциплина, мощное оружие. И «мол-ниеносная» война затевалась якобы формально, в считанные дни советские люди должны были оказаться на коленях. Но не тут-то было! Страна поднялась на борьбу с тёмной силою. Они по-

бедили, наши предки, потому что воевали за Родину. Восемнадцатилетние мальчишки рвались в бой, на передовую. Смотри в лицо смерти, не сломались, выстояли, показав всему миру волю к победе и величайший дух патриотизма.

Минуло семьдесят лет, многое изменилось. Увы, враг вернулся. Правда, в новом облике, в облике друга, он не нападает и не жертвует армией, видимо, научен горьким опытом. А при помощи финансовых вливаний пытается сравить братские народы. К сожалению, нужно отдать им должное – получается неплохо. План работает. Люди как будто загипнотизированы. Непонятно одно – зачем враждовать? Неужели есть что-то важнее, ценнее человеческой жизни? И стоит ли ненавидеть ближнего? Ведь ближний такой же человек, может, иначе мыслящий, но человек!

Говоря о Великой Победе, обычно вспоминают Сталина и маршала Жукова. Бесспорно, их вклад велик, но в каждой семье в этой войне был свой герой, которого уже, может, и нет в живых, но есть память, делающая его бессмертным, вписавшая его имя в летопись души его потомков.

Гавриил Неврянский

В 1943 году ушел на фронт высокий, худощавый, можно сказать, ничем не приметный парень, который, как большинство его сверстников, конечно же, не был готов к такому повороту судьбы. Это и не удивительно, ведь ему исполнилось всего 18 лет. Но так уж было суждено – выпавшие ему дороги Великой Отечественной он сумел достойно пройти, до самого Берлина! О его подвигах в семье было мало известно, сам о войне не любил рассказывать, предпочитая более оптимистичные темы. Возможно, так всё и осталось бы в тайне, но помог случай. В Интернете на одном из сайтов я нашел данные обо всех участниках войны. Как выяснилось, 29 апреля 1945 года этот молодой человек, солдат в районе Хальбе, будучи первым прицельным на орудии, отразил несколько атак противника, пытавшегося выйти из окружения, а когда группа фашистов прорвалась на батарею, он из личного оружия и гранатами уничтожил 7 гитлеровцев, за что удостоился медали «За Отвагу». Парнишка этот прожил долгую и счастливую жизнь и умер 1996-м на 71-м году жизни. Я бы мог рассказать и о каком-нибудь другом герое тех лет, но этот занимает особое место в моей жизни, ведь это мой дед - Неврянский Гавриил Григорьевич. И пусть по воле Господа, его не стало когда мне было всего два года и помню его я очень смутно, он навсегда останется для меня героем и примером для подражания.

Эдуард НЕВРЯНСКИЙ,

студент гуманитарного факультета Славянского университета

КОГДА УЙДЁТ ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН...

Они так быстро уходят, что мы не успеваем подсчитывать потери. Два года назад их было около 5 тысяч, уже к 9 мая 2015 года – лишь 2020 человек. А сколько их осталось сегодня? И сколько доживёт до завтра? Я говорю о наших ветеранах Великой Отечественной войны, о свидетелях тех исторических событий. Их с каждым днём становится всё меньше и меньше. Они уходят безвозвратно...

Осенью прошлого года, 22 ноября, покинул этот мир последний ветеран села Нигурены Унгенского района Иван Васильевич Руссу. В мае ему исполнилось бы 89 лет. Он очень мечтал дожить до мая. Нет, не до дня рожденья, эта дата всегда была на втором плане. Он хотел дожить до Дня Победы, до прекрасного 70-летнего юбилея Победы, о которой так любил вспоминать. Однако его последний марш состоялся в ноябре. И был он траурным. Руководители местной администрации и сельской гимназии говорили о том, что до сих пор дети готовили концерты для ветеранов. Даже когда он оставался единственным, он был в селе символом Победы, той частичкой, без которой праздник 9 Мая теряет свою остроту. Сейчас в Нигуренах уже некого чествовать, но, уверена, будут чтить память ветеранов. И праздник не потеряет свою суть, а возможно, станет ещё более значимым, осмысленным.

Иван Васильевич, как и многие односельчане, был призван в армию в 1939 году. Успел понюхать пороху. Был в окружении, получил ранение... Последний год жизни он уже редко говорил о войне. Но раньше охотно рассказывал о ней. Просто рассказывал. И его слова были правдой, потому что ветераны никогда не позволяли себе лгать о войне. Они даже представить себе не могли, что подобное возможно.

Многие из тех, кто прошел ад Великой Отечественной, содрогаются от того потока лжи, который ныне льют на историю некоторые политики, чиновники, «видные» деятели. Даже сейчас, пока еще живы свидетели той самой жуткой войны, историю пытаются вывернуть наизнанку. А что будет, когда уйдет последний ветеран, когда уйдет последний узник гетто, когда время унесет всех свидетелей той страшной трагедии двадцатого века?

Как может украинский или польский малыш узнать правду о событиях 70-летней давности, если политик Яценюк заявляет, что советские войска в ходе Второй мировой войны оккупировали Украину и Германию. Ну а польский министр иностранных дел добавляет, что Освенцим освободил Украинский фронт, а значит - украинцы. И вроде как совсем забыл или не знал, что воевали в составе Украинского фронта бойцы из самых разных уголков Советского Союза. Большинство, конечно, русские, хотя и украинцев там было немало, как и представителей других национальностей. Это была общая Победа. Одна на всех...

Наши ветераны уходят почти каждый день... Уже не многие из них способны встречаться с молодежью. Они, увы, не молоды, им уже за девяносто. Уже под восемьдесят и тем, кто в детстве пережил ужасы концентрационных лагерей смерти. Они уж точно не будут спорить о том, кто освобождал Освенцим и другие лагеря. Давайте не будем опешлять историю, не будем предавать память людей, которые погибли в годы войны и которые ковали Победу в тылу и на фронте. Вечная память павшим и ушедшим! Почитание и уважение тем, кто ещё остается рядом с нами. Давайте насколько возможно продлим их дни!

Иван Руссу – слева

Забвению не подлежит

ПЁТР ШОРНИКОВ

*(Окончание. Начало в № 1(11) 2014 и
№ 2 (12) 2014)*

ПОДПОЛЬЕ В ДЕЙСТВИИ

Иной оказалась судьба подполья в Рыбницком уезде. 5 мая 1943 года на совещании коммунистов, проведенном с соблюдением процедур, предусмотренных уставом ВКП(б), создан **Рыбницкий** подпольный комитет. Секретарем был избран В.И. Рыбалко, а членами – А.И. Балан и И.И. Диревич. Нарушив правила конспирации, участники совещания составили протокол. В нем зафиксировали принятые решения: «Изучая людей, привлекать лучших патриотов в подпольную организацию». 27 мая в состав комитета были введены еще два коммуниста – бывший начальник пожарной охраны города А.С. Плугарь и И.С. Челпан, до оккупации – бухгалтер Рыбницкого районного земельного отдела. Своей задачей комитет определил организацию саботажа экономических и мобилизационных мероприятий оккупантов. «Вся агитационная работа, – отмечено в отчете Рыбницкого подпольного комитета, – преследовала цель: срыв тех мероприятий, которые проводили румыно-немецкие захватчики». Политическую работу И.С. Челпану было поручено вести в селах Андреевка и Буськи, А.И. Балану – в селах Ержово и Колбасна, И.И. Диревичу – в Выхватинцах, А.С. Плугарю – в Попенках. На заседании, проведенном 8 июня, члены комитета доложили о том, что с селами связь установлена, и назвали имена связных по каждому селу. Позднее комитет назначил своих представителей и агитаторов в села Андреевка, Белочи, Большой Молокиш, Попенки, Воронково, Жура, Колбасна, Буськи, Выхватинцы, Ержово, Гидирим, Мокра, Станиславка, Александровка, Зозуляны и поселок Прогресс. Всего в организации состояли 29 коммунистов и 37 беспартийных¹.

Через А.И. Балана Рыбницкий комитет установил связи с подпольем Каменки, получал оттуда листовки и обеспечивал их распространение. На заседаниях утверждались тексты собственных листовок, в том числе с обращениями к румынским солдатам – с призывами не воевать против Красной Армии и сдаваться в плен. 13 июля 1943 года подпольный комитет, подобно райкому партии довоенных времен, обсудил вопрос «Об уборочной кампании». Чтобы оккупантам досталось как можно меньше хлеба, было решено призвать колхозников срывать уборку, портить технику, препятствовать обмолоту, скрывать урожай. Осенью, когда румынские власти, предвидя свое скорое изгнание, попытались сорвать озимый сев и начали вывозить из района семенное зерно и земледельческий инвентарь, подпольный комитет направил в села агитаторов, призывающих пря-

¹ Коммунистическое подполье Молдавии. Стр.32, 33..

тать семена и проводить сев. Агитация возымела действие. Под урожай 1944 года в Рыбницком районе было засеяно 11 188 гектаров озимой пшеницы и 1292 гектара озимой ржи², а это около 90 процентов довоенного озимого клина.

Осенью 1943 года активизировалось подполье в **Бендерах**. В ноябре, бежав из румынской армии, в город возвратился Валерий Иванов, участник группы Н.Ф. Калашникова. 20 ноября на совещании с участием Иванова, Ратушного и Калашникова был разработан план дальнейших действий подполья. На следующий день Калашников составил программу подпольной организации, которая предусматривала распределение ответственности членов комитета за разные сферы ее деятельности. Военную работу – она включала добывание оружия, уничтожение старших офицеров румынской армии и немецких военных, – взял на себя сам Калашников. Организация политической работы – приобретение радиоприемника, прием сводок Совинформбюро и распространение сведений о положении на фронте посредством бесед и листовок – возлагалась на Ратушного. Подбор людей и их вовлечение в подпольную организацию были поручены Иванову. Первоочередной задачей организации Иванов считал объединение патриотов³.

Калашников провел ряд удачных вербовок румынских военнослужащих. К добыче оружия подпольщикам удалось привлечь начальника охраны военного склада, капрала-кладовщика этого же склада, капрала из охраны другого склада, двоих румынских солдат из других учреждений и, вероятно, некоторых румынских военных, способных достать оружие. Однако Калашников допустил ошибку, ставшую впоследствии роковой. Познакомившись с медицинской сестрой Ниной Гезберг, он наметнул ей на возможность приобретать оружие у прибывающих с фронта раненых румынских солдат. Но медсестра оказалась агентом сигуранцы. 29 декабря были арестованы Николай Калашников и Владимир Лунгу. При обыске в квартире Калашникова агенты сигуранцы обнаружили ряд письменных материалов, свидетельствующих о его участии в подпольной деятельности, в том числе план работы организации, а также револьвер с патронами. Круг его друзей был полиции известен. 3 января 1944 года в Бендерах начались аресты участников подпольной организации⁴.

Всего были схвачены 35 подпольщиков⁵. В Кишиневе их бросили в подвалы военной полиции. Следствием руководил известный в городе истязатель военный следователь Лука Попеску. Особенно жестоко пытали Николая Калашникова. Подследственные не дали показаний о своей подпольной деятельности, тем не

² Там же. С.35, 36.

³ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д. 151. Л.Л. 47, 48.

⁴ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.588, 589.

⁵ Участниками подпольно-патриотических групп города Бендеры в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. признаны 37 человек: Калашников Николай Фёдорович, Реутова Варвара Иосифовна, Ратушный Михаил Владимирович, Ратушный Михаил Васильевич, Ратушная Алла Владимировна, Вдовиченко Михаил Павлович, Иванов Валерий Фёдорович, Лунгу Владимир Николаевич, Горина Людмила Тимофеевна, Чехунова Лидия Николаевна, Савченко Георгий Фёдорович, Добрица Фёдор Матвеевич, Ольшевский Иван Кузьмич, Римский Яков Алексеевич, Марандич Севастьян Павлович, Карнаухов Григорий Семёнович, Раецкий Дмитрий Трофимович, Кара Николай Иванович, Щипанский Николай Кириллович, Шестаченко Пётр Устинович, Атаманчук Иван Петрович, Атаманчук Александр Филиппович, Рубленко Филипп, Мельниченко Василий Пантелеевич, Бернадский Борис Петрович, Стрелец Николай Васильевич, Литвинов Иван Дмитриевич, Ткач Иван Дмитриевич, Кибич Дмитрий Иванович, Тихонов Пётр Илларионович, Евдокимова Анна Ивановна, Сафронюк Пантелей Семёнович, Островский Семён, Белан Александр Иванович, Кара Василий Михайлович, Чернолуцкий Михаил Михайлович, Неутов Артимон Иосифович. (<http://www.nr2.ru/forums/1953589.html>).

менее, руководствуясь «национальным сознанием», военный трибунал вынес 25 смертных приговоров. Однако Красная Армия приближалась к границам Румынии, и чиновники прокуратуры, страшась ответственности, не спешили с исполнением приговоров. Это обстоятельство спасло смертникам жизнь.⁶

Бендерская организация продолжала действовать даже тогда, когда ее участники оказались в заключении. В Кишиневской тюрьме они вошли в состав «тюремной коммуны», созданной приговоренным к расстрелу коммунистом Степаном Грековым. Морально поддерживая молодых людей, Греков проводил с ними беседы об истории коммунистического движения и международной жизни. Участники тюремной коммуны делили между собой получаемые с воли продуктовые передачи. Конспиративные связи удалось установить и тогда, когда бендерские подпольщики были переведены в известную своим жестоким режимом тюрьму Аюд в Румынии. Там Владимир Лунгу встретил кагульского подпольщика Александра Кулаксыза, с которым познакомился в Кишиневской тюрьме в 1942 году. Через Кулаксыза ему удалось установить связь с румынскими коммунистами и организовать доставку продовольственных пакетов для товарищей. Участники Бендерской организации выжили в тюрьме и в августе 1944 года вышли на свободу⁷.

Подпольную организацию «СЕДНО» (Седьмое ноября) восемь жителей села **Савка Атакского района** образовали еще 7 ноября 1941 года. Однако инициатор ее создания К.Ф. Михалко, советский активист, пребывал под стражей в жандармерии Бричан, а затем уездного центра Сороки. Был освобожден, но вскоре вновь арестован и в течение 6 месяцев отбывал наказание в лагере в Олонештах, а затем еще два месяца – в Кишиневской тюрьме. Преследованиям подвергались и другие участники группы, поэтому к работе она приступила только в феврале 1943 года. Организация начала действовать в районном центре **Атаки**, решено было изменить ее название. Теперь она стала именоваться – «Организация борцов за успех Советов» («ОБУС»).

«ОБУС» включала группы патриотов в селах Арионешты, Бричаны, Волчинец, Кодряны, Каларашовка, Мерешовка, Рудь, Унгры. Были созданы и молодежные ячейки, которыми руководили члены комсомольской организации С.Г. Мартынюк (в селе Савка) и Анна Руснак. Подпольщики обзавелись радиоприемником, гектографом, приобрели типографское оборудование. Члены «ОБУС» создали фонд помощи репрессированным гражданам и их семьям, собрав у населения и раздав пострадавшим более 200 тысяч леев.⁸

Был осуществлен ряд актов саботажа. Рабочий-подпольщик П.Ф. Леурда привел в негодность 30 новых жаток, доставленных на станцию Волчинец для отправки в Румынию. Готовясь взорвать мост через Днестр в Атаках, подпольщи-

⁶ Лунгу В. За отчий край. Указ. соч., С.103,104.

⁷ Там же. С.104,105.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 года за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг. были награждены 12 бендерских подпольщиков: Н.Ф. Калашников, В.Н. Лунгу, М.М. Чернолуцкий (посмертно) – орденом Отечественной Войны II степени; М.П. Вдовиченко, Ф.М. Добрица, В.Ф. Иванов, А.И. Неутов (посмертно), Г.Ф. Савченко – орденом Славы III степени; Л.Т.Горина, В.И. Неутова, М.В. Ратушный, Л.Н. Чехунова – медалью «За Отвагу». Награда Михаила Чернолуцкого была вручена его отцу, орден Аргимона Неутова – его матери. (<http://www.nr2.ru/forums/1953589.html>).

⁸ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.623. Л.24, 26; Д.623 «а». Л.17.

ки М.А. Сорбалов и Д.И. Попович, мобилизованные оккупантами охранять этот объект, составили его точный план. Еще один участник «ОБУС»а С. Олойник из села Арионешты на деньги, предоставленные ему организацией, приобрел у румынских солдат, работавших в каменном карьере, взрывчатку. Однако добытого количества тола для подрыва моста не хватило, и диверсию осуществить не удалось⁹. 22 февраля 1944 года на станцию Волчинец прибыл немецкий поезд с боеприпасами. Не умея обращаться с взрывчаткой, подпольщики Леурда и Витушинский ночью вставили между шпалами на железнодорожном мосту металлическую рейку, которая должна была вызвать крушение поезда. Шпала сломалась, рейка согнулась, и поезд прошел. Но жандармы заметили попытку диверсии и усилили охрану железнодорожной линии. Вскоре, когда Витушинский вновь отправился на разведку в запретную зону, он был арестован и под конвоем отправлен в Кишинев. В сигуранце его подвергли допросам, жестоко избивали, но подпольщик ни в чем не сознался и был освобожден¹⁰.

В августе 1943-го руководство «ОБУС»а, нарушая требования конспирации, провело совещание представителей своих ячеек. В нем приняли участие около 30 человек. Решено было создать группы связистов, диверсантов и боевых действий. Провели учебную тревогу, вызвав из сел в Атаки около 40 подпольщиков. Прибыли все вызванные. Им было дано задание добывать оружие, боеприпасы, военное снаряжение и готовиться к вооруженному выступлению; оно намечалось на конец апреля 1944-го. Подпольщики выбрали места для высадки воздушного десанта Красной Армии, наметили убежища для парашютистов, вели наблюдение за военными объектами противника, нарушали его линии связи¹¹.

Две подпольные группы возникли в 1943 году в городе **Сороки**. Одну из них, состоящую из 20 человек, в основном рабочих и крестьян, проживающих в пригородах, возглавлял бывший работник милиции Г.И. Гуменный. Вторую группу составляли 14 гимназистов во главе с учащимся Сорокской сельскохозяйственной гимназии Г.М. Булатом. Обе группы вели патриотическую пропаганду, распространяли сведения о победах Красной Армии. Группа Георгия Гуменного готовилась к партизанской борьбе, ее участники добывали и изучали оружие. Группа Гуменного намеревалась помочь Красной Армии, когда она приблизится к Молдавии, при необходимости – укрыть советских парашютистов, «оказать им помощь и добыть сведения, а также атаковать местные органы» оккупационной администрации. Группа собирала оружие и вербовала помощников в селах Сорокского уезда. Но правилам конспирации подпольщики обучены не были, и их деятельность привлекла внимание оккупантов. Группа оказалась под контролем румынской контрразведки. Гимназисты из группы Юрия Булата, выяснила контрразведка, «изучали оружие и знают, как с ним обращаться, но у них его нет». Сомнений в решимости патриотов выступить на стороне Красной Армии у карателей не было: «если они его найдут, то приступят к нападениям на полицейских, у которых отберут необходимое для них количество оружия»¹².

Стремясь выявить как можно больше патриотов, с ликвидацией обеих групп ССИ не спешила. Между тем в начале 1944-го обе группы объединились в Сорок-

⁹ Там же. Д. 623. Л.27, 28.

¹⁰ Там же. ЛЛ.28, 29.

¹¹ Там же. С.28-31.

¹² Там же. Л.94.

скую подпольную организацию. В ее задачи входило ведение пропаганды с целью вселить в население веру в Красную Армию, распространение листовок со сводками Совинформбюро, вовлечение в организацию молодежи и оказание советским войскам практической помощи путем вооруженного выступления против румынских властей¹³.

Когда организация стала представлять непосредственную угрозу оккупационной власти, полиция приступила к арестам ее участников.

5 ноября 1943 года листовку с призывом к молдаванам, мобилизованным в румынскую армию, повернуть оружие против оккупантов выпустили подпольщики села **Старая Сынжерея**, руководимые Василием Журжиу. В ночь на 14 ноября патриоты расклеили в селе большое количество листовок, в которых, отметила полиция, «угрожали состоятельным жителям, а нуждающихся изображали умирающими от голода, призывая их к восстанию». Очевидно, к этому времени патриоты уже попали в поле зрения сигуранцы. В ходе предпринятых обысков у Михаила Журжиу был найден спрятанный им немецкий пистолет и материалы для изготовления листовок. В феврале 1944-го румынский военный трибунал приговорил В. Журжиу к смертной казни, но этот приговор, как и многие другие смертные приговоры, вынесенные румынскими судами в это время, к счастью, приведен в исполнение не был. Подпольщики пережили заключение в тюрьме Аюд и в августе 1944 -го вышли на свободу¹⁴.

Находить укрытие бежавшим из плена солдатам и командирам Красной Армии помогали участники **Унгенской** группы, руководимой Василием Гавришем. Подпольщики снабжали беглецов одеждой, фальшивыми документами, помогали пробираться по Бессарабии навстречу фронту. Подпольщику Анатолию Данилову, работавшему в примэрии села Четырены, удалось раздобыть около 200 бланков удостоверений личности с печатью. Фальшивые документы для советских военнопленных, которым удалось бежать при взрыве Унгенского железнодорожного моста через Прут, были изготовлены в доме Елены Осиповны Сугак в селе Верхние Буздуганы. Обеспечивал эту работу подпольщик Петр Полищук. Участники группы Корней Касапчук, Михаил Вискун, Спиридон Гавришев и Петр Чирков размещали бежавших пленных на жительство у крестьян окрестных сел и обеспечивали их безопасность. Подпольщики платили членские взносы, а собранные средства использовали для помощи заключенным тюрем Румынии. В ноябре 1943-го они провели в Верхне-Буздуганском лесу совещание с беглыми пленными, на котором обсудили вопросы добывания оружия и перехода через линию фронта.

Помощь заключенным и военнопленным считали своей основной работой и другие патриотические группы. В Тирасполе скрывался окруженец Н.С. Чернобай. Он сплотил группу, в которую входили рабочие А.С. Стенковский, И.И.Сергеев, Т. Стратулат, домохозяйки Татьяна Гушенко, Фаина Ярошенко, Феня Ярощук. После работы женщины встречали у лагеря в Суклее военнопленных, которым передавали еду, одежду и фальшивые документы. Если кому-нибудь удавалось отвлечь внимание конвоиров, патриоты уводили пленного, переодевали его в гражданскую одежду и, покормив и снабдив необходимыми справками,

¹³ Там же. Л.34.

¹⁴ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.350, 586.

выводили из Тирасполя и отправляли в сторону фронта. Группа Н.С. Чернобая освободила таким образом пять военнопленных.

В Тирасполе подобную работу проводили также подпольные группы В.Г. Черновой, З.И. Манько-Макаровой, Г.К. Грунерта, в Бендерах – группы В.Ф. Иванова, Н.П. Марандича и Н.Ф. Калашникова.

В селе **Ближний Хутор** под Тирасполем укрываемые населением проживали в годы оккупации несколько десятков солдат Красной Армии – местных жителей, окруженцев и беглых пленных. Под влиянием бывших бойцов, имеющих военный опыт, сельская молодежь создала вооруженную группу во главе с Григорием Любенко. В ее состав вошли жители Ближнего Хутора Александр Друзь, Иван Тертилов, Иван Клочков, Александр Шуляк, Петр Шуляк, а также окруженцы лейтенант Николай Иванов, младший лейтенант Николай Ковальчук, Дмитрий Полегаев, Николай Кириченко, Иван Цыбуленко, Иван Доценко, бывший ополченец Игорь Мостобаев. Иван Тертилов раздобыл радиоприемник и начал распространять среди жителей сведения о положении на фронте.

О существовании в Ближнем Хуторе патриотической группы стало известно руководителям **Тираспольской** организации В. Панину и М. Сосидько. Установить с ней связь Сосидько поручил жителю Ближнего Хутора комсомольцу М.Топор. Тот справился с заданием. Подпольщики Ближнего Хутора стали получать из города и распространять в селе напечатанные типографским способом листовки, сводки Совинформбюро, экземпляры газеты «Правда». Подпольщики П. Шуляк и И. Тертилов, пробираясь ночью в каменный карьер, засыпали песок в бунксы вагонов, пока румынский патруль, обнаружив, не обстрелял их, и румынские власти не усилили охрану подвижного состава. Ранее подпольщики убили в карьере немецкого солдата. Полиция сочла его самоубийцей, но деятельность патриотов привлекла внимание пособника оккупантов – однофамильца руководителя. В ноябре 1943-го предатель был застигнут в момент, когда следил за собранием участников группы, и Г. Любенко застрелил его. Расследуя «исчезновение» информатора, полиция, уже осведомленная о составе группы, приступила к арестам. Были схвачены 13 из 20 ее участников¹⁵. Затем были арестованы М. Сосидько и А.Топор.

Виктор Панин. Довоенный снимок

Узнав об арестах, В. Панин, Д. Бутук и А. Петровская скрылись в селе Суклея. Стремясь предоставить алиби товарищам, находящимся в заключении, они продолжали готовить листовки и при помощи матери Д.Бутука переправлять их в Тирасполь. Кто-то из арестованных не выдержал пыток и дал показания об их патриотической работе.

В. Панин и Д. Бутук были заочно приговорены к расстрелу. В начале 1944 года румынская полиция все же схватила А. Петровскую, Д. Бутука, А. Рязанцеву, С. Гизмаера, И. Цацкина, Н. Кузьменко. Их жестоко пытали, Николай Кузьменко во время допроса скончался, С. Гизмаер был расстрелян, а Рязанцева и Цац-

¹⁵ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.1029. Л.17,92; Коммунистическое подполье Молдавии. С.92

кин выдержали допросы, ни в чем не сознались и были освобождены. М. Сосидько удалось бежать¹⁶.

Патриотическая группа села **Парканы**, руководимая В.К. Пельтеком, продолжала активную пропаганду. В феврале 1944-го ее участник Г.А. Вербанов установил связь с подпольной группой села Великопоское (командир Г.Е. Голушко), связанной с партизанским отрядом им. Г.И. Котовского под командованием С. Д. Автеньева. По возвращении Вербанова из Великопоского в Паркарны подпольщики провели в доме В. К. Пельтека совещание, на котором было решено создать вооруженную партизанскую группу. Ее командиром утвердили Вербанова, начальником штаба – Пельтека. Были приняты решения – взорвать в центре села арку, прервав тем самым движение по железнодорожному мосту через Днестр, продолжать агитацию среди населения и приобретать оружие. Из Великопоского группа получила 4 винтовки и немецкий автомат. К началу марта 1944 года парканская группа насчитывала 24 бойца. Группа передала партизанам разведывательные данные о переброске войск противника по железной дороге¹⁷.

Партизаны поручили группе подготовить взрыв моста через Днестр, пообещав выслать взрывчатку и специалистов-минеров. Подобравшись к мосту, парканские подпольщики определили место, где можно заложить взрывчатку. Об этом было доложено в штаб отряда им. Котовского. Однако в тот момент взрывчатки у партизан не нашлось, и замысел осуществлен не был. А затем, вероятно, во время карательной операции, проведенной оккупантами против партизан, включая отряд им. Котовского, в руки оккупантов попали списки подпольщиков. В середине марта 1944 года многие участники группы были схвачены румынской полицией¹⁸. 17-летний подпольщик И.С. Чмиль и некоторые другие патриоты, чьи фамилии отсутствовали в списке, переданном партизанам, арестованы не были. Не назвали на допросах их имен и арестованные товарищи.

Из 60 подпольных организаций и групп, действовавших в Молдавии в годы немецко-румынской оккупации, только одна из них попыталась вести патриотическую борьбу в масштабах Бессарабии. Историками она названа Кишиневской межрайонной организацией. Складывалась она поэтапно. В феврале 1943-го участник подпольного комсомола 30-х годов бывший студент Кишиневского сельскохозяйственного института Николай Дораш, учащийся Кишиневской школы виноградарства Дмитрий Москалюк, администратор Кишиневской текстильной фабрики Иохим Епуре, его брат Михаил Епуре и рабочий Михаил Руфуля, зная о трагической судьбе участников других подпольных групп, образовали новую конспиративную организацию. В селах Верхняя Жора, Нижняя Жора, Лопатна, Гиждияны, Березложки Оргеевского уезда разъяснительную работу среди населения проводили Макар Савчук, Максим Савин и другие. Дмитрий Москалюк, уроженец села Булаешты, установил с ними связь. Подобно другим подпольным группам участники кишиневской организации раздобыли радиоприемник и распространяли среди населения сведения о положении на фронте. На активизацию подполья оккупанты ответили ударом, нанесенным вслепую. 23 июня 1943 года кишиневский Центр ССИ арестовал 323 человека, подозреваемых в «коммуни-

¹⁶ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.587.

¹⁷ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.1030. ЛЛ.16,17; Коммунистическое подполье Молдавии. С. 68,69.

¹⁸ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.1030. Л.19.

стической» деятельности¹⁹, но ни одной подпольной группы в результате этой операции карателям раскрыть не удалось.

С Марией Шаповаловой, участницей группы Н.В. Дораша и Д.И. Москалюка, в сентябре 1943 года познакомился уже упомянутый член Румынской коммунистической партии Иосиф Бартодзи. Он, вспоминала Шаповалова после войны, «был грамотный, интеллигентный человек, прекрасный организатор, прирожденный подпольщик, бесстрашный, умеющий сплотить товарищей, воодушевить их на борьбу против захватчиков; он твердо верил в победу СССР». Через М. Шаповалову И. Бартодзи познакомился с Дорашем, Москалюком и другими участниками двух групп. 28 сентября 1943 года в доме Агриппины Георгицэ (Остаповский переулок, 24) состоялось организационное заседание и был создан подпольный Кишинёвский комитет в составе Бартодзи (секретарь), Дораша, Москалюка, Шаповаловой, Руфули. Своей первоочередной задачей комитет назвал организацию подпольных ячеек в Кишинёве и в уездах. С приближением фронта подпольщики намеревались поднять в городе восстание, захватив железнодорожный мост и основные учреждения. Чтобы воспрепятствовать вывозу материальных ценностей, они намеревались взорвать железнодорожный мост через Прут в Унгенах.

Для разъездов, с которыми была связана организационная работа, и для приобретения оружия требовались деньги. В кассе организации было 150 тысяч леев. Большую их часть, 85 тысяч леев, обретенных годом ранее ценой заключения в концлагерь, внес Иосиф Бартодзи. Подпольщики раздобыли радиоприемник и три шапирографа, используемых для выпуска листовок. «Помимо коммунистической пропаганды в Бессарабии, – отмечено в документах сигуранцы, – вышеуказанный (Бартодзи) инструктировал членов комитета и ставил задачи членам ячеек о приобретении оружия, чтобы препятствовать отступлению немецко-румынских войск, а также дал специальное задание для взрыва железнодорожного моста в районе Унген, призывал подбирать людей, которым в необходимом случае будет предоставлена взрывчатка»²⁰.

Иосиф Бартодзи

Опытный конспиратор Иосиф Бартодзи даже членов комитета информировал о своих действиях только в той мере, в какой это требовалось для их подпольной работы. Пытаясь восстановить связь с руководством румынских коммунистов, он дважды в 1941 и 1943 годах выезжал в Бухарест, но безрезультатно²¹. Никому не говоря об этом, он позаботился о приобретении взрывчатки. «Под руководством Бартодзи, – показал после войны бывший резидент бюро ССИ по городу Кишиневу А. Макринич, разысканный СМЕРШ в Румынии, – с большими нарушениями строился коровник на территории Кокорозенской сельскохозяйственной школы». Ссылаясь на «производственную необходимость», подрядчик дважды получал от горнопромышленного управления губернаторства Бессара-

¹⁹ Елин Д.Д. Партизаны Молдавии. С.158.

²⁰ Коммунистическое подполье Молдавии. С.49, 50.

²¹ НА РМ. Ф.3280. Оп.1. Д.1022. Л.3.

бии динамит. Всего он получил 25 килограммов динамита, 75 капсулей и 67,5 метров шнура. Хотя взрывных работ предприниматель не производил, динамит исчез. Имели место и «заимствования» взрывчатки, не отраженные в документах. На складе горнопромышленного управления контрразведка выявила «значительную недостачу» динамита. Бартодзи, заключила контрразведка, брал взрывчатку для диверсионных целей²².

В октябре-декабре 1943 года Кишиневский комитет установил связи с патриотическими группами в селах Булаешты, Мырзач, Мырзешты, Гыртоп-Маре, Гыртоп-Мик. Н.В. Дораш создал ячейку подполья в селе Бошканы. На втором заседании комитета, проведенном 18 октября на квартире у Михаила Епуре, Николай Дораш и Дмитрий Москалюк выступили с отчетами о проделанной работе. В состав комитета был избран Иохим Епуре. 3 ноября комитет поручил Н. Дорашу и И. Епуре составить листовку с призывом к молодежи уклоняться от мобилизации в румынскую армию. Листовка, озаглавленная «Скынтея» («Искра»), была размножена на шапирографе тиражом в 1200 экземпляров и распространена в Кишиневе и в сельской местности²³.

Редактируя листовку, составленную молдаванами, И. Бартодзи внес в ее текст румынские особенности языкового стиля. Листовка, заключили следователи сигуранцы, напечатана в Яссах и доставлена в Кишинев курьером Румынской коммунистической партии. Пять бригад политической полиции, две в Кишиневе и три в Яссах, оставив расследование реальных «дел», пошли по ложному следу.

Распространение листовок глава подполья организовывал лично. «Однажды, – рассказала в своих воспоминаниях подпольщица Лидия Кохана-Садыкина, – кто-то, видимо, заболел из подпольщиков. Бартодзи попросил меня распространить листовки в районе Мунчештской улицы. Я дала согласие. Это было ранней осенью.[...] Бартодзи назначил встречу недалеко от железнодорожного вокзала. Там, около вокзала, он в темноте познакомил меня с двумя молодыми ребятами, фамилий и имен их не знаю.

С толстым пакетом листовок побежали по улице Мунчештской, в сторону села Бачой. Лунной ночью стали расклеивать их на стенах домов, на заборах, бросали во дворы домов. Мы сделали это в течение около 2-х часов... Закончив работу, мы скрылись»²⁴. Одним из молодых людей, распространявших листовки, был П. Гушан, участник группы Н.Г. Бачу.

11 ноября 1943 года губернаторство Бессарабии получило из Бухареста распоряжение провести «Операцию 1111». Она предусматривала вывоз в Румынию промышленного оборудования, сельскохозяйственной техники, продовольствия, скота, угон мужчин призывного возраста²⁵. Подпольщики откликнулись на приказ двумя листовками, в которых призывали рабочих и крестьян не допускать разрушения фабрик и заводов, сопротивляться насильственной эвакуации, препятствовать угону скота, вывозу машин и оборудования в Румынию и Германию²⁶. На очередном заседании комитета перед подпольщиками была поставлена задача вести разъяснительную работу среди солдат румынской армии. Поскольку Дми-

²² Там же. Ф.680. Оп.1. Д.4770. Л.45.

²³ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Сборник документов и материалов в двух томах. Т.2. С.340,341.

²⁴ Коммунистическое подполье Молдавии. С.49.

²⁵ Подробнее см.: Шорников П.М. Цена войны. С.55-62.

трию Москалюку грозила мобилизация, было решено познакомить с Николаем Дорашем связанных с ним руководителей подпольных ячеек.

Организационная работа получила продолжение. В январе 1944 года были созданы подпольные ячейки в селах Кожушна под Кишиневом и Лопатна – в Оргеевском уезде. Кишиневский комитет руководил пятью городскими и 13 сельскими группами. Всего в рядах организации, утверждал И. Бартодзи после войны, насчитывалось около 500 членов.

Для «партизанской комиссии» Института истории партии при ЦК КПМ, руководимой бывшим начальником разведки одного из отрядов II Молдавского соединения Д.Д. Елиным, решающим доказательством участия того или иного лица в патриотической борьбе являлось наличие документации о его аресте оккупантами. Но не все подпольщики и партизаны, к счастью, подверглись арестам. Кроме того, в конце войны многие участники подпольной борьбы погибли, сражаясь в рядах Красной Армии. Многие из уцелевших сочли для себя унижительным что-либо доказывать функционерам от партийной науки. Поэтому официально подпольщиками были признаны только 75 участников Кишиневской межрайонной организации и 19 человек, которые знали о ее существовании и «оказывали содействие в ее работе». Состав организации соответствовал национальной структуре населения центральной части Молдавии. В нее входили 59 молдаван, 20 украинцев, 13 русских, 2 еврея. Показателен и социальный состав подпольщиков: 34 крестьянина, 27 рабочих, 24 служащих, домохозяйек и других²⁷.

Существование разветвленной организации грозило провалом. Сам Бартодзи начало арестов связал с тем обстоятельством, что 5 января 1944 года при попытке приобрести оружие был схвачен член подпольного комитета И. Епуре. «Будучи сильно избит, – показал Бартодзи позднее, – он признался в своей принадлежности к организации. На следующий день был арестован я и другие подпольщики в количестве 46 человек».

На самом деле патриотов выдал провокатор сигуранцы Лазарь Македон, проникший в организацию под видом беглого пленного. И все же полиция действовала во многом вслепую, хватая десятки «подозрительных». Были арестованы около 100 человек. Комиссары сигуранцы Морару и Георгиу зверски издевались над подпольщиками. Следствием руководил офицер военной контрразведки А. Макринич, переделавший славянскую фамилию на румынский лад – Маринеску. Руководителя организации он пытал лично. «Я, – вспоминал И. Бартодзи после войны, – был помещен в холодный темный подвал, где находился 6 дней на так называемом «соленом режиме». Всех арестованных, содержавшихся на таком режиме, кормили специально пересоленной пищей и давали соленую воду. Я испытывал страшную жажду и мучения [...] Вызывая меня на допрос, Макринич бил меня резиновой дубинкой, и все тело в результате избиений было покрыто кровоподтеками и синяками. Уставая от избиений, Макринич передавал меня другому сотруднику полиции, который продолжал меня бить, требуя выдать всех членов организации. Часто Макринич бил меня дубинкой по пальцам рук, которые держали присутствующие на допросах сотрудники полиции»²⁸. Самой тяжелой мукой стал «электрический стул».

²⁶ Коммунистическое подполье Молдавии. С. 48.

²⁷ Там же. С.46.

Этот кошмар продолжался 35 дней. Вследствие пыток Иосиф Бартодзи, здоровый 32-летний мужчина, стал инвалидом. Показаний, способных повлечь новые аресты либо осложнить положение товарищей, схваченных полицией, он не дал, не указал и место хранения приобретенной им взрывчатки. Однако руководитель организации понимал, что его могут замучить насмерть. Поэтому на одном из допросов он расчетливо проговорился о своих поездках в Бухарест на связь с руководством румынских коммунистов и выдумал существование подпольного Бессарабского областного комитета Коммунистической партии. Следователи поверили его «признаниям». Сигуранце, отметил кишиневский областной инспектор полиции полковник Альфред Паксимаде, Бартодзи нужен живым, «чтобы установить его связи с бухарестским Центральным Комитетом КПП и опознать членов областного комитета Бессарабской КП». Попытки были прекращены.

Показаний, уличающих их и товарищей, не давали и другие арестованные патриоты. Сработала и тактика Бартодзи – не оставлять письменных улик. Хотя при обысках у арестованных были изъяты 15 пакетов, содержащих документы и различные материалы и записи, данных о том, что сигуранце удалось использовать эти бумаги в интересах следствия, не имеется. Из пяти подпольных ячеек Кишинева полиция выявила только три, из 13 сельских – пять: в селах Булаешты, Бошканы, Кожушна, Мырзач и Жора де Сус. Полный разгром организации удалось предотвратить. Подпольщики, оставшиеся на свободе, продолжали действовать. Федор Мереуца и другие участники организации, работавшие в трамвайном депо Кишинева, много раз прекращали подачу электричества в сеть, задерживая выход трамваев в город. Тем самым они задерживали начало рабочего дня на предприятиях и в оккупационных учреждениях. Работники ремонтных мастерских Тимофеем Мидриган и Сергей Таратунский так организовали «ремонт» привозимых с фронта автомашин, что они вскоре выходили из строя. Подпольщица из села Кожушна Анна Савва-Залтур, будучи в Кишиневе, прикрепилась при входе на центральный Армянский рынок советский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Впрочем, признавала сигуранца, «антирумынская» пропаганда велась в Бессарабии повсеместно.

В итоге следствия суду были преданы только 42 человека, менее половины лиц, схваченных румынской полицией по делу о Кишиневской межрайонной организации. Одному из арестованных, сапожнику Александру Кристя, удалось бежать. В апреле 1944-го он создал вооруженную партизанскую группу из 5 человек. Скрываясь в подземном убежище в кишиневском пригороде Валя Дическу, ее участники выходили ночью «на охоту», добывая у румынских жандармов оружие, которое, полагали они, пригодится в момент восстания. Однако в июне по доносу была схвачена и эта группа²⁹.

Военный трибунал судил подпольщиков 4-6 марта 1944 года. Иосиф Бартодзи был признан виновным в создании нелегальной организации, в подготовке и распространении листовок. Признания в подготовке диверсий, необходимого суду для вынесения смертного приговора, из него выбить не удалось, и это обвинение предъявлено ему не было. Но румынская юстиция руководствовалась не законом, а «национальным сознанием».

²⁸ НА РМ. Ф. 3280. Оп.1. Д.1022. Л.5.

²⁹ Коммунистическое подполье Молдавии. С.50,51.

И. Бартодзи и еще 10 подпольщиков были приговорены к расстрелу, 27 – к различным срокам каторжных работ³⁰. Член комитета Михаил Руфуля и еще трое подпольщиков, ни в чем не признавшихся, но все же преданных суду, были оправданы. Это была заслуга их товарищей. Однако вместе с подпольщиками были осуждены 10 человек, к организации не причастных: избивая смертным боем, следователи вынудили их оговорить себя. Александр Кристя и участники его группы, скрыв оружие, избежали расстрела. В начале августа они были приговорены к пяти годам каторжных работ как лица, уклоняющиеся от мобилизации в румынскую армию.

Сигуранце И. Бартодзи по-прежнему был нужен живым – для выявления его связей в Бухаресте. Поэтому смертный приговор не был приведен в исполнение. Из Кишиневской тюрьмы его перевели в Румынию, в тюрьму Аюд. Туда же были доставлены и другие подпольщики-мужчины. Женщин отправили в тюрьму города Карансебеш. Политические знакомства в Бухаресте у Бартодзи все-таки были. Находясь в Аюде, он установил связь с участниками МОПР (Международная организация помощи революционерам) и обеспечил снабжение заключенных товарищей продуктами питания и табаком. В августе 1944 года после свержения режима Антонеску осужденные участники подполья вышли на свободу. Кишиневская межрайонная организация не смогла поднять в Кишиневе восстание. Но ее участники внесли вклад в патриотическую борьбу и свое сопротивление со следствием выиграла³¹.

Нанести в Кишиневе оккупантам удар с тыла были намерены и участники молодежной организации «Красная звезда». В ночь на 9 сентября 1943 года Вениамин Рыбчак и Георгий Гаснер вывесили на здании биржи труда по ул. Стефана Великого, 61 красный флаг размером 80 на 60 сантиметров. На красной ткани подпольщица Валентина Маржинэ вышла белыми нитками буквы «СССР». Опасаясь, что флаг заминирован, оккупанты сняли его со здания биржи только в 9 часов утра, когда его уже увидели тысячи прохожих. В. Рыбчак, Г. Гаснер и Адам Маржинэ, находясь в толпе пришедших на биржу рабочих, комментировали появление флага. Это заметили агенты сигуранцы. Подпольщики были арестованы и подвергнуты жестокому допросу. Хотя признательных показаний они не дали, их заключили в лагерь принудительного труда Новые Онешты по стандартному обвинению в «коммунистической деятельности». Из лагеря друзья совершили побег. Скрыться удалось только В. Рыбчаку. Г. Гаснер был схвачен и возвращен в концлагерь, а А. Маржинэ заключили в Кишиневскую Центральную тюрьму.

³⁰ Советские органы, рассмотревшие деятельность Кишиневской межрайонной организации, заключили: Несмотря на жестокие пытки, патриоты, арестованные сигуранцей, не выдали других участников организации, в результате «многие ячейки остались нетронутыми карателями». 6 марта 1944 г. румынским военным трибуналом были приговорены к смертной казни Р. Вельгынвар (И. Бартодзи), М. Шаповалова, Н. Дорош, Д. Москалюк, И. Епуре, П. Гушан, Е. Милко, В. Страйста, Г. Бачу, В. Горбатов, Ф. Мереуца; к 20 годам заключения: М. Савин, М. Епуре, А. Гуцу, И. Дораш, Г. Сыргий, И. Петика; к 15 годам – Т. Стукалов, М. Келару, Н. Сипотяну, Д. Смокина, Д. Дораш, М. Саинчук, Е. Которобай, Ф. Думби, А. Жигня, А. Георгица; к 10 годам – А. Милютин, С. Плешка, Е. Мунтяну, Д. Задрашку, Г. Кишляру, Е. Раду; к 7 годам – Т. Мидриган, Е. Телеш; к 5 годам – Х. Страйста, А. Кристя, А. Залтур; к 3 годам – И. Цуркану, Я. Руссу, Н. Савин, Г. Мандреску. (См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Сборник документов и материалов в двух томах. Т.2. С. 589).

³¹ Коммунистическое подполье Молдавии. С.51.

Вениамин Рыбчак

В. Рыбчак возвратился в Кишинев и скрывался в нижней части города у Петра Постолаки, друга детства. С его помощью руководитель «Красной звезды»

вышел на другую нелегальную группу. На квартире Петра Капраша состоялась встреча с Владимиром Киперь, Алексеем Василиу и другими патриотами. Они вступили в группу «Красная звезда» и подписали текст клятвы. Так Вениамин Рыбчак создал новое подразделение подпольной организации. В декабре 1943-го удалось бежать из тюрьмы и Адаму Маржинэ. Он возглавил подпольную группу молодежи в верхней части Кишинева, в которую входили Алексей Василиу и девушки: его сестра Валентина, Людмила Титова, Агнесса Богданова, Тамара Посторова, Акулина Степанова и другие.

Раздобыв радиоприемник и пишущую машинку, подпольщики готовили и распространяли патриотические листовки, содержащие сведения о победах Красной Армии на фронте. Намереваясь забросать гранатами пулеметные гнезда, оборудованные немецкими войсками в городе вдоль речки Бык, собирали оружие. Из высохшего колодца во дворе городской больницы №1 Петр Капраш и Иван Скворцов достали кем-то спрятанный автомат и два диска патронов. В брошенном доме подпольщики нашли карабин и ящик патронов, вероятно, принадлежащие другой подпольной группе. Дождливой ночью Валентин Киперь и Петр Посторонка унесли два ящика патронов и карабин часового со склада военного имущества, размещенного в парке у Кафедрального собора. С помощью 12-летнего мальчика Николая Попы «позаимствовали» револьвер у немецкого офицера. Вениамин Рыбчак, Петр Посторонка, Алексей Василиу и Валентин Киперь выменяли у власовцев, сопровождающих обоз с вооружением, два автомата, три карабина, 10 гранат и военное снаряжение. Добытое оружие хранили Петр Капраш и Петр Посторонка. Последний, являясь «ворошиловским стрелком», обучал товарищей владеть оружием. Праздник 1 мая 1944 года Рыбчак, Маржинэ и Неверов отметили, вывесив красный флаг на куполе Кишиневского кафедрального собора³².

Летом, когда Кишинев наводнили немецкие и румынские войска, подпольщики систематически нарушали их телефонную связь. В этих операциях участвовали девушки – Людмила Титова, Валентина Маржина, Агнесса Степанова. Последняя перерезала 27 телефонных линий, в том числе четыре раза – кабели, связывающие штабы немецких войск с фронтовыми частями. В. Рыбчак предпринял попытку связаться с партизанами, но она оказалась неудачной. Подпольщики помогали бежавшим из плена советским солдатам. Зная об этом, ССИ внедрила в состав организации своего агента Ивана Бардашова. Подпольщики три месяца укрывали «беглого» пленного, и за это время он выявил наиболее активных участников «Красной Звезды». 16 июля агент выдал их.

В. Рыбчак, когда начались аресты, скрылся в катакомбах на Малой Малине. Жандармы взяли в заложники его мать Марию Георгиевну, сестру Елену 13 лет и

³² Лисецкий А.М., Сытник М.К. Оп. чит., П.101.

16-летнюю Ольгу. В ночь на 2 августа жандармы окружили дом на окраине города, где скрывались В. Рыбчак и участники организации Д. Бедросов и П. Стуловский. Товарищи спрятались в винограднике. Вениамин Александрович Рыбчак, уже ранее побывавший в руках румынской полиции, новому аресту и пыткам предпочел смерть³³.

Были схвачены 8 подпольщиков – А.И. Маржинэ, А.В. Василиу, Д.Ф. Бедросов, В.М. Киперь, В.И. Маржина, П.О. Стуловский, Л.И. Титова, А.Е. Степанова, а также – как заложники – их родные. «Во время ареста, – неопределенно доложил шеф сигуранцы, – были обнаружены автоматы, карабины, гранаты, револьверы, патроны...».

Петр Посторонка успел скрыться, и хранимую им часть оружия полиция не нашла. Арестованных пытали жестоко, но безрезультатно, 12 участников организации избежали ареста. 22 августа арестованные были отправлены в тюрьму румынского города Галац и там освобождены Красной Армией³⁴.

Группы женщин продолжали снабжать продуктами военнопленных. В Кишиневе эта работа приняла столь широкий характер, что полиция заподозрила причастность подполья. «Располагаем сведениями, – сообщил контрразведке 3-й румынской армии начальник жандармского легиона Кишиневского уезда, – что подозрительные элементы из Кишинева через женскую организацию оказывают помощь русским военнопленным и раненым, принося им полные корзины хлеба и различных продуктов под видом милостыни. 13 мая множество женщин появилось с котелками горячей пищи и корзинами хлеба в лагере военнопленных напротив тюрьмы. Проведенным расследованием выяснилось, что одна женщина была уполномочена закупить продукты с рынка для приготовления пищи; так как это был субботний день, они сказали, что подают милостыню. 14 мая те же женщины с полными корзинами хлеба стояли на перекрестке дорог вблизи лагеря и бросали хлеб военнопленным, стоящим на улице. К обеду женщины решили приготовить горячую пищу для советских раненых и для этой цели приобрели большой котел и приготовили пищу в доме №29 по ул. Бертело во дворе с левой стороны. Предполагаем, что местная коммунистическая организация через Красный Крест проявляет заботу о военнопленных и раненых из лагерей»³⁵.

Помощь, оказываемая пленным, – еще одно свидетельство патриотизма населения оккупированной Молдавии.

БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ ПОДПОЛЬЯ

Опыт партизанских действий, предпринятых в 1941 году, показал, что оккупанты используют их как повод для расстрелов заложников. Было очевидно, что партизанские действия следует начать в момент, когда фронт приблизится к Молдавии, а враг будет дезорганизован и неспособен проводить крупномасштабные карательные операции. С этой целью патриоты добывали оружие, укрывали беглых пленных, имеющих боевой и командный опыт, наблюдали за перемещениями и морально-политическим состоянием войск противника.

³³ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.470.

³⁴ Лисецкий А.М., Сытник М.К. Оп. чит., П.99-105.

³⁵ НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д.4809. Л. 139.

Каменский подпольный комитет (секретарь – Я.А. Кучеров) уже 9 января 1943 года, обсудив успехи Красной Армии под Сталинградом, заслушал вопрос «о подборе людей в партизанский отряд»³⁶. Вторично вопрос о развертывании вооруженной борьбы был поднят 11 августа, на совещании 42 представителей подпольщиков Каменского и Рыбницкого районов Молдавии, Крыжопольского и Балтского районов Украины, проведенном в лесу Липки. На совещании было решено сформировать партизанский отряд. Его командиром утвердили Е.Р. Мазура, бежавшего из плена моряка Черноморского флота, а его заместителем – руководителя военного отдела Каменской подпольной организации А.Р. Самония. Отряд должен был состоять из четырех самостоятельных групп, возглавляемых Мазуром, Самонием и подпольщиками Поповским и Гаврисевичем. Вначале требовалось обзавестись оружием. В лес вышла только группа М.Я. Поповского. 18 октября на ее базу у села Боданы были доставлены оборудование подпольной типографии и радиоприемник, необходимые для выпуска листовок³⁷.

Вначале у группы М. Поповского была на вооружении всего одна винтовка, пистолет и 10 гранат, взрывчатки не было. И все же партизаны решили провести диверсию на железной дороге. Поповский, вернувшись домой в село Севериновку, изготовил инструмент для вытаскивания костылей, которыми крепились к шпалам рельсы, раздобыл ключи, необходимые для развинчивания рельсов. Группа вышла на железную дорогу, но была обнаружена и обстреляна охраной, партизан И.Ф. Окнян получил ранение. 11 октября 1943 года, обеспечив охранение, партизаны все же разобрали железнодорожный путь. Под откос была сброшена дрезина с вагоном, в котором находились румынские полицейские³⁸. 15 ноября после тщательной подготовки партизаны во главе с Поповским разобрали путь на перегоне Крыжополь-Рудница и пустили под откос воинский эшелон, включая паровоз, 18 вагонов и 9 платформ с военными грузами³⁹.

Оккупанты произвели аресты в окрестных селах. В числе других «подозрительных» был схвачен и руководитель Каменского подполья Кучеров. Показаний о подполье он не дал, и организация сохранилась. Яков Алексеевич Кучеров погиб в Рыбницкой тюрьме. Указом Президиума Верховного Совета СССР он был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Вскоре М.Я. Поповскому стало известно, что у жителя поселка Ротари Д.И. Верейкина есть оружие, оставленное властями для партизанского отряда в 1941 году. У него Поповский и партизаны И.И. Доценко и Е.А. Вершигора получили три винтовки и шесть гранат. Патроны к винтовкам раздобыл И.Ф. Окнян. Партизаны совершили близ села Боданы нападение на румынский обоз с зерном, отобрав у местных полицейских 6 винтовок и патроны. В декабре 1943-го – январе 1944-го группа Поповского провела еще несколько боевых операций. В Песчанском лесу на дороге Песчанка-Каменка М.Поповский и партизаны Е.Балицкий и И.Окнян забросали гранатами и бутылками с бензином, а затем обстреляли немецкую машину на гусеничном ходу, уничтожив четверых немецких солдат. Однако к месту боя подошли еще две машины с немецкими солдатами. В перестрел-

³⁶ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.160. Л.89.

³⁷ Коммунистическое подполье Молдавии, С.24.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

ке М.Поповский был ранен. Пользуясь наступившей темнотой, партизаны возвратились на базу.

Несмотря на ранение командира, группа продолжила диверсионную работу. На участках Севериновка-Загнитков и Хрустовая-Песчанка партизаны нарушили телефонную связь, а на линии Каменка-Песчанка И. Окнян и Н. Шевчук спилили 11 столбов, обрубили провода, а затем, прицепив их к саням, разволокли по полю. Партизаны блокировали узкоколейную железную дорогу, помешав оккупантам вывезти хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию, доставленную в Каменку из сел района. Несколько засад устроили партизаны также на шоссейной дороге⁴⁰. В дальнейшем участники группы устраивали засады на шоссе, сожгли скирды необмолоченного хлеба в селе Окница, резали линии связи, спиливали телефонные столбы.

Выполняя решение, принятое на совещании в лесу Липки, осенью 1943 года боевую группу численностью до 20 человек сформировал также **Рыбницкий подпольный комитет**. Ее участники приняли присягу на квартире члена комитета Анатолия Балана. Командиром группы был утвержден бежавший из плена капитан Красной Армии С.М. Грищенко. К марту 1944-го организация располагала 38 винтовками и 12 автоматами, а также добровольцами, готовыми в нужный момент взяться за оружие. 11 марта на территорию Рыбницкого района была заброшена с парашютами разведывательная группа 2-го Украинского фронта в составе лейтенанта М.Е. Рыбака и радистки Н.Г. Захаровой. По поручению В.И. Рыбалко член комитета А.С. Плугарь доставил разведчиков с рацией в Рыбницу. Подпольщики раздобыли им румынские паспорта, а затем помогли в сборе разведанных⁴¹.

Накануне отхода противника боевые группы Рыбницкого подполья во главе с подпольщиками С. Ляковским и Н. Любанским уничтожили в бою 17 немецких солдат, а 11 румынских взяли в плен. Другая группа патриотов во главе с А.Баланом разминировала на железнодорожной станции Рыбница 13 вагонов со снаряжением и минами, 8 вагонов-цистерн с бензином, 17 вагонов с награбленными ценностями. Трое подпольщиков во главе с А. Баланом захватили также немецкого офицера связи с штабными документами и передали его разведке советских войск⁴².

Руководитель **Дубоссарского подполья** Д.И. Надводский с приближением фронта сформировал боевую группу, в которую вошли подпольщики И.В. Сокольников, И.В. Макаренко, В.Д. Абраш, А.Н. Мироненко. Брат Дмитрия Иван Надводский был назначен связным. Группа уничтожила в Дубоссарах несколько офицеров и солдат противника. В марте 1944-го подпольщикам стало известно, что оккупанты проведут из Рыбницы через Дубоссары колонну военнопленных. Решили устроить засаду на развилке дорог Дубоссары-Рыбница-Роги, освободить пленных и укрыть их в каменоломнях у села Маловата. Подпольщику А.М. Жулавскому было поручено осмотреть шахты, заготовить продукты для их питания и подобрать в селе Маловата девушек-комсомолок для оказания больным и раненым медицинской помощи и приготовления пищи. Со всеми поручениями Жулавский справился. В назначенное время группа, вооруженная пистоле-

⁴⁰ Коммунистическое подполье Молдавии, С.25,26.

⁴¹ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Т.2. С.409.

⁴² История Приднестровской Молдавской Республики. Том 2. Первая часть. – Тирасполь. РИО ПГУ. 2001. С.233.

тами и гранатами, собралась в лесу Маринова роща. Здесь партизаны обнаружили немецкую батарею из трех пушек на конной тяге и забросали ее гранатами. Однако, когда вышли на главную трассу у села Роги, выяснилось, что колонна пленных уже прошла. В ту же ночь партизанская группа подорвала у села Гояны две немецкие автомашины.

В кузове одной из них оказалась взрывчатка. Возвратившись в Дубоссары, подпольщики решили взорвать Криулянский мост, по которому уходили на запад войска и техника противника. В полночь Д.И. Надводский, И.В. Сокольников и И.В. Макаренко подкрались к мосту и заминировали его. Динамита было мало, взрыв разрушил только въезд на мост. Пехота продолжала уходить, но движение техники было прервано. Перед мостом скопилась колонна военных грузовиков, а также 9 немецких танков. Поняв, что путь к отступлению отрезан, танкисты сами сожгли свои боевые машины⁴³. По существу трое диверсантов уничтожили технику танкового батальона противника. На рассвете 10 апреля в дубоссарский пригород Большой Фонтан вошла разведывательная группа советских войск. Подпольщик А.Н. Мироненко провел ее огородами к месту расположения немецкого подразделения. Открыв огонь, разведчики уничтожили часть солдат противника, а часть взяли в плен. В бою принял участие и Мироненко. В тот же день Дубоссары были освобождены. Подпольщики ушли воевать в составе Красной Армии⁴³.

Ускорили изгнание оккупантов из своего города и подпольщики Григориополя. В январе, когда в городе начались аресты, участник организации офицер Красной Армии Т.М. Данилов скрылся в каменоломнях у села Бычок. Ему удалось отыскать два ящика винтовок и организовать партизанскую группу из 20 бойцов. В начале апреля партизаны напали на квартировавших в Григориополе немецких летчиков. В перестрелке с ними Данилов был тяжело ранен, и отряд возглавил партизан гражданской войны Т.Н. Пушкаренко. 12 апреля партизаны среди белого дня с криками «Ура!» и стрельбой атаковали охрану понтонного моста через Днестр. Приняв их за передовое подразделение Красной Армии, немецкий гарнизон бежал⁴⁴.

В начале 1944 года, когда прошли аресты подпольщиков в Бендерах, ушла в Скрофский лес патриотическая группа села **Дундук**. К партизанам, которыми командовал М.М. Чернолуцкий, присоединились несколько беглых военнопленных Красной Армии, опытных солдат, и отряд успешно действовал до освобождения района. В одном из боев партизан Николай Коляда, несмотря на ранение, пулеметным огнем прикрыл отход товарищей, а когда патроны кончились, застрелился⁴⁵.

В исключительно трудных условиях довелось работать подпольной группе **Тираспольской Центральной тюрьмы**. Оккупанты устроили тюрьму в здании детских яслей №16 на Бородинской площади. Камеры были забиты до отказа, общее число заключённых составляло 1500 человек. Большинство их – партизаны и подпольщики Тирасполя, Григориополя, Дубоссар, соседних районов Украины, подлежащие расстрелу, либо приговоренные к пожизненной каторге или тюремным срокам в 15-20 лет. На втором этаже в специально оборудованной камере

⁴³ Феномен Приднестровья. Изд. 2-е. – Тирасполь. РИО ПГУ. 2003. С. 88.

⁴⁴ Коммунистическое подполье Молдавии. С. 87-89.

⁴⁵ История Приднестровской Молдавской Республики. Том 2. Первая часть. С. 233.

пыток терзали подследственных, надзиратели по любому поводу и без такового избивали узников. Суточный рацион состоял из 200 граммов мамалыги и «баланды» из гнилой капусты, и заключенные умирали от голода. Днём на полу можно было посидеть только по очереди, ночью невозможно было повернуться на другой бок, не потревожив соседей.

Несмотря на жестокий режим, летом 1943 года заключенные создали подпольный комитет из 9 человек. В его состав вошли участник Каменской подпольной организации Н.И. Иванов, тюремный врач С.В. Белецкий, председатель городского Совета Жмеринки Я.А. Кривенчук, житомирские подпольщики А.С. Кудельчук, Я.Я. Назаренко, В.Я. Лихарев и другие патриоты. Активным участником организации стал подпольщик из Шаргорода Н.И. Малинский, в начале войны комиссар артиллерийской части. Оказавшись в окружении, он стал одним из руководителей подполья Винницы⁴⁶. В комитете были представлены все группы подпольщиков, доставленных в тюрьму из того или иного района. Тюремный врач С. Белецкий имел право под конвоем жандарма выходить в город для приобретения медикаментов в аптеке. Своей целью подпольный комитет считал подготовку восстания и массового побега. При помощи вольнонаёмных рабочих тюрьмы через заведующую аптекой П.Ф. Борисову-Шутт и зубного врача Л.И. Влодавскую-Гринцер Белецкий установил связи с патриотами на воле, наладил получение сводок Совинформбюро и доставку материальной помощи. Одна из явок подпольщиков была в магазине, где работал продавцом И.Ф. Токарев, бывший боец бригады Г.И. Котовского.

У него подпольщики получали для передачи заключенным медикаменты, деньги, оружие (несколько пистолетов) и пилки, необходимые для перепиливания решеток. Иван Григоращенко, работавший на ферме имени Антонеску, помог бежать многим заключенным, направленным на ферму работать. Двоих молодых заключенных И.Сибилева и П.Никифорова выкупила у румынской охраны мать И.Ф. Токарева.

Комитет сорвал попытку вербовки заключённых во власовскую «армию», а в августе 1943-го и 2 сентября устроил два групповых побега. В первом случае из тюрьмы бежали 8 заключенных, ранее давших согласие на вступление во власовскую «армию», а во втором – 16 приговоренных к смерти парашютистов и партизан⁴⁷. Один из побегов из тюрьмы, свидетельствовал И. Сибилев, был организован при помощи подкупленного часового, который открыл ворота в сторону Ближнего Хутора. Однако часовые с вышки открыли огонь по бегущим, многие погибли⁴⁸. Заключенная тираспольчанка Мария Мельник оставила свидетельство еще об одном побеге: «... Помню, когда нас всех выпустили во двор, трое мужчин бросились на проходную и сбили с ног часового, разбили ему бутылкой голову и побежали через другой двор к Днестру. Я одного из них видела, когда наши

⁴⁶ Матвеева В. Отряд Михаила Чернолуцкого. В кн.: Во имя Отчизны. Материалы научно-практической конференции «Победа СССР в Великой Отечественной войне и современность». – Тирасполь. 2006. С.64.

⁴⁷ А.Созыкин, автор статьи «Гимн непокоренных» (Красная звезда. 1965, 22 января), в числе членов подпольного партийного комитета Тираспольской тюрьмы назвал жителей Винницы Я. Кривенчука, А. Кудельчука, Д. Панченко и военных: бывшего заместителя начальника оперативного отдела 26-й армии А.А. Алмашева, политрука В.Черненко, схваченного осенью 1943 года при попытке подрыва локомотива на станции Бирзула, старшего лейтенанта В. Перова и москвича Н.Самсонова. (Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Т.2. С.575).

войска выгнали немецких оккупантов. Он был житель Рыбницы. Сидели [в Тираспольской тюрьме также] его жена, мать жены, отец и брат. Всех их расстреляли, остался он один. И он сказал, что прятался в Кицканском лесу и стрелял немцев из автомата⁴⁹.

Независимо от «линии Белецкого» в Тирасполе сложилась группа молодёжи, которая собирала продукты для военнопленных и заключенных. Выдавая себя за жён и невест заключенных, многие тираспольчанки передавали продукты питания в тюрьму на Бородинской площади. Участницу этой группы Зою Манько её «жених», заключённый Тираспольской тюрьмы Леонид Белкин (Гаврилов), попросил наладить снабжение узников едой и чистым бельём. Вместе с подругами В.Черновой, Т. Ткаченко, Т. Костюк, Л.Скок Зоя тайком передавала в тюрьму не только еду, табак, но и письма родственников заключённых и сведения о положении на фронтах. Однажды Леонид попросил Зою помочь в подготовке побега. Ей надлежало подкупить часового и уничтожить книгу регистрации лиц, посещавших заключённых. Кроме того, Леонид попросил передать ему нож, верёвку и бутылки из толстого стекла.

Фронт приближался. 30 марта 1944 года румынские власти передали тюрьму немецкому карательному отряду. Немцы прекратили выводить узников на работу, на прогулки, перестали их кормить и принимать передачи. 31 марта каратели начали массовые расстрелы заключённых. Тех, кто не мог ходить или сопротивлялся, убивали в камерах. Остальных машинами увозили за Белые казармы. Там обреченных заставляли на морозе раздеваться догола, в костре, разожжённом перед строем, сжигали их документы, а затем расстреливали – по 150-200 человек ежедневно. Всего в конце марта – начале апреля 1944 года в тюрьме на Бородинской площади были казнены около 500 человек.

Однако уничтожить всех арестованных оккупанты не успели. В первые дни апреля Зоя Манько и Валентина Чернова, рискуя жизнью, не только собственной, но и своих родных, передали в тюрьму несколько бутылок с молоком и запечённый в хлеб нож. К вечеру 4 апреля в тюрьме осталось всего 260 заключённых, и охранники согнали их в одно помещение. Ещё днём началась сильная пурга, палачи устали и намёрзлись, ослаблена была и внутренняя охрана. Судьба давала узникам последний шанс. Руководители подполья Я.А. Кривенчук и Н.И. Малинский к этому времени погибли, но Иванов, Кудельчук, Назаренко, Лихарёв и другие члены Комитета решили устроить общий побег. Возглавить его поручили Никите Иванову. Заключённые, знавшие Тирасполь, объяснили товарищам, как безопаснее выйти из города. Была составлена схема окрестностей Тирасполя, с которой ознакомились все заключенные. Ночью подпольщики попытались проделать лаз на крышу, но встревожили внешнюю охрану. Нашелся и духовно сломлённый человек, он поднял шум, его обезвредили. Когда в камеру вошёл надзиратель, заключённые оглушили его ударом бутылкой по голове. Затем выбили дверь камеры, уничтожили внутреннюю охрану тюрьмы и, захватив оружие, завязали бой.

Охранники были застигнуты врасплох. Согласно сведениям, собранным службами Красной Армии, «немецкая охрана растерялась, началась паника, и

⁴⁸ История Приднестровской Молдавской Республики. Т.2. Ч.1. С.225.

⁴⁹ Ломанченко Г., Феч Ю. На смерть ради жизни. – Кишинев. Карта Молдовеняскэ. 1975. С.127,128.

⁵⁰ Там же. С.114.

оставшиеся, приблизительно 230 человек разбежались, человек 20 было убито немцами»⁵¹. Оккупанты вскоре возобновили обстрел здания тюрьмы. Большинство заключённых под автоматным огнём наружной охраны, набрасывая на колючую проволоку пиджаки и фуфайки, всё же преодолели ограждение и скрылись за домиками Кирпичной Слободки. Стрельба и крики вызвали среди немецких войск, движущихся по автостраде, панику, они открыли стрельбу наугад, автомашины врезались в пешие колонны, было много жертв. Схема окрестностей Тирасполя, отметил впоследствии участник побега Ю.Ибрагимов, помогла беглецам выйти из опасной для них зоны. Несмотря на гибель многих участников восстания, в целом оно оказалось успешным.

Многим узникам удалось выбраться из города или найти временный приют у жителей Тирасполя. Одним из героев, спасавших обречённых, был житель села Незавертайловка Ф.Е. Бойко. Беглые заключённые Белкин, Шувалов и Кирилук укрылись в Тирасполе на чердаке дома Тамары Ткаченко. Затем их вывезли в сады совхоза им. Фрунзе и спрятали в яме для гашения извести. Тираспольчане Константинов и Ваня Григорашенко снабжали беглецов продуктами и одеждой, и они пробыли здесь до 12 апреля 1944 года, когда в город вступили советские войска. Беглецов укрывали также жители сел Ближний Хутор, Парканы, Владимировка, Гребеники, Славяно-Сербка и им удалось спастись⁵². История Тираспольской Центральной тюрьмы – трагическая, но и героическая страница молдавского подполья, а восстание 5 апреля – свидетельство силы человеческого духа.

Весной 1944 года города Бессарабии были наводнены немецкими и румынскими войсками, трудоспособных мужчин оккупанты использовали на рытье окопов. «Присутствие войск во всех центрах области и постоянная занятость населения на общественно-полезных работах, – отмечено в отчете полиции за май 1944 г., – не дает рабочим организовать и удерживает их от совместных подрывных действий»⁵³.

Поднять в тылу противника восстание подпольщикам не удалось. Однако подполье сыграло важную роль в политической мобилизации населения и развертывании в Молдавии массового невооруженного сопротивления и партизанской борьбы.

⁵¹ Там же. С. 197.

⁵² Новоселов М. В фашистском застенке не смирились советские патриоты. В кн.: Коммунистическое подполье Молдавии. С.103-114.

⁵³ НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д.4812. Л.322.

Пётр ШОРНИКОВ – кандидат исторических наук, эксперт по истории Молдавии периода Великой Отечественной войны. Автор шести монографий и более пятиста статей, посвященных истории и современной проблематике межэтнических отношений. Участвовал в написании ряда обобщающих трудов. Доцент Приднестровского университета имени Т. Шевченко. Постоянный автор журнала «Русское поле».

РУССКОЕ СЛОВО

Подписной индекс газеты - 21555

Индекс льготной подписки - 23555

Член поискового
отряда "Август"
Егор Симонян:

“Для памяти

срока давности нет”

